

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ДОКУМЕНТОВ

СССР

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ДОКУМЕНТОВ

ЛЕОНИД ПЛЮЩ

МИХАЙЛО МИХАЙЛОВ

ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

ЯН ЭЛБЕРФЕЛЬД

ГЕРМАН АНДРЕЕВ

ЮЛИЯ ВИШНЕВСКАЯ

АЛЕКСАНДР ЯНОВ

АНАТОЛИЙ ЛЕВИТИН-КРАСНОВ

ЕФИМ ЭТКИНЦ

ЕВГЕНИЙ КУШЕВ

СОСТАВИТЕЛЬ СБОРНИКА
ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

СССР
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ
АЛЬТЕРНАТИВЫ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ДОКУМЕНТОВ

ЛЕОНИД ПЛЮЩ
МИХАЙЛО МИХАЙЛОВ
ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ
ЯН ЭЛБЕРФЕЛЬД
ГЕРМАН АНДРЕЕВ
ЮЛИЯ ВИШНЕВСКАЯ
АЛЕКСАНДР ЯНОВ
АНАТОЛИЙ ЛЕВИТИН-КРАСНОВ
ЕФИМ ЭТКИНД
ЕВГЕНИЙ КУШЕВ

Составитель сборника —
Вадим Белоцерковский

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АХБЕРГ
ФРГ, 1976

Copyright © by Achberger Verlagsanstalt
Achberg 1976
ISBN 3-88103-070-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	7
АЛЬТЕРНАТИВЫ	
Беседа с Леонидом Плющом	15
Михаил Михайлов — Демократия и социализм	27
Вадим Белоцерковский — Контуры синтеза (Новое левое мировоззрение в СССР)	67
Ян Элберфельд — Отчуждение человека и гуманистическое будущее (Истоки и перспективы «третьего пути»)	95
ПОЛЕМИКА	
Герман Андреев — Христианство, Толстой и сборник «Из-под глыб»	127
Юлия Вишневская — Солженицын и «образованцы»	168
Александр Янов — На полпути к Леонтьеву (Пародокс Солженицына)	188
Приложение к разделу — Спектр неонационализма	203
РАЗМЫШЛЕНИЯ	
Анатолий Левитин-Краснов — Неисправимый социалист	221
Анатолий Левитин-Краснов — Письма о русской молодежи	234
Ефим Эткинд — Политика и правда	243
Вадим Белоцерковский — Письмо к будущим возможностям СССР (Альтернатива предложениям Солженицына)	261
ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ	
Евгений Кушев — Социалистическая оппозиция в СССР	291
ДОКУМЕНТЫ	
«Гуманистический манифест — II»	307
Обращение к сторонникам демократического развития СССР	325
Российские демократические социалисты за рубежом	328
ОБ АВТОРАХ	
	329

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

К настоящему времени из СССР эмигрировало на Запад уже заметное число литераторов, либерального и левого направления.¹

И первая цель сборника — представить работы ряда литераторов этой группы вниманию читателей на Западе и в СССР.

Вторая, дальняя цель сборника — способствовать продвижению в жизнь идеи создания русского либерально-левого периодического издания, желательно в тесном сотрудничестве с родственными кругами восточно-европейских стран и Запада.

В русской эмиграции (в отличие от всех других!) изданий этого направления не существует, и, в результате, большая часть литераторов либерально-левой ориентации, новых эмигрантов, оказалась лишенной возможности — или не считающей для себя возможным — публиковаться в эмигрантской прессе, особенно по принципиальным и дискуссионным вопросам. Мало сейчас стало публиковаться на русском языке и работ, появляющихся в либерально-левой прессе восточноевропейской эмиграции и в соответствующей западной прессе.

Зато увеличивается поток литературы (на русском языке) реакционного и шовинистического направления, что объясняется, видимо, публицистической деятельностью правых кругов новой эмиграции, вдохновляющей правые круги старой рус-

¹ «Левое» — здесь понимается как направление к развитию и углублению демократии в правовой и социально-экономической сферах (с приоритетом правовой сферы). Подробнее позиция инициаторов сборника изложена в обращении инициативной группы (см. раздел: «Документы»).

ской эмиграции. Этому, надо отметить, способствует и то обстоятельство, что большая часть авторитетных представителей либеральной и левой оппозиции находится в СССР, — такие люди, как А. Сахаров, П. Григоренко, В. Буковский, С. Ковалев, А. Твердохлебов, В. Турчин, Ю. Орлов, Л. Копелев, Р. Медведев.

И тот, кто хорошо понимает положение в Советском Союзе, в частности, насколько безидейны и беспринципны руководители страны, способен представить, что в случае какого-либо острого кризиса, может сложиться ситуация, когда в «ночь решения», — куда повернуть? — на руководителей могут повлиять факторы, которые сегодня многим не кажутся значительными. В том числе, и преобладание оппозиционных настроений того или иного направления. Мы при этом, разумеется, не разделяем оптимизма многих наших правых, что ничего хуже нынешнего режима быть не может. Говоря словами Михaila Mихайлова (из статьи в нашем сборнике), «еще как может!»

Поэтому мы и считаем своим долгом всячески содействовать созданию на Западе русской лево-либеральной прессы² и ожидаем помощи от всех, кто заинтересован в демократическом развитии Советского Союза. Мы, как не трудно догадаться, считаем, что демократическим в условиях Советского Союза (как и Восточной Европы) может быть лишь путь развития, либерально-левого спектра.

Говоря о «либерально-левом» направлении и спектре, мы имеем в виду не простое, механическое и, может быть, временное объединение «ли-

² В США существует издательство соответствующего направления — «Хроника Пресс», созданное в 73 году. Но из-за нехватки средств деятельность этого издательства весьма ограничена.

бералов» и «левых». Речь тут идет о совершенно новом явлении. Нынешние левые в СССР, в отличие от старых левых, не только не противостоят либерализму, но и включают его главные принципы в основу своего мировоззрения, не говоря уж о практической деятельности в защиту прав человека.

Задача расширения и укрепления свободы и прав человека большинством нынешних левых в СССР воспринимается как необходимое условие и цель любого социального и экономического прогресса и как критерий прогрессивности любого строя или его модели.

И с другой стороны, современный либерализм в СССР также весьма отличается от своего предшественника. Большинство его сторонников не только не отрицает необходимость социально-экономического переустройства общества, но и серьезно думает о таком переустройстве. Достаточно указать на многие работы Сахарова или вот на последнюю работу Юрия Орлова «Возможен ли социализм не тоталитарного типа?», которая направлена на поиски «синтезного», «третьего пути» и опубликована в сборнике «Самосознание»,³ составители которого определяют направление своего сборника как либерально-демократическое.

Поэтому и стало теперь так трудно определять — кто есть кто? Петр Григоренко — он левый, но и либерал. Валентин Турчин — либерал, но и левый, очевидно, — сторонник демократического социализма.

В течении свободной мысли в СССР либеральная струя уже неотделима от «левого» потока, или, наоборот (чтобы никому не было обидно!), «левая струя» органически входит в «либерально-демократический поток».

³ «Хроника Пресс». Нью-Йорк, 1976.

О составе сборника. Статьи в сборник подбирались из расчета более полного охвата главных оттенков либерально-левого спектра. Некоторые статьи больше обращены к западному читателю, другие к советскому. Разбивка статей по разделам, разумеется, весьма условна.

Часть статей сборника публиковалась ранее в западной прессе, а также в чехословацкой и украинской эмигрантской прессе, часть публикуется впервые.

В порядке отступления от правила (представить работы новых эмигрантов) в сборник включены статьи М. Михайлова и Я. Элберфельда, а также «Гуманистический манифест — II».

Михайло Михайлов — югослав (русского происхождения), но он столь глубоко разбирается в проблемах Советской России и так органически заинтересован ее судьбой, что мы все уже давно считаем Михайлова, что называется, своим. И кроме того, статья Михайлова чрезвычайно актуальна для нашего сборника, так как она посвящена полемике с нашей правой эмиграцией по таким жгучим вопросам, как вопрос, возможно ли без насилия восстановить в Советском Союзе капитализм и кто на Западе является искренним сторонником советских диссидентов, демократов.

Статья Яна Элберфельда, написанная специально для нашего сборника, дается нами для сопоставления взглядов авторов сборника с родственными взглядами, сложившимися на Западе. Необходимо также отметить, что Ян Элберфельд является активистом движения «третий путь», издательство которого взяло на себя труд издать наш сборник. Его статья в известной мере выражает кредо этого движения.

С целью сопоставления в разделе «Документы» публикуется и «Гуманистический манифест — II».

Он создан интеллектуалами Запада, но подписан А. Сахаровым и А. Есениным-Вольпиным (а также и автором этих строк).

Характерно, что этот «Манифест», опубликованный в 1973 г., не был напечатан на Западе на русском языке, но послужил поводом для дискуссии на тему, не является ли Сахаров «замаскированным подручным» КГБ, коли он подписал такой «красный» манифест! В двух статьях утверждалось, что является («Наша страна», Аргентина, 23.10.73 и 11.6.74.), а в третьей это оспаривалось, хотя автор все же не в состоянии был понять, как мог Сахаров подписаться. «На это может ответить только сам академик». («Русская мысль» Париж, 1.8.74.). Думается, что факт такой полемики в эмигрантской прессе проливает дополнительный свет на ситуацию, побудившую нас уповать на создание нового периодического издания.

В заключение я хочу выразить глубокую благодарность всем, кто принимал участие в судьбе сборника:

Ефиму Эткинду и Герману Андрееву, участвовавшим в редактировании сборника.

Светлане Андреевой, взявшей на себя корректуру.

Анатолию Левитину-Краснову, Евгению Кущеву, Юлии Вишневской, Вильфриду Хейдту, Яну Элберфельду, Богдану Кордюку, Ивану Кошелевичу, Сюзанне Либих, Владимиру Блажику и Леониду Плющу, принимавшим участие в решении многочисленных проблем, встававших на пути сборника.

Особо хочется поблагодарить Веру Александровну Михайлова, мужественную женщину, мать Михаила Николаевича Михайлова, которая, несмотря на свое горе, — осуждение сына на семилетнее тюремное заключение, — оказывала нам

в нашем начинании постоянную моральную поддержку и предоставила нам статью «Демократия и социализм» по поручению Михаила Николаевича.

Незадолго до его ареста мы обратились к нему с предложением участвовать в создании сборника, но ответа не успели получить! Как сообщила нам Вера Александровна, Михайлов был арестован в тот момент, когда писал ответ. Мы уверены, что если бы он был на свободе, то принял бы наше предложение. Его статья в сборнике, думается, хорошо подтверждает наше убеждение.

Исполненная глубокой веры в идеалы социализма, эта статья является, между прочим, еще одним веским доказательством нетерпимости югославских властей и абсурдности выдвинутых против Михайлова обвинений.

АЛЬТЕРНАТИВЫ

БЕСЕДА С ЛЕОНИДОМ ПЛЮЩОМ

В. Белоцерковский: Наш сборник называется «Демократические альтернативы», и отсюда первый вопрос: какой путь развития Советского Союза представляется Вам предпочтительным?

Л. Плющ: — Подобный тому, по какому шла Чехословакия в 68 году.

В. Б. — В чем, по-вашему, заключается суть неомарксизма, приверженцем которого Вы себя считаете?

Л. П. — Марксизм, как известно, возник, сформировался как синтез нескольких направлений мысли того времени. Я считаю, что сейчас мир существенно изменился даже со времени Ленина. Изменился и капитализм, и совершенно иначе, чем представлял Ленин, пошло и развитие социализма в СССР. И весь этот опыт марксистская теория должна учесть и внести соответствующие коррективы. Это — первое. Второе — это необходимость использования достижений современной мысли, современной философии и т. д. В частности, мне кажется, что было бы очень полезно использовать достижения психоанализа и структурного анализа.

В. Б. — В нашей предварительной, так сказать, беседе Вы сказали, если я Вас правильно понял, что Вы согласны с точкой зрения, например, Михaila Mихайлова о том, что необходимо и достаточно добиться лишь демократизации политической сферы, не проводя никаких радикальных преобразований в сфере экономики и производства так называемых социалистических стран. Правильно я Вас понял?

Л. П. — Не совсем. Я считаю, что некоторая децентрализация экономики и управления производством необходима, как и рабочее самоуправление на предприятиях. И это существенное преоб-

разование, это изменение производственных отношений. И поэтому революция в СССР должна изменить не только политическую сферу, но и экономику. Но, конечно, это изменение не такое кардинальное, как при революции в капиталистических странах, где должна фундаментально измениться форма собственности.

В. Б. — То есть, Вы считаете, что в СССР нет необходимости изменять форму собственности?

Л. П. — Нет, форма собственности изменится. Сейчас в СССР средства производства принадлежат государству, или как говорил Маркс, — абстрактному капиталисту, а должны принадлежать трудящимся.

В. Б. — Я спрашиваю Вас об этом в связи с Вашими словами, с Вашим пониманием развития Чехословакии в 68 году. Дело в том, что насколько мне известно, в Чехословакии были, виделись два направления в развитии. Одно — то, какое Вы сейчас защищали, а другое — предполагало кардинальные изменения формы собственности на средства производства, — создание групповой формы. Как преобладающей. И что еще важнее, — второе направление предполагало новую форму стимулирования, новую форму экономической конкуренции: не по накоплению капиталов, а по качеству, ассортименту и цене продукции. Сейчас существует мнение, что многие люди в Чехословакии в 68 году еще не осознавали сами, что они создают или способствуют созданию совершенно нового уклада в экономике, который многие сейчас, и я так считаю, начинают называть синтезным укладом. Ота Шик сейчас, к примеру, употребляет это понятие для характеристики данного направления. Синтез лучших и необходимых для здоровой и гуманной экономики элементов капитализма и «классического» социализма.

Что Вы думаете по поводу этого уточнения?

Л. П. — Об этом втором направлении я, к сожалению, ничего не знал и не знаю, и мне трудно тут что-либо сказать, но мне кажется, что обязательно должно сохраняться государственное планирование до тех пор, пока мы не перейдем к коммунизму. Но это государственное планирование должно сочетаться с большой децентрализацией и с самоуправлением трудящихся. То есть должна быть, как говорят в кибернетике, обратная связь.

В. Б. — Но вот многие считают, что для эффективного и неискаженного функционирования обратной связи между производством и потреблением совершенно необходим свободный рынок, притом даже более свободный, чем ныне существующий в развитых капиталистических странах.

Л. П. — Дело в том, что я недостаточно разбираюсь в экономике, и не хотел бы говорить по этому поводу.

В. Б. — Тогда другой вопрос. Какими Вы видите демократические преобразования, которые необходимо предпринять в политической сфере в СССР?

Л. П. — Ну, прежде всего это необходимость гарантий для осуществления различных свобод, многие из которых провозглашаются даже и в сталинской Конституции. Очень важна также и свобода забастовок, которой нет в Конституции СССР.

Затем, необходима, конечно, многопартийная система.

В. Б. — Но ведь для создания сильных, способных управлять государством партий необходимо довольно большое время. Ведь сейчас таких партий нет в СССР...

Л. П.: Но сейчас нет оснований говорить и о революции в СССР. И если эта революция назреет,

то к тому времени, я думаю, сложатся и сильные, устойчивые партии.

В. Б. — Но ведь тут получается заколдованный круг! И нужна ли будет революция тогда? Что Вы вообще понимаете под этим словом? Вы, наверное, знаете, что большинство людей в СССР, желающих изменения строя, высказываеться в то же время против революции за эволюцию . . .

Л. П. — Я под революцией понимаю не только вооруженную революцию, восстание, но и мирное свершение революционных преобразований. Такая мирная революция отличается от эволюции, от реформистского пути тем, что пускай и мирным путем, но совершаются кардинальные преобразования всей структуры, политической и экономической.

В. Б. — События в Чехословакии в 68 году Вы считаете революцией или эволюционными изменениями?

Л. П. — Да, в Чехословакии, на мой взгляд, происходила революция. Власть переходила к народу. А это очень существенное изменение! Это не реформа, это уже революция.

В. Б. — Но сейчас ведь многие в СССР считают, что и кардинальные преобразования можно и желательно в СССР проводить постепенно, поэтапно, путем отдельных реформ?

Л. П. — Да, видимо, какая-то постепенность должна быть. Но и вооруженные революции обычно развиваются по этапам. Чаще всего вынужденно, но все же по этапам.

В. Б. — А как Вы все-таки относитесь к возможности революции «вооруженной», насилиственной? В Советском Союзе?

Л. П. — Я считаю, что, во-первых, народ сейчас в Сов. Союзе политически совершенно не готов к этому. У рабочего класса и крестьянства нет своих

организаций, которые представляли бы их интересы, которые помогали бы им стать политической силой. С другой стороны, десятилетия постоянной «промывки мозгов», десятилетия лжи привели к тому, что в Советском Союзе, у народа в целом нет политического мышления. Он еще должен к нему прийти. Поэтому я думаю, что революция может произойти в большой мере только сверху. Не потому, конечно, что находящиеся у власти бюрократы изменятся в лучшую сторону, изменят свою идеологию и психологию, а потому что постоянные неурядицы в экономике заставят их произвести существенные реформы в этой области. А как показывает опыт, такие реформы невозможны без политических реформ. Ведь это общеизвестная истина, что базис и надстройка тесно связаны между собой. Если же представить, что трудящиеся подымутся на вооруженную борьбу против бюрократии, то, мне кажется, что в Советском Союзе, при огромном военном и полицейском аппарате, такая революция обречена на кровавый провал.

В. Б. — Вы считаете, что руководители страны все таки способны под давлением «неурядиц» пойти на серьезные экономические и политические реформы?

Л. П. — Тут следует иметь в виду экономический фактор еще и в другом, внешнем аспекте — иметь в виду соревнование с капиталистическими странами. Они обгоняют Советский Союз в этом соревновании, и в будущем стране грозит полное поражение. И еще следует добавить, что могущественным фактором давления здесь может стать международное рабочее движение, если оно станет последовательно гуманистическим движением.

В. Б. — И станет оппозиционным к советскому руководству?

Л. П.: Но если гуманистическим, значит и оппозиционным!

В. Б. — Разумеется. Но, даже в Восточной Европе, как мы знаем, где демократические традиции в обществе были значительно сильнее, чем в СССР, где значительно меньшее время существовал тоталитарный, так называемый, социалистический режим и где в руководстве еще оставались идеиные люди, даже там изменения, реформы сверху, начинали проводиться лишь под давлением возмущения снизу, в обществе.

Л. П. — Да, совершенно верно. Я уже говорил, в другом интервью, об этом факторе давления снизу. Но есть существенная разница между достаточно хорошо политически развитыми народами таких стран, как Чехословакия, Венгрия, и советским народом, очень отсталым политически... И все же, несмотря на эту отсталость, усиливающееся оппозиционное движение, пока в основном в среде интеллигенции, видимо, будет становиться более массовым, более сильным фактором давления на руководителей страны.

В. Б. — Но Вы, наверное, знаете, что существует мнение, что Советский Союз вообще не только не созрел для демократии, но и меньше подготовлен к ней, чем это было 60 лет назад. Как Вы считаете?

Л. П. — У меня нет такого впечатления. Рабочий класс в некотором отношении перед революцией 17-го года, действительно, благодаря деятельности различных революционных партий был более сплоченным, более политически грамотным. И имел выразителей своих интересов в лице этих политических партий, профсоюзов...

В. Б. — То есть, сейчас он все-таки менее готов к демократии?

Л. П. — Да, конечно.

В. Б. — Но не думаете ли Вы, что он получил очень важный опыт жизни в тоталитарных усло-

виях и приобрел глубокую неприязнь к устоям тоталитаризма: к социальной демагогии, культу личности, вождя, к бюрократическим методам руководства и произволу, которые не только лишают людей всех основных свобод и прав, — предположим, что «простые» люди к этому еще могут привыкнуть, — но и порождают особую анархию, которую я называю бюрократической анархией, когда бесчисленные законы и приказания бесчисленных начальников порой прямо противоречат друг-другу, и к этому привыкнуть уже невозможно. Это, на мой взгляд, удручет людей больше, чем материальная нужда и неустроенность. И что очень важно — у инженеров, техников, рабочих, постепенно появляется понимание, что так называемый авторитарный порядок порядка не приносит! А люди промышленности заинтересованы в порядке. А отсюда уже один шаг до понимания, что только демократия может дать порядок, действенный и выгодный людям. То есть, я хочу сказать, что важнее навыков к демократии, — их можно приобрести только при демократии! — потребность в ней. И не думаете ли Вы, что потребность в демократии возросла и продолжает расти с ростом образования, с ростом рабочего класса, и, что, думаю, еще важнее, — с ростом заводской интеллигенции, инженеров, техников, высококвалифицированных рабочих, и вообще с увеличением в стране числа людей интеллектуального труда. Что Вы об этом думаете?

Л. П. — Вы в этом вопросе по сути дела дали ответ!

В. Б. — Но это я дал ответ свой...

Л. П. — С которым я в целом согласен. Я только хочу добавить, что сложилась и привычка к безмыслию, привычка к тому, что за тебя мыслит начальство, партия. Это тоже существенный фактор, который надо считать негативным.

В. Б. — Но это тоже представляется несколько спорным. Люди на производстве теперь, по моему, больше думают о том, как обойти распоряжения начальства! Особенno много и серьезно об этом приходится думать «итеэровцам»...

Л. П. — Да, вообще рост технической интеллигенции, связанной с рабочим классом, промежуточной между ним и интеллигенцией гуманитарной, — это, конечно, положительное явление.

Но с другой стороны, надо подчеркнуть, что, протест против тоталитаризма часто выражается в таких же тоталитарных формах. Например, если проследить социальный состав советских фашистов, то можно заметить, что многие из них — выходцы из семей военных и «гебистов». То есть, протестуя против идеологии своих родителей, они поворачиваются на 180 градусов, оставаясь по сути такими же как их отцы.

В. Б. — Кого Вы имеете в виду под советскими фашистами?

Л. П. — Ну, в Ленинграде была очень крупная школьная и студенческая организация фашистов, во Львове была крупная фашистская организация. В Москве несколько маленьких организаций, в частности организация Фетисова-Антонова. Правда, последние не были детьми военных и сотрудников КГБ, в отличие от ленинградских, львовских и ряда других групп.

В. Б. — Как они себя называли?

Л. П. — Некоторые группы прямо называли себя фашистами. Они на своем флаге ставили свастику.

В. Б. — Я даже не знал об этом! И об этом почему-то очень мало известно... А какова их судьба?

Л. П. — Насколько мне известно, никто из них, кроме Фетисовцев, не попал после раскрытия в

тюрьму или в лагерь. Несколько человек, руководители, были посланы в солдаты.

В. Б. — Любопытная форма наказания!.. Напрашивается по «какой-то» ассоциации важный вопрос к вам. Сейчас распространяется мнение, особенно в эмиграции, что развитие страны должно идти в соответствии с национальными традициями России, под которыми понимаются традиции тысячи-челетнего православия и самодержавия. Считается, что этот тысячелетний период является характерным, доминирующим, а 60-летний период советской власти очень маленьким и чужеродным, случайным зигзагом, и таким образом дальнейшее развитие должно выводиться из прошлого России, т. е. должно ожидать создания какой-то авторитарно-клерикальной системы. Насколько по Вашему реальны эти ожидания или мечты? Как сильно, по Вашему мнению, может быть влияние прошлого России? И можно ли считать период советской власти и случайным, чужеродным и очень коротким? Есть ведь мнение, что прошедшие 60 лет были так насыщены событиями, что они равнозначны по своему влиянию на характер людей нескольким столетиям прежнего времени.

Л. П. — Прежде всего, я не разделяю мнения о случайности этого периода. Мне кажется, что сталинское варварство является прямым продолжением варварской истории России. У России ведь очень трагическая история. Это и татаро-монгольское иго, и дикое московское государство, и дикое цивилизаторство Петра Первого, который насаждал лишь отдельные стороны западной цивилизации в целях сохранения и укрепления крепостного строя. Сталин не случайно вернулся к очень многим старым, традиционным русским формам, и совсем не случайно, что сейчас национальными героями русского народа считаются реакционер и

жандарм Европы Суворов, реакционер Кутузов, царь Петр, варварскими методами насаждавший в России цивилизацию. Мне кажется, что одна из важнейших национальных задач, стоящих перед русским народом, — это освобождение других народов от «братской» опеки и действительно свободное сотрудничество различных национальностей, если они захотят остаться в какой-то государственной связи с Россией. И вторая задача — это переход к цивилизации, к демократии!

Я хотел бы еще добавить, что очень важным фактором в развитии народа является Церковь, религия. Но Церковь в России всегда была совершенно несамостоятельна, она была всегда подчинена государству. Тоже самое наблюдается и сейчас в Советском Союзе, когда Православная Церковь полностью подчинена государственному и партийному аппарату. И я считаю логическим продолжением подчинения религии в России интересам государства то, что сейчас и всякая идеологическая деятельность подчинена государству.

И еще. На первый взгляд, утверждение о варварском прошлом России кажется несовместным с фактом существования могучей русской литературы XIX века. Но на самом деле, это лишь реакция интеллигенции на варварство. И, увы, не эта реакция определяла историю России. Характерно, что так слабы были корни русской литературы, что сталинистам без труда удалось уничтожить великую русскую литературу. Сейчас она возрождается в лице Солженицына. Аналогичные явления наблюдаются и у других народов СССР. Например, на Украине появились такие талантливые поэты, как Лина Костенко, как Василь Симоненко, как Ирина Стасив, Игорь Калинец и другие.

В. Б. — Ну, тогда надо сказать, что и в России не один Солженицын есть. Была ведь еще целая

литература «оттепели», которая дала нам много блестящих писателей и которая очень способствовала пробуждению общества, не меньше, чем Самиздат и движение за права человека.

Л. П. — Да, Вы совершенно правы. В развитии самосознания народа все талантливые писатели играют, конечно, очень большую роль.

Я хотел бы еще добавить. Я украинец, но очень люблю русский народ. В частности за то, что шовинизм не присущ широким массам русского народа. Лишь некоторой его части, но не органически, а по причине постоянного социального и религиозного угнетающего воздействия, когда шовинизм возникает как слепая реакция.

Я говорю о народе, а не о мещанине. Эти-то все шовинисты. Да и часть русской интеллигенции (националистические «образованцы») — совершенно омерзительна своей тупой верой в богоизбранность (?) русской нации и отеческим (в лучшем случае!) отношением к неизбранным нациям. Русский шовинизм Брежнева и Андропова — не национальное, а бюрократическое явление. И потому в нем участвуют подгорные, никитченки, щербицкие. Они лишь используют российские традиции.

В. Б. — Закругляя наше интервью или беседу, я хотел бы уточнить Вашу позицию в национальном вопросе. Как я Вас понял, Вы стоите за выход, как сейчас многие говорят, России из СССР. Но, как Вы думаете, пойдет ли это во всех отношениях на пользу русскому народу?

Л. П. — Один из основополагающих принципов марксизма — это право наций на самоопределение, и, конечно, этот принцип остается важным и сегодня. И я считаю, что русский народ станет свободным лишь тогда, когда станут свободными все другие народы СССР.

Под свободой народа я подразумеваю не обяза-

тельно его отделение от России. Но это должны решать сами эти народы, а не русские, демократы или антидемократы и т. д.

Мне кажутся возмутительными те заявления некоторых русских «демократов», в которых есть поучения «меньшему брату» о необходимости единого государства, об угрозе нацменьшинствам со стороны нерусских держав, об опасности анархии при «самостийности». В этом нам, «инородцам», слышится извечное: «не позволим!»

Неморальным мне представляется также подсчитывать, кто на сколько процентов сделал пакостей русским тысячью лет назад.

Если те или иные народы согласятся остаться в одном государстве с русским народом, то нужно добиваться, чтобы эти народы могли свободно развивать свою национальную культуру.

МИХАЙЛО МИХАЙЛОВ

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ

Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальства, против властей, против мироизвестителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных.

К Ефесянам, 6, 12

Но те, что идут, всегда должны
Держаться левой стороны.

Булат Окуджава

Статья моя о перевороте в Чили, напечатанная полтора месяца тому назад, вызвала не только ряд полемических откликов в «Русской мысли», но и, вдохновила немало писем, направленных мне лично в Югославию, в большинстве которых выражается протест по поводу моей защиты социализма и «левых» сил.

Я как раз заканчивал черновик этой статьи о демократии и социализме, когда получил одно письмо, заставившее меня крепко задуматься. Автор письма, посланного из Западной Европы, пожелал остаться анонимным, но о себе написал, что он инженер, родившийся и проживший сорок лет в Советском Союзе и прекрасно знающий социалистическую действительность. Неподдельная искренность, ярко и точно обрисованный механизм безысходности хозяйственной жизни в «госсоциализме», замчательно подобранные из собственного опыта примеры той ужасающей бесхозяйственности, которая царит в СССР, — произвели на меня сильное впечатление, хотя во всем этом и не было для меня ничего нового.

Но то, что заставило меня задуматься и заново

пересмотреть и проанализировать все, о чем я писал и пишу, содержалось в конце письма. Вот какими словами закончил свое послание анонимный инженер:

«... Я прошу простить меня за разнобой стиля, я предупредил о своей полной неподготовленности для задуманного предприятия — попытки хоть как-то повлиять на Вас. Ведь совершенно не влияют на Вас блестяще мотивированные и совершенные по форме статьи Федосеева и Югова. Но я не могу не обратиться к Вам с вопросом — откуда у Вас берется оптимизм проповедовать социализм в то время, когда на его защиту и распространение брошены десятки тысяч танков? Ведь ответственность Ваша очень велика — Ваша аудитория совершенно иная, нежели у Суслова и Митина. Вы призываете под знамена социализма людей, для упоминавшихся выше господ недоступных. Ваш ореол мученика за свободу делает Ваш голос хорошо слышным на Западе. Ваших оппонентов в лучшем случае печатает русская эмигрантская пресса, а Ваши высказывания широко освещаются мировой печатью. Неужели, господин Михайлов, Вы не видите всей двусмыслиности Вашей позиции? Ведь мы с Вами люди книжные, люди слова, а те господа, Сусловы и компания, они люди дела. И растревоженные Вами люди, если под влиянием Вашего международного авторитета они захотят действовать, побегут за теми людьми дела.

Господин Михайлов, Вы не согласны ни с Франком, ни с Федосеевым, ни с Юговым, скорее всего не согласитесь Вы и со мною. Но согласитесь вот с чем. Допустим, Вы правы в историческом плане, пусть Вы убеждены в неизбежности воцарения социалистической системы хозяйства. Но неужели Вам неясна опасность проповеди социализма, пусть самого демократического, именно сейчас, когда

угроза военно-полицейской экспансии этой идеи исключительно велика? И тем опаснее эта проповедь, что исходит она от человека оттуда. Для огромного большинства людей на Западе, я думаю, нюансы различий между югославским, советским, и Вашим социализмом совершенно неясны, ведь они не знают ни того, ни другого, а третьего, пожалуй, не знаете и Вы сами.

Не лучше ли отложить эту проповедь до лучших времен, когда военная угроза будет слабее, когда танков у социалистов будет поменьше? Ведь борьбу за свободу человеческого духа можно (я-то считаю, что не только можно, но и нужно) вести без социалистической проповеди. Вы большой оптимист, Вам ясна социалистическая будущность человечества. А многим из нас неясно, каким образом будет восстановлена, да, я не описался, именно восстановлена свобода духовная на трети территории земного шара. А ведь от этого, наверно, (с Вашей точки зрения) будет зависеть и реализация Вашей социалистической мечты. Не это ли первостепенная задача, не освобождение ли трети человечества от тоталитарного режима? И имеет ли право человек, осознающий эту задачу, имеет ли право такой человек действовать этой задаче во вред?

... Кончая это письмо мое, я обращаюсь к Вам с надеждой, что Вы, даже и оставаясь социалистом, поймете опасность этой темы и найдете силы прекратить эту полемику ...»

Прочел я это письмо, сел и задумался.

Для того, чтобы прекратить полемику, особенностных сил с моей стороны не требовалось. Наоборот, большинство писем, полученных мною, говорило о том, что продолжить полемику и трудно и рискованно. А что если в самом деле найдутся люди, которые подумают, что я защищаю комдиктатуру?

Но с другой стороны, молчать тогда, когда чувствуешь, что должен говорить, — не значит ли это уподобляться миллионам людей, находящихся под властью диктатуры? Цель такого неискреннего молчания, конечно, другая, но ведь и коммунисты, призывая интеллигенцию к молчанию, говорили об опасности вражеского окружения и о пользе отложить свои критические высказывания до лучших времен. И в коммунистических странах ведь всякий разговор о политической демократии воспринимается как защита капитализма, точно так же, как постановка проблемы экономической демократии, по словам моего корреспондента, может быть воспринята на Западе как защита комдиктатуры.

Вспомнилось мне, что Брандт, германский канцлер, из эмиграции ведя борьбу с национал-социализмом, не перестал быть социал-демократом. На этих днях в газетах писали, что барыши западных нефтяных компаний благодаря нефтяному кризису неимоверно увеличились за последние три месяца и что это в то же время сопровождалось падением жизненного уровня широких слоев населения. Однако попытка Брандта поставить под контроль правительства (не национализировать!) нефтяные компании, осталась безуспешной. Вряд ли эти факты помогают борьбе с коммунизмом и вызывают восторг, например, у немецких профсоюзов или у бастующих английских шахтеров.

Подумал я и о том, что левый писатель Генрих Белль все чаще выступает в защиту Солженицына и что, с другой стороны, два года тому назад крупная итальянская газета, по требованию владельца большинства акций этой газеты, автомобильного концерна, отзовала из Москвы своего корреспондента, посылавшего правдивые статьи о жизни в Советском Союзе: это могло повредить

торговому и промышленному сотрудничеству капиталистического концерна с Кремлем. С точки зрения хозяйственно-экономической, в борьбе за рынок это было совершенно правильно, и итальянским капиталистам ничего не скажешь. Ведь сущность капиталистической системы именно и состоит в том, что механизм экономической жизни определяется экономическими, а, скажем, не моральными факторами.

Вспомнилась мне и пророческая, последняя глава «Скотского хутора» Джорджа Орвелла, рассказывающая о грядущем сотрудничестве старого «капиталистического» класса и «нового», партийного.

И вот, если юртодоксально капиталистические, правые круги на Западе в самом деле ведут борьбу с комтоталитаризмом, тогда, пожалуй, прав мой анонимный корреспондент. Ну, а если дело обстоит как раз наоборот?

Раздумывая об этом в большом духовном томлении, перебирая мои книги, случайно я вытащил из шкафа полученные от друзей из Парижа несколько лет тому назад пять номеров русского эмигрантского журнала «Новый Град», издававшегося в Париже сорок лет тому назад. В семидесятом году, выйдя из тюрьмы, журналы эти я небрежно перелистал, даже не разрезав их, — настолько показались они неинтересными по сравнению с огромным количеством новейших книг и журналов на русском языке, присланных за четыре года с Запада. Теперь я начал разрезать «Новый Град», открыл один номер наугад и сразу же напал на следующие слова:

«Примиренчеству справа и слева, осанне капитализму и коммунизму нужно противопоставить христианский протест против двуединого врага... Правду о коммунизме не станут слушать от защитников капитализма...»¹

Тогда я понял — молчать нельзя!

ЧАЛИДЗЕ И МЕДВЕДЕВЫ

Последний прошлогодний номер «Русской мысли»² чрезвычайно меня обрадовал. Обрадовал по двум причинам: первая — открытое письмо Чалидзе Жоресу Медведеву, а вторая — «Полемические заметки» Югова, наконец-то, по существу затрагивающие самые важные и болезненные вопросы современности, — вопросы диктатуры, демократии, социализма.

Мысль, высказанная Чалидзе в его открытом письме, что «гласная дискуссия в среде инакомыслящих — ценность не менее важная, чем само существование инакомыслия, и что провозглашение непререкаемых авторитетов в этой среде есть социальная опасность не менее острой, чем отсутствие инакомыслия вообще», — по моему мнению, должна была бы стать альфой и омегой всякого антитоталитарного движения.

В том, что провозглашение непререкаемых авторитетов является очень большой опасностью, реально нависающей и над зарождающимся общественным мнением в коммунистических странах и над свободной русской прессой на Западе, нет никакого сомнения. Об этом свидетельствует бурная реакция на последние выступления братьев Медведевых. Но не соглашаясь с основными мыслями и доводами братьев Медведевых, даже считая их в известном смысле вредными, я в то же время нахожу еще более вредной нетерпимую реакцию, вызванную этими выступлениями. Мне кажется, что в противоречивых, и в общем-то неверных высказываниях Роя Медведева есть хотя бы одна верная и очень важная мысль — мысль о

¹ «Новый град» 2/1932, Г. П. Федотов «Россия, Европа и мы», стр. 13, 6.

² «Русская мысль» 27. 12. 73 г.

том, что историческими союзниками демократического движения в коммунистических странах являются именно левые (демократические), а не правые (авторитарные) круги на Западе. Другое дело, что это еще не осознано ни по одну сторону железного занавеса.

То, что в настоящее время полемика о путях преодоления тоталитаризма и о будущем России ведется все чаще и все ожесточеннее в среде противников комдиктатуры, явление чрезвычайно отрадное и одним фактом своего существования показывающее, что время великих перемен приближается с каждым днем. Невольно напрашивается сравнение с последним двадцатипятилетием перед падением Российской Империи, когда никто вообще больше не спорил с защитниками царского режима (ведь и теперь не полемизировать же с Сусловым или Пономаревым!), зато полемика о будущем строе велась в среде противников самодержавия.

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Здесь уместно сделать маленький экскурс к интереснейшей статье еще одного участника дискуссии В. Белоцерковского,³ в которой, однако, неправильно, по-моему, поставлен вопрос о целях и средствах. Белоцерковский считает, что когда люди действуют по принципу — цель оправдывает средства, то происходит гибель именно того, для сохранения или осуществления чего были употреблены неподобающие средства. На первый взгляд это так и есть, однако вспоминаются слова Ганди: «Я не знаю никаких целей, я знаю только средства». Если глубже вдуматься в эту проблему, то трудно избежать вывода, что, по существу,

³ «Русская мысль» 10. 1. 74.

люди никогда не поступают и, кажется, не могут поступать согласно принципу, что цель оправдывает средства. Нет — цель и средства всегда однозначны, даже когда настоящая цель остается долгое время неосознанной.

Так, большевиками долгое время не была осознана самая глубинная сущность и единственная цель, за которую они боролись и которой до конца служили — власть всеобъемлющая, безграничная власть. А социализм, индустриализация, построение «царства свободы» — все это оказалось (и для них самих) лишь фикциями и мифами.

Точно так же, когда чилийские (и иные «национально сознательные») генералы да полковники ради сохранения демократии ее умерщвляют, по правильной оценке Белоцерковского, то это значит только то, что их целью вообще является не сохранение демократии, а что-то другое, именно — сохранение экономической системы, которой угрожали социалистические реформы Альянде, и средства полностью соответствовали цели.

Совершенно правильно замечание Белоцерковского о некоторой схожести событий в Чехословакии в 1968-ом году с чилийскими делами. В Чехословакии прокламированной целью советской интервенции была якобы защита социализма от контрреволюции, а на деле целью интервенции было спасение однопартийной диктатуры, и средства вновь полностью соответствовали цели.

И в одном, и в другом случае демократию уничтожили под предлогом спасения: в одном случае демократии, в другом — социализма. При этом идеологическим оправданием и необходимой предпосылкой для действия в обоих случаях было одно и то же — убеждение, что социализм и однопартийная диктатура — однозначны. Одно только то, что правые и левые диктатуры совершенно соглас-

ны с тем, что социализм может быть исключительно тоталитарным и что именно на основании этого и одни и другие душат свободу, должно было вызвать сомнение в истинности такого положения.

КОРНИЛОВСКИЙ ВАРИАНТ

В своих заметках Югов анализирует, по существу, две проблемы: возможность борьбы против коммунизма с помощью правой диктатуры и перспективы сохранения социализма в демократических условиях. Югов считает, что против коммунистов в крайнем случае можно бороться и с помощью диктатуры, и в то же время, по его мнению, в демократических условиях произошла бы десоциализация в коммунистических странах.

Моя основная мысль в связи с событиями в Чили совсем не состояла в утверждении, что диктатура правая и левая — это одинаково плохо. Главная моя мысль состояла в том, что диктатура правых не только не помогает борьбе с коммунистическим тоталитаризмом, как считает Югов, а наоборот — усиливает его, причем в борьбе двух диктатур всегда в конечном счете побеждает худшая, тоталитарная. В борьбе между правыми диктатурами и коммунистическими выжить может только та правая диктатура, которая сама принимает черты тоталитарности. Поэтому невозможно диктатурой бороться с коммунизмом, как невозможно бензином тушить огонь.

Хотя Югов и считает, что диктатура правых — трагедия («идут аресты, льется кровь, людей заключают в тюрьмы и лагеря»), все же это, по его мнению, меньшая трагедия, чем скатывание в коммунистическую необратимость. В отношении того, что коммунистический тоталитаризм именно — необратимость, я с ним полностью согласен, но

спор идёт о том, что является необратимостью, однопартийная диктатура компартии или социализация средств производства, и насколько они между собой связаны.

Оптимистический взгляд на диктатуру правых Югов основывает на предвидении, что через тричетыре года Чили будет нормальной многопартийной парламентарной страной и что в общем похожий результат был бы и в России, если бы Корнилову удалось совершить военный переворот в 1917-ом году. Югов мог бы сослаться и на самиздатовское «Слово нации», придерживающееся того же мнения о диктатуре и Корнилове:

«Либералы очень любят осуждать деспотизм вообще, мешая в одну кучу царизм, фашизм, коммунизм. Но та или иная диктатура порождается конкретными обстоятельствами и выполняет конкретную историческую задачу. Часто задачей одной диктатуры является предотвращение или противодействие другой. И часто такая задача под силу только диктатуре.

... Генерал Корнилов пытался спасти положение ...».⁴

Трудно гадать о том, что было бы, если бы Корнилову удалось взять власть в свои руки. Мне кажется, что гражданской войны Россия и в таком случае не избежала бы, только началась бы она немного раньше или немножко позже. Одно несомненно — Ленин и Троцкий считали, что выступление генерала Корнилова спасло большевистское дело, и если они чего серьезно боялись, так это только того, что Временное правительство ускорит выборы в Учредительное собрание, выйдет из войны и сразу же начнет проводить радикальную аграрную реформу. Нет сомнения, что осуществле-

⁴ «Посев» 5/72, стр. 36.

ние такой программы означало бы конец большевистской партии как реальной политической силы, и угроза коммунистического тоталитаризма в этой части света сошла бы на нет.

Значит, именно отсутствие демократического решения, а не «избыток демократии» (как это все еще слишком многим кажется) сыграло такую трагическую роль в семнадцатом году. За демократический вариант надо было бороться с такой же самоотверженностью и верой, с какой большевики боролись за власть. Если назревшие общественные реформы не осуществляются демократическим путем, то их осуществляют тоталитарные силы и, конечно, самим фактом однопартийной диктатуры сводят к нулю результаты проведенных реформ.

В каком направлении пошла бы корниловская диктатура и провела бы она необходимые реформы — вопрос открытый (тем более, что Корнилов намеревался учинить Варфоломеевскую ночь в Советах солдатских и рабочих депутатов, в ту пору еще не бывших в руках большевиков). Но одно несомненно — продолжить существование общественно-экономической системы, впоследствии разрушенной большевиками, могла только диктатура.

Поэтому не демократия, а всякая диктатура крайне рискованна в отношении результатов, к которым она приводит.

Какие у нас есть основания считать, что чилийская хунта приведет страну к демократии? Неужели Югов серьезно думает, что кровь, тюрьмы да лагеря будут способствовать тому, что число людей, симпатизирующих Альенде, уменьшится? А что если не уменьшится, а умножится, что единствено и можно ожидать при таких обстоятельствах? Тогда как быть? Опять «спасать» диктатурой демократию? И до каких же пор? А самое важное: что если после чаемого падения комдик-

татуры в России и других коммунистических странах большинство народа вдруг демократическим путем выберет социалистический вариант, а не возврат к акционерному и прочему капиталу? Ведь, по Югову, и большинство может заблуждаться, и суть дела совсем не в количестве голосов на выборах.

Какую диктатуру в таком случае следует ожидать? Нам, социалистам, очень важно было бы знать это заранее. А какие меры Югов предвидит по отношению к тем, кто своими идеями будет, по его мнению, вводить народ «в заблуждение»? Это тоже любопытно было бы узнать.

«БАЗИС» И «НАДСТРОЙКА»

Югов, как и Федосеев, считает экономически-производственный «базис» — первичным, в полном соответствии с основной марксистской догмой. Так, по Югову, демократический строй, многопартийность, является лишь регулятором, а не сутью социально-экономической системы.

Но если плюралистский, демократический строй основа, а не «регулятор», то тогда Альянде не угрожал чилийской демократии даже в случае проведения 100% национализации промышленности, как не угрожают демократии английские лейбористы, также проводящие национализацию. Если же политическая демократия лишь «регулятор» или «надстройка», производная от экономического «базиса», тогда не только Альянде, но и лейбористы в Англии работают на диктатуру.

Небесполезно тут напомнить слова Джиласа из его знаменитой книги, что «коммунистическая диктатура — уже сама по себе система, душа системы, ее сущность».⁵ Не государственная или

⁵ «Новый класс», изд. Прегер, Нью Йорк 1961, стр. 98.

социалистическая форма собственности, а партийная монополия. Вот поэтому ликвидация однопартийной монополии будет означать ликвидацию всей коммунистической системы, а не «благораживание» ее. Причем и Джилас в той же книге подчеркивает, что конец комдиктатуры не будет началом возврата к капитализму.

Югов с полным правом настаивает на уточнении самого понятия — социализм. Я его хорошо понимаю. С малых лет он слушал ежедневно пропаганду о том, что власть компартии и социализм — однозначные понятия, и очевидно не задумывался — верно ли это утверждение или нет. Ну, а я жил в Югославии, в которой с 1948 г. советскую систему характеризовали то сталинизмом, то государственным капитализмом, а то — эстатизмом, и у меня отрицательного эмоционального отношения к слову социализм нет. Вообще, надо бы русским антикоммунистам обратить внимание на то, что, кроме них, советскую систему называют социалистической только КПСС и ее спутники. Социал-демократы и социалисты говорят только о комдиктатуре, «новые левые» — о госкапитализме или о диктатуре «нового класса», китайцы о «социал-империализме» и «социал-фашизме» и т. д.

По-моему, самое удачное определение всех коммунистических систем сделал Авторханов во введении к своему двухтомнику «Происхождение партократии». В этом введении Авторханова ни разу не упоминается даже слово — социализм. Прекрасно показано, что основной характеристикой советской системы является не государственная собственность на средства производства, а власть партии над государством: «государство, — пишет Авторханов, — оказалось покоренным партией».⁶

* А. Авторханов «Происхождение партократии», «Посев», 1973, стр. 30.

Поэтому считать национализацию хозяйственной жизни основной причиной коммунистического тоталитаризма, как это делают Федосеев и Югов, — просто нелепо. Именно Россия нуждается в национализации и в экономической, и в политической, и в духовной сфере, то-есть в освобождении государства от диктатуры КПСС.

Я считаю самым точным определением социализма следующее: это такой хозяйственный правопорядок, при котором отменена или существенно ограничена частная собственность на средства производства. Такое определение указывает не только на непримиримость социалистической идеи с властью капиталистических монополий, концернов и картелей, но и с властью партократии, которая, фактически, монопольно владеет всеми средствами производства.

Политическая демократия в капиталистическом обществе не означает в то же время и экономической демократии, и власть собственников на средства производства не упраздняется самим фактом политической демократии, хотя значение демократии огромно, так как она открывает мирную дорогу к демократическому социализму. Конечно, не без потрясений, какие наблюдаются перед каждым новым шагом к социализму в передовых капиталистических странах.

В настоящем же социалистическом обществе политическая демократия будет одновременно и экономической демократией. Поэтому возможности демократии в социалистическом обществе несравненно более значительны, чем при капитализме.

Мои оппоненты не видят становления социалистических хозяйственных отношений в передовых западных странах. Да, там все еще преобладает плюралистическая форма собственности на средства производства. Однако достаточно сравнить

структуре хозяйства в этих странах, имевшую место перед войной, с нынешней, и станет ясно, что происходит все убыстряющийся процесс социализации хозяйственной жизни. И если не произойдет срыв в коммунистическую тоталитарную необратимость, все передовые западные страны к концу века станут полностью социалистическими.

Задержать этот процесс социализации в наше время можно было бы только введением диктатуры.

Форму, в которой происходит социализация в разных странах, определяют исторические и структурные особенности, да и традиции. В Швеции, например, благодаря налоговой политике с каждым годом увеличивается роль государства в экономике как владельца акций и капитала, и уже в качестве не только контролера, но и организатора хозяйственной жизни (конечно, не в советском смысле «административного руководства»). Частное предпринимательство не ограничивается, но, так как налоги на наследство доходят до 90%, то можно сказать, что Швеция приближается к формам «функциональной собственности» на средства производства.

Перед лицом этих фактов не звучит ли прямо диким анахронизмом такое, например, рассуждение еще одного новейшего русского антисоциалиста Панина:

«Если молодой человек, получив в наследство действующий завод, по причине неподготовленности или отсутствия призыва не стремится занять на нем руководящее положение, то он поступит правильно, передав этот завод в руки опытного управляющего. Оставшаяся после компенсации труда управляющего прибыль наследника вполне законна, так как должна рассматриваться как оплата творческих идей покойного созидателя дела, на

основании которых продолжает работать завод.

И необходимо требовать от всех дееспособных обладателей средств, лично не занимающихся ведением своих дел, обязательного полезного труда (!?! — М. М.). Иначе такого собственника следует рассматривать как паразита».⁷

Признаться, я даже немного испугался за будущих капиталистов, ведь доходы с наследственного предприятия будут в кармане, вот бы и жить припеваючи, да прийдет Панин и скажет: «Что же ты, паразит, не работаешь, тебя общество задарма кормить будет, что ли?» И смех и грех, эти рассуждения наших «неокапиталистов».

В Италии, Франции, Австрии, Англии социализация происходит не только путем радикального применения налоговой политики, но и путем прямой национализации. В ФРГ и США ведутся попытки создания «народного капитализма» с привлечением широких слоев населения к обладанию акциями предприятий, на которых они работают, однако всюду государство становится самым важным и решающим фактором в хозяйственной жизни.

Мой оппонент Югов считает, что для уклада, развивающегося в западных передовых странах, надо придумать какое-нибудь особое название, чтобы люди не путали с тем, что в Советском Союзе подразумевается под социализмом. Признаюсь, вот это и есть единственный серьезный аргумент против социализма. Но ведь известно, что в Советском Союзе подразумевают и под понятиями: общественное мнение, бдительность, демократия, план, равенство, преданность, соревнование, выборы, следствие, родина, — ведь не будем же мы отбра-

⁷ «Зарубежье» 3—4 (39—40), 1973, «О несостоятельности марксистской политэкономии», стр. 24.

сывать все эти слова только потому, что партократия полностью исказила их значение. Наоборот, постараемся вернуть им коренное значение. Почему же только к слову «социализм» такая несправедливость?

Кстати, и советскую и китайскую партократию можно подвергнуть критике и с ортодоксально марксистских позиций, как это с большим успехом делают югославские марксисты, за что их в настоящее время гонят из университетов. У Маркса ведь нет ни слова об однопартийной диктатуре, а «диктатуру пролетариата» (мыслимую им как диктатуру большинства народа) он представлял себе то в форме самоуправляющейся коммуны, то в форме выборных советов, а в одном месте он даже написал, что пролетариат при социализме будет осуществлять свою власть путем создания своих партий (во множественном числе). Так что критика против Ленина, оформившего теоретически и практически «единую пролетарскую» партию, Маркса не задевает, так же, как критика советской и китайской систем не является критикой марксистского социализма.

ОСНОВНАЯ ЛОЖЬ МАРКСИЗМА

Самое страшное и ложное в марксизме, не то, что, по Марксу, индустриализация меняет формы общественно-политического строя, что совершенно верно и доказательством чему служит тенденция развития передовых западных стран, — а то, что, по убеждению Маркса, меняется не только форма, а и самая суть политической организации общества.

Однако тот факт, что формы политической организации меняются в зависимости от развития средств производства, ни в коем случае не озна-

чает, что политическая сфера является лишь производной от «базиса», так же как всадник не есть производное от лошади, хотя при смене лошади на верблюда или слона, он меняет форму управления.

Но для тех, кто верит в основную марксистскую доктрину, что не только форма, но и суть политической организации общества является производной от экономико-хозяйственной сферы, — для тех само собой разумеется, что для пришествия «царства свободы» необходимо как можно быстрее развить средства производства. А это осуществимо лишь с упразднением какой-либо политической демократии, мешающей концентрации власти в целях объединения усилий общества в ускорении развития «базиса».

Вот поэтому из основного ложного доктрина марксизма о «базисе» и «надстройке» и вытекает идея насилия и все остальные прелести коммунизма.

Того же мнения, что производственно-экономические отношения первичны, придерживаются в сущности и «классические» антакоммунисты и в целях сохранения той экономической системы, которую они предпочитают, — капитализма, тоже считают возможным упразднение демократии.

И до тех пор, пока человечество не поймет, что сфера политической жизни является основой основ, а не «надстройкой», не «регулятором», — диктатуры будут сменять одна другую, и конец жизни на планете для рода людского будет все ближе и ближе.

Материальные блага необходимы для освобождения человека от материальной нужды, однако они являются только средством, а не целью, и в обществе, стабильность которого зависит от необходимости все более увеличивать производство и

потребление этих благ, свобода человеческая тоже упраздняется, хотя, конечно, несравненно менее болезненным путем; чем при нищенском коммунизме.

Вот поэтому именно левые силы на Западе, требующие широких социалистических реформ, даже когда очевидно, что эти реформы вызовут некоторое уменьшение экономической экспансии, по существу ведут борьбу за свободу, то-есть делают то же самое дело, что и демократическая оппозиция в СССР. Тот факт, что это не осознано ни на Западе, ни на Востоке, говорит о том, что демократическим силам еще не ясна основная цель их борьбы. Потому-то и происходят постоянные недоразумения между левыми силами на Западе и противниками комдиктатуры на Востоке.

КРИТИКА СОВЕТСКОГО «СОЦИАЛИЗМА»

Основная критика советской экономической системы со стороны моих оппонентов сводится к следующему: благодаря отсутствию частной собственности на средства производства нет свободного рынка, а есть административный крайне централизованный план, поэтому нет «обратной связи» между производителем и потребителем, а значит нет никакого стимула к усовершенствованию, экономическому творчеству и предпринимательству. Вертикальная подотчетность руководителей и организаторов хозяйства, из такого положения вытекающая, неминуемо возвышает самый бездарный набор приспособленцев и бюрократов, заинтересованных исключительно в поддержании своего положения. В результате — полный застой и запустение во всех сферах хозяйственной жизни и всеохватывающее чувство, что ничто никому не принадлежит («хозяина нет»), и если бы не было,

резко улучшила положение в хозяйственной жизни благодаря тому, что партия, находящаяся у власти и не желающая проиграть на выборах, сделала бы все возможное для активизации народного хозяйства и ни в коем случае не была бы заинтересована в поддержке бездарных руководителей производства. Риск и предприимчивость снова стали бы необходимыми качествами, обеспечивающими успех. Так что обратная связь возможна и вне рыночного хозяйства в политически *плюралистическом обществе*.

То, что в классическом капитализме являлось *необходимым условием* существования и развития — свободный товарный рынок, — в социалистическом — это свободный политический, идеиный и организационный «рынок». А к такой системе теми или иными путями идут все передовые западные страны.

Каким в деталях будет этот строй, я не знаю, готовой схемы у меня нет, да и не нужны схемы.

Несомненно только вот что: во-первых, в политической сфере идеиный, духовный и организационный плюрализм является той основой, без которой никакое будущее общество немыслимо, — а во-вторых, в силу нашей индустриальной культуры так же немыслима и частная собственность на средства производства.

ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ В СССР

Главный аргумент Югова против возможности плюралистического социализма в будущей России состоит в его убеждении, что в демократических условиях капитализм был бы восстановлен просто путем свободных выборов. Партия, конкурирующая за власть, в свою программу неминуемо вносила бы мероприятия по десоциализации, что при-

влякало бы большинство голосов, и от социализма со временем ничего бы не осталось. Позволительно в этом усомниться.

Если речь идет о колхозах, то весьма возможно распадение колхозов на частные хозяйства, хотя бы на первых порах. То же самое возможно ожидать в отношении сферы обслуживания и в ремеслах. Однако, в индустриальном обществе аграрный вопрос все же второстепен. И вот мне кажется, что все, считающие возможной «рекапитализацию» коммунистических стран, просто не учитывают того, что теперь в отличие от 1917-го года, в России существует многочисленный рабочий класс и не менее многочисленный научно-технический. То, что и рабочие, и ученые, и техническая, и гуманистическая интеллигенция кровно заинтересованы в ликвидации повсеместного хозяйствничания парто-кратии — не подлежит никакому сомнению. Однако из этого ни в коем случае не вытекает влечение к хозяйствничанию акционерного, финансового или анонимного капитала.

После падения комдиктатуры несомненно сразу же создадутся независимые профсоюзы, которые именно в посткоммунистических условиях, когда не будет ни «нового», ни «капиталистического» класса, будут играть важнейшую, если не решающую роль. И если в передовых западных странах в условиях демократии профсоюзы поддерживают программу социализации, то совершенно непонятно — почему бы это в индустриализованной, демократической России было бы наоборот? И приход к власти несоциалистических партий в капиталистических странах никогда не означает «рекапитализации» всего того, что предыдущее социалистическое правительство национализировало.

Надо думать, что рабочее движение в России будет искать некую новую форму экономической

по словам моего корреспондента, «подпольной, формально преступной системы латентных экономических связей, гальванизирующих мертворожденного монстра», то наступила бы хозяйственная смерть.

Все это совершенно верно, однако чрезвычайно важно разобраться — в чем корень такого плачевного состояния.

Мне не раз приходилось писать, что нельзя так запросто отождествлять монополию КПСС с социализмом. Психологически такое отождествление можно понять, как можно понять украинских националистов, все грехи комдиктатуры приписывающих русским, или хорватов, то же самое приписывающих сербам. Однако оправдать это нельзя.

До каких абсурдов это доводит, можно увидеть на примере статей Федосеева. «Социализм... — пишет он — совершенно не может допустить многопартийности».⁸ — Как будто речь идет о личности или организации. И благодаря этому отождествлению и смешению понятий, Федосееву не удается сделать правильный вывод.

Вот что он пишет:

«Таким образом, все мечты населения и многих крупных деятелей о прямых связях и даже о каком-то «социалистическом рынке» лишены всякого основания. Такие разговоры и такие лозунги могут быть, но существа дела таково, что действительно прямые связи и действительный рынок приведут к утрате средств контроля и управления, то-есть власти».⁹

И ведь совершенно правильно сказано — к утрате власти! Но кем! Разве социализмом? Конечно же не социализмом, а партией!

Ликвидация партийной монополии сразу бы

⁸ «Посев» 6/72, стр. 39.

⁹ «Посев» 1/72, стр. 44.

организации,—то ли в форме промышленных объединений и самоуправления, то ли в форме функциональной собственности,—но уже само по себе падение комдиктатуры, без всякой десоциализации, настолько развязает все экономические силы страны, что новая форма организации экономической жизни не будет первостепенной задачей. Первостепенной задачей будет организация политической и государственной сферы. И могу заверить моих оппонентов, что мы, демократические социалисты, «с цифрами и фактами в руках» (как советует Югов) сделаем все возможное для того, чтобы показать, насколько гибельна та дорожка, на которую зовут всевозможные «правые».

Для меня лично совершенно несомненно, что «рекапитализация» социалистических стран после падения комдиктатуры, будет абсолютно невозможна в условиях демократии.

В 1968-ом году югославская партократия попыталась провести «рекапитализацию» в хозяйственной жизни, и югославская печать начала популяризировать идею основания частной фабрики в городке Ораховица, которую якобы намеревался построить некий богатый частник. Результатом этого эксперимента были большие студенческие волнения в Белграде и Загребе, после чего разговор о частном капитале и введении акций — заглох. Самое знаменательное то, что студенты протестовали одновременно против «нового, партийного» класса и против возможности возрождения старого, «капиталистического».

Возможен ли многопартийный социализм? Если исходить из ленинских догм—конечно, нет. Однако люди как-то забыли, а в России почти что и не знают, что, кроме социализма Ленина, существует демократический и христианский социализм Бердяева, Федотова, Степуна, Бунакова, Вишняка

и многих других замечательных русских мыслителей, попавших на Запад после революции. И вот в моих руках журнал «Новый Град» под редакцией Федотова, Степуна, Бунакова, печатавшийся в 1932/33 году.

Не могу удержаться от соблазна пригласить авторов «Нового Града» сказать хоть несколько слов в мою поддержку:

«Большевицкий марксизм, этот отработанный пар капитализма, имеет очень мало общего с социализмом... Хотим мы этого или не хотим, но капиталистическая реставрация в послебольшевицкой России невозможна. Капиталистический «дух» вызывает в душах современных людей отвращение. Мечтать в таких условиях о лечении России этим духом значит не слышать ритма мировой истории... Невозможно идти по пути реакции — вернуться к старому хозяйству так же невозможно, как восстановить нерегулируемое движение в Париже или в Лондоне: автомобили передавят друг друга... Капитализм в одной стране так же невозможен, как и социализм...» (И. Бунаков).¹⁰

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ЧИЛИ

Главная опасность скатывания в новую диктатуру состоит не в том, что существуют люди, считающие капиталистический способ производства лучшим и более эффективным, чем социалистический (всегда ссылаясь на коммунистические страны, где социализма не было и нет), а в том, что допускают ликвидацию демократии для сохранения капитализма (а в России — для восстановления).

¹⁰ «Новый Град» 5, «Хозяественный строй будущей России», стр. 25, 32.

Можно Югову и поверить, что он предвидел экономический хаос, который произойдет в Чили в результате Альенцевских реформ. Однако его объяснение причин этого хаоса не выдерживает никакой критики. Я не буду повторять всех возражений против основной социально-политической схемы Федосеева и Югова, из которой вытекает, что национализация является исторической и логической причиной тоталитарной диктатуры. Дело обстоит как раз наоборот.¹¹ Однако когда Югов экономическую разруху в Чили приписывает результатам реформ, проведенных Альенде, а не сопротивлению этим реформам, то тогда необходимо возразить. (Конечно, факт сопротивления ни в коем случае не оправдывает попыток Альенде обойти парламент).

Спрашивается: почему бы это раздача поместичьих земель крестьянам (не коллективизация ведь!) так подорвала экономику страны? Почему национализация рудников меди вызвала экономический кризис? Почему национализация рудников и промышленных предприятий, находящихся в руках американских или интернациональных компаний, не вызывает экономического хаоса в других латиноамериканских странах, например, в Перу? Нет, никаких экономических причин для кризиса в Чили не было.

Зато были самые серьезные политические причины. И Югов прав, что почва для реформ не была подготовлена. Если бы в самом деле экономические реформы, а не обструкция и активное сопротивление реформам вызвали хозяйственный кризис в Чили, то тогда число голосов — 46% или 51% — действительно не играло бы никакой роли.

¹¹ Об этом я писал в статье «Еще раз о самоуправлении и социализме», «Посев» 10/73.

в экономической разрухе. Но если не реформы, а сопротивление проведению реформ повинны в кризисе, то тогда эти 5% радикально бы изменили все дело. В таком случае Альенде имел бы поддержку парламента, который именно-то и сковывал и сводил к нулю успех всех экономических преобразований. И хотя это второстепенно, но все же нельзя забывать активное сопротивление социалистическому правительству со стороны огромнейшей международной телефонной компании ИТТ, обструкцию со стороны импортеров чилийской меди, отказ в кредитах со стороны США и усиление вследствие этого ультралевых групп, нередко пытавшихся проводить национализацию самотеком и этим способствовавших падению Альенде.

Мнение Югова о том, что возможная будущая победа английских лейбористов с программой почти 100% национализации явится не ударом по коммунистам, а допингом для них, тоже результат предвзятой схемы. Победа лейбористов в 1945-ом году, с широкой программой национализации, явилаась в то же время и окончательным поражением английских коммунистов, потерявших последние два места в парламенте. Не имей тогда лейбористы такой программы — коммунистическая партия, без всякого сомнения, увеличилась бы неимоверно.

ПРАВЫЕ И ЛЕВЫЕ

Настало время понять, что силы, ведущие борьбу за социализацию на Западе, те же самые, какие на Востоке ведут борьбу с комдиктатурой. Конечно, среди левых сил на Западе немало тоталитарных, для которых требование социализации является предлогом для введения диктатуры, так же как и в среде революционной демократии в России в 1917-ом году орудовали и большевики. А разве

в теперешней оппозиции коммунистической диктатуре одни демократы? Вспомним только самиздатовское «Слово нации»:

«Демократические институты не несут с собой исцеления, скорее наоборот, усугубляют болезнь. Поэтому для нас не столько важна победа демократии над диктатурой, сколько идейная переориентация диктатуры, своего рода идеологическая революция ...

Античный мир погиб в хаосе вследствие распространения космополитических идей. Мы же стремимся к возвращению национального чувства в перемешивающемся мире, к тому, чтобы каждый сознал свою личную ответственность перед нацией и перед расой ... Беспорядочной гибридизации должен быть положен конец ...»¹²

Никакого сомнения нет в том, что правые на Западе теперь играют ту же роль, что и правые в России перед и во время революции. И если западный мир сорвется в тоталитаристическую необратимость, то это будет результатом объединенных усилий крайне правых и крайне левых сил. Национализацию промышленности в современном капиталистическом мире можно сравнить с аграрной реформой в России, опоздание в проведении которой, благодаря усилиям правых, открыло дорогу коммунистам.

В наше время чрезвычайно перепутаны все названия и понятия, что видно и в отношении определений правых и левых сил. До Первой мировой войны этой путаницы не было. Левые — это были силы демократические, в противоположность правым — авторитарным. Победа большевиков в России произвела невероятную путаницу. Под флагом народовластья, выборных советов и прочих «левых» демократических понятий была введена са-

12 «Посев» 5/72, стр. 38.

мая жестокая авторитарная система, какую только знает наш мир. Вряд ли можно представить что-либо «правее» — в изначальном смысле этого слова, — чем сталинский и маоистский режимы.

И все же остается в силе изначальное определение «правых» и «левых», что видно хотя бы из того, что сталинистов в России все и теперь называют «правыми», в отличие от «левых», реформаторских сил. Опыт русской революции должен был бы внести существенную коррекцию и в теперешнее определение «правых» и «левых» на Западе. Правые — это все те силы, которые, вне зависимости от своих флагов и идей, считают возможным и нужным введение авторитарных, недемократических режимов. При таком определении стало бы совершенно ясно, что Франко, чилийская хунта, КПСС и Мао-Дзэ-дун, — по одну и ту же сторону баррикады. Так оно в действительности и есть.

В 1917-ом году именно этого в России не понимали в среде революционной демократии и на одну доску ставили демократические силы эсеров, меньшевиков, трудовиков и т. д., и большевиков. Так же и теперь в западном мире под понятием левых сил смешивают и демократические партии (социалисты, социал-демократы, христианские социалисты, лейбористы и т. д.), и крайне авторитарные силы (коммунисты, троцкисты, мао-дзэ-дуновцы).

Вот это смешение понятий — тоже одна из причин непонимания многими внутреннего родства демократических сил по обе стороны железного занавеса.

Да, конечно, пол века левые на Западе не понимали (да и теперь лишь начинают понимать), что, поддерживая комдиктатуру в России, они поддерживают своих злейших врагов. Однако и русские

противники коммунизма показали похожее непонимание. Только в настоящее время это непонимание начинает преодолеваться, причем, к сожалению, надо подчеркнуть, что западные левые пошли в этом отношении дальше, чем иные советские демократы. (Отрадно вспомнить, к примеру, о том, что во время визита Брежнева в Париж именно левые студенческие делегации ходили в советское посольство с протестами против подавления инакомыслия в СССР, в то время как правые молчали).

Существуют какие-то незримые, но вполне реальные сообщающиеся сосуды свободы в мировой общественной жизни, и усиление правых на Западе всегда происходит в одно время с усилением зажима в коммунистических странах. Страшный кризис капиталистического мира в 1929/31 годах перекликается с ужасами коллективизации. «Маккартизм» в Соединенных Штатах — со «ждановщиной» в СССР. И так же, почти что одновременно на Западе и на Востоке, берут верх реформистские силы — в лице Хрущева, Кеннеди и Иоанна XXIII.

Если мне скажут, что нельзя сравнивать ужасы коллективизации с кризисами западного мира тех же лет, то я отвечу — конечно, разница огромная, но есть и сходство, которое могло бы помочь русским демократам уяснить себе тот факт, что социалисты на Западе ведут борьбу за те же идеалы, что и они.

Вот что пишет в «Новом Граде» И. Бунаков: «Капитализм — это свобода. В капиталистическом строе свобода предоставлена всем — даже последним отбросам человечества. От свободы у человека, попадающего в капиталистический мир, кружится голова. Это и ощущали мы, русские эмигранты, когда, вырвавшись из советского рабства,

очутились в Европе. Весь мир открывался перед нами. Мы можем ехать, куда пожелаем, в Париж, в Лондон, Италию, мы можем отдать любимой работе, науке, искусству, выбрать любую профессию, дать детям соответствующее их склонностям образование. Воистину, есть от чего закружится голове. Но очарование длилось не долго. Очень скоро выяснилось, что реальной свободой могут воспользоваться немногие — те, которые имели капиталы в России и успели перевести их в Европу. Для остальных свобода оказалась призрачной. Вместо Лондона и Италии мы очутились в Болгарии и Сербии — на шахтах и рудниках. Даже те, которые попали в Париж, фактически вынуждены были селиться в Бианкуре — на заводах Рено. Мечты о науке и искусстве, о свободном выборе профессии пришлось оставить. Надо было брать ту работу, которая попадалась, и вести тяжкую трудовую жизнь. Мы утешали себя тем, что мы — жертвы революции, что мы страдаем за грехи родины, но дети наши будут жить лучше — получат образование. Однако они кончают коммунальную школу и идут на работу — становятся вечными пролетариями, нередко пастухами. Вот когда подлинное отчаяние вошло в наши души. Мы поняли, что формальная свобода только призрак, иллюзия свободы; что реально в капиталистическом мире свободою пользуются только немногие — привилегированные; что только одиночки — исключительно счастливые и одаренные — могут подняться в эту привилегированную среду из низов жизни; что и мы, и дети наши, и внуки останутся на этих низах, где свобода только мечта и иллюзия. И мы почувствовали себя так, как чувствуют себя звери в новых «свободных» зверинцах. Там зверей не запирают в клетки, не приковывают цепями. Звери живут на «свободе». Но эта свобода — на сотне-

другой квадратных метров. Вокруг свободного пространства — ров, рассчитанный так, что перепрыгнуть его зверь не может... Вы скажете: так чувствуем себя мы — изгнанники в чужой стране. Поверьте: так чувствуют себя девять-десятих людей в их собственных родных странах.

Современные рабочие люди — такие же «сознательные», как и мы, — как и мы, они жаждут не призрачной, а реальной свободы. Вот почему капитализм умирает в душах трудового человечества. И помните: то, что умирает в душах людей, рано или поздно — и скорее рано, чем поздно, — умирает и в жизни.

Что же придет на смену капитализму? Советчина? Коммунизм? — Я верю, что нет. В европейском обществе много жизненных сил — оно должно найти в себе мужество и волю взяться за переустройство хозяйственного порядка, уже умершего в душах. Если это будет сделано вовремя, тогда европейская цивилизация будет спасена. Если нет, европейскому миру грозит величайшая катастрофа — то, что сейчас происходит в Китае и России. Хочу верить, что этого не случится, что катастрофа будет предотвращена. И в этом отношении показателен пример Англии. То, что там происходит, значительно во всех отношениях...».¹⁸

Слова эти были написаны ровно 42 года тому назад. С тех пор, конечно, многое изменилось на Западе, но изменилось-то именно благодаря политической демократии, позволившей левым силам начать реформы капитализма в направлении демократического социализма. И все же основная тема «Нового Града» жива и по сей день, и западный мир еще не преодолел кризиса, угрожающего окон-

¹⁸ «Новый Град» 2, И. Бунаков «Два кризиса», стр. 34, 35.

читься падением в «советчину».

И вот вопрос: являются ли истинными врагами возможной будущей «советчины» — чилийские генералы, греческие полковники, Франко, Салазар и все те в капиталистическом мире, которые не стесняются диктатурой бороться против социалистических реформ, — или социалисты. Югов прав — двух ответов на этот вопрос быть не может!

Вспомним, что Столыпина прикончили рука об руку — Охранка и террористы, революционеры. Ведь его реформы выбивали почву из-под ног революционных сил так же, как и правых. Вспомним и то, что правые немецкие круги об руку с Коминтерном помогли Гитлеру угробить социал-демократов и взять власть в Германии. Вспомним и революцию Фиделя Кастро — ведь во время победы над диктатором Батиста Кастро не был ни коммунистом, ни марксистом, — и толкнула его в объятия Кремля близорукая политика США, которые, к сожалению все еще поддерживают всевозможных правых в неразвитых странах, в результате чего там раньше или позже побеждают коммунисты. За примерами недалеко ходить: Вьетнам, Камбоджа. Наивно думать, что резня коммунистов в Индонезии (кажется — полмиллиона человек) просто так забудется и страна с течением времени станет демократической. И чилийского Керенского-Альянде доконали крайне правые и крайне левые практически объединенными усилиями.

А разве мало правых в мире, все еще считающих, что революции в России не было бы, если бы царский режим в последние десять-двадцать лет перед падением был менее либерален к революционерам и особенно к болтающей интеллигенции? Другими словами — более похож на Советский Союз? Им кажется, что просто перевешать надо

было всех смутьянов — и процветала бы по сей день могучая Империя Российская. Ну что ж, людям, разделяющим такое мнение, ничего не говорит и тот факт, что еще нигде, ни в одной стране, в которой не была запрещена легальная деятельность коммунистической партии, — коммунисты не смогли захватить власть.

Маргарет Бубер-Нойманн, супруга известного немецкого коммуниста, расстрелянного Сталиным и, конечно, попавшая в лагеря, в своей автобиографической книге «Узница Сталина и Гитлера» пишет, что среди заключенных жила вера в Гитлера-«освободителя». Создался даже культ Гитлера: раз советская власть ругает его, значит он берется за правое дело. Автору книги, — еврейке и коммунистке, бежавшей от гитлеровского Гестапо на «родину трудящихся», — конечно, невозможно было переубедить несчастных «зеков». Понять такое отношение к Гитлеру — не трудно, однако согласиться с верностью такой оценки Гитлера — вряд ли было бы правильно и полезно.

Вот что-то напоминающее этих сталинских «зеков» мне слышится в голосах Югова, Федосеева, Панина и моего анонимного корреспондента, вешающих о том, что в мире существует только один тоталитаризм, один враг человечества — коммунизм, и на основании этого оправдывающих диктатуру правых. Понять их, только что попавших на Запад, — можно. Согласиться с ними — невозможно! Вспоминаются слова Федотова: «Для большинства из нас прекрасна та страна, тот режим, где гонят коммунизм. И разве трудно понять, почему европейцу, ничего не знающему о коммунизме, но от капитализма тяжко страдающему, кажется благословенной та страна, где по исключению капитализм гонят, где слово «буржуа» объявлено презренным?»¹⁴

¹⁴ «Новый Град» 2, Федотов «Россия, Европа и мы», стр. 5.

У Панина в «Записках Сологдина», вперемежку с замечательными описаниями лагерей и тюрем, нет-нет да и попадаются прямо черносотенные высказывания и воззвания, прекрасно создающие идеологическую основу для возрождения «Союза русского народа». В настоящее время я не знаю большей опасности, чем подобные высказывания, способные скомпрометировать окончательно дело демократического движения в СССР в глазах общественного мнения демократических стран.

Видеть существенную разницу между диктатурами можно только в общепропагандистском плане, а по отношению к жертвам это даже как-то обидно получается. Ведь это только для нас, со стороны, террор правых менее тоталитарен, чем коммунистический, однако для замученных правыми он тоталитарен на все 100%.

И второе соображение: считать, что враг только на одной стороне, не значит ли это повторять ошибку русской революционной демократии, боявшейся только диктатуры справа и потому проморгавшей другую опасность? Югов, наверное, ответит, что хуже комдиктатуры ничего в мире быть не может. Полностью соглашаясь с ним, что сейчас хуже ничего в мире нет, я не разделяю его оптимизма в отношении того, что хуже быть не может. Может, еще как может!

А ОСТАЛЬНОЕ ВСЕ ПРИЛОЖИТСЯ .

Прежде, чем звать Россию к капитализму, надо самому капитализму указать на путь, ведущий к выздоровлению, — конечно, если не считать, что генералы являются хорошими врачами. К сожалению, все еще остаются актуальными слова Федотова, высказанные сорок лет тому назад:

«Русская эмиграция, пережившая величайшую

революцию, выносившая в себе кровный (и до известной степени оправданный) антиреволюционный опыт, очутилась на Западе, который живет накануне революции — во всяком случае, в предреволюционных настроениях. Может быть, революции здесь и не будет, может быть, ее удастся предотвратить — смелым и быстрым строительством новой жизни. Но остается бесспорной устремленность Запада к новым формам жизни, муки родов её. У одних это наивный революционализм разрушения, у других — жажда социального строительства, у третьих, наконец, «тревога», явное ощущение недомогания, болезни, даже смерти. Вне этих настроений, в благополучном консервативном оптимизме на Западе пребывает лишь очень малое число очень ограниченных людей...»¹⁵

Слишком часто забывается, что хотя Раскольниковым руководил черт в его деле экспроприации экспроприированного, однако и старуха-процентщица тоже неплохо служила нечистой силе. Что во всем этом оказалась главной жертвой беззащитная Лизавета — бесспорно. И все же не старухе-процентщице, годами пьющей кровь Лизаветы, выступать в её защиту!

Запад болен, сильно болен, и существует возможность смертельного исхода — падения в тоталитаризм. Но менее всего средством лечения может быть утверждение, что он вовсе не болен, а наоборот — здоров, надо только бы запретить кричать об его болезни, так как такой крик — на руку уже существующему тоталитаризму. Не считаю лишним и еще раз сослаться на «Новый Град», в свое время ведший точно такую же полемику против Керенского:

«...И когда А. Ф. Керенский, борясь со всем

¹⁵ «Новый Град» 2, Федотов «Россия, Европа и мы», стр. 5.

нам ненавистной коммунистической властью, противопоставляет советскому строю строй капиталистический, он совершает громадную тактическую ошибку. Поступая так, он укрепляет коммунизм. Противопоставляя советскому рабству капиталистическую свободу, он укрепляет советский строй. Ибо в сознании всей молодежи советский строй — это ошибка и преступление, но на путях будущего; капитализм — быть может, истина, но на путях мертвого прошлого».¹⁶

Слов нет, по сравнению с советскими условиями даже возврат России в дореформенные, крепостнические николаевские времена означал бы большой прогресс. И все же не только в дореформенные времена, а даже в нынешние капиталистические, вопреки усилиям моих оппонентов, без новой диктатуры — России путь заказан. И наоборот — без новой диктатуры открыт путь в будущее.

Борьба с комтоталитаризмом настолько страшна и опасна, что для вступления в бой и победы над ним люди должны осознать: покоряясь власти и насилию, каждый человек навеки губит свою бессмертную душу и только потому, вопреки ужасному насилию, необходимо бороться, даже рискуя потерять свою жизнь. За общественный строй, в котором живется богаче, как например, нынешний западный, — конечно, жизни не стоит отдавать. Поэтому религиозное возрождение является предпосылкой, необходимым условием борьбы за преодоление тоталитаризма. А религиозное, христианское возрождение в социальной сфере проектируется именно демократическим политическим строем как основой общественного бытия, а не «регулятором» или «надстройкой».

¹⁶ «Новый Град» 2, И. Бунаков «Два кризиса», стр. 32.

В той трагической и суровой борьбе между демократией и тоталитаризмом, которая идет в мире и в которой решается, каким миру быть, нет худшей опасности, чем та, на которую указал (придется в последний раз сослаться на «Новый Град») Ф. Степун:

«Я имею в виду опасность заражения духом противника, которую несет в себе всякая страстная борьба. В борьбе с большевизмом очень легко обольщевичиться. Для этого достаточно хотя бы только временное согласие на большевицкие приемы борьбы. Нейтральных приемов борьбы не существует. За каждой системой приемов стоит мир совершенно определенных ощущений. Согласие на большевицкие приемы есть, таким образом, неизбежно и приятие в свою душу духа большевизма».¹⁷

Заражение этим духом, оправдание насилия — это и есть основная причина моего выступления против защитников генеральских диктатур и всех других, этим духом одержимых. Только этот дух может Россию в час грядущего освобождения снова ввергнуть в рабское прошлое. Да не будет этого!

Станет Россия свободной, демократической страной — все остальное приложится. Возьмут верх правые — попадет Россия из огня да в польмя, и совершенно все равно тогда, будет ли она капиталистической, социалистической или еще какой-нибудь третьей.

ВОЕННЫЙ ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

С тех пор, как существуют тоталитарные режимы, существует и одна чрезвычайно живучая иллюзия в демократических странах, что армия рань-

¹⁷ «Новый Град» 2, Ф. Степун «Задачи эмиграции», стр. 25.

ше или позже произведет военный переворот, а это, мол, было бы крупным шагом в сторону демократизации коммунистических стран, так как армия не в состоянии осуществить такой всеобъемлющей монополии над обществом, какую осуществляет партия.

Иллюзия эта основывается на неправомерном отождествлении роли, которую играет армия в нетоталитарных системах, с той ролью и положением, которое она занимает в тоталитарных.

В мире действительно военные перевороты происходят нередко, и жертвами этих переворотов являются не только демократические режимы, но и диктаторские. Однако вопреки крайнему усилиению армий в тоталитарных странах и несомненно отрицательному отношению офицерского состава к системе, до сих пор не произошло ни одного военного переворота такого рода. Даже в гитлеровской Германии, где сохранился офицерский состав до- тоталитарного времени, неудавшееся покушение на Гитлера в 1944-ом году трудно даже назвать серьезной попыткой переворота.

Дело в том, что в нетоталитарных странах, даже в крайне диктаторских, армия все же имеет некоторую самостоятельность и находится лишь под контролем режима. В коммунистических же странах армия не только контролируется, но и во всех звеньях руководима партией. Эта разница чрезвычайно существенна, и она объясняет для постороннего наблюдателя странный факт полного бездействия армии перед лицом тоталитарной диктатуры.

По-моему, ожидать военного переворота в коммунистических странах так же иллюзорно, как надеяться на всеобщую забастовку, организованную советскими профсоюзами. Если же произойдет ослабление партии в той мере, что руководство армией реально перейдет в руки профессиональ-

ных военных, то тогда уже никакого военного переворота и не будет нужно. Наоборот, тогда такой переворот может стать лишь шагом назад. Ведь надо иметь в виду, что именно руководство армией партия постарается до конца задержать в своих руках.

В этом смысле показателен пример Югославии, в которой процесс разложения партии зашел очень далеко, однако партийная олигархия сосредоточила все усилия на том, чтобы руководство армией не выпустить из своих рук и с помощью армии восстановить партию.

Но иллюзия о военном перевороте все еще продолжает жить на Западе, и по всей вероятности события в Чили вольют этой иллюзии свежую кровь, хотя в Чили не было даже «обыкновенной», нетоталитарной диктатуры. Но рассуждения таковы: Альянде был марксистом, Брежnev тоже, — ну, значит, есть надежда.

С такими рассуждениями ничего не поделаешь. Вспоминается, что такие же надежды возлагались не только на Тухачевского, а после войны — на Жукова, но в начале 30-х годов даже Клим Ворошилов ходил в «вождях национальной оппозиции».

ВЫВОДЫ

Верить в то, что Россия после чаемой ликвидации партократии пойдет капиталистическим путем, — это значит, говоря языком Достоевского, считать, что Раскольников после каторги пойдет на выучку к Лужину (если тот вообще еще будет жив).

Демократические западные страны с каждым годом все более социализируются без всякой опасности введения диктатуры. Наоборот, в настоящее время только диктатурой правых этот процесс можно остановить.

Диктатуры правых питают и поддерживают коммунистический тоталитаризм, и поэтому западные левые демократические силы (исключая — коммунистические, тоталитарные) являются историческими союзниками демократического движения в коммунистических странах. Осознание этого факта и на Западе, и на Востоке имеет первостепенное значение.

Всякое идеологическое оправдание диктатуры правых, как это теперь происходит по отношению к Чили, является величайшей опасностью для будущего России и косвенной поддержкой комдиктатуры в настоящее время.

Догма о том, что экономические отношения являются не производной, а определяющей сферой, — есть идеологическое оправдание диктатуры и правых, авторитарных сил, и левых тоталитарных. Опасность такого оправдания диктатуры будет особенно велика в условиях посткоммунистической России, так как вряд ли демократическим путем могла бы удастся «рекапитализация».

Сущность коммунистического тоталитаризма — это партийная, политическая, идеологическая и духовная монополия, а не социалистическая форма экономики.

Конец партийной монополии будет означать конец существующей тоталитарной системы, а не ее «поправку».

Для того, чтобы это произошло, основной задачей должно стать требование — не денационализация и десоциализация хозяйства, а наоборот — требование национализации и социализации политической, идеологической, и духовной сфер, в настоящее время находящихся в монопольной собственности партии.

Только этот путь ведет к возрождению и становлению Демократического Государства Российской Югославии, Январь 1974.

ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

КОНТУРЫ СИНТЕЗА

Новое левое мировоззрение

От автора. Цель этой статьи — в сжатом виде набросать контуры нового мировоззрения, которое начинает сейчас складываться в Советском Союзе. Мировоззрение это — назовем его условно «синтезным» — пока еще полностью не осознано многими из тех людей, мышление которых, на мой взгляд, развивается в направлении этого синтеза. Можно сказать, что для многих синтезное мировоззрение остается пока «вещью в себе». Причины такого положения я вижу (кроме естественного запаздывания в осознании нового) в отсутствии в СССР свободы обмена идеями и то обстоятельство, что мышление это более характерно для людей из среды научно-технической и заводской интеллигенции, не имеющей в достатке ни времени, ни навыков, ни стимулов (при существующих в стране условиях) к литературно-публицистической деятельности.

Приехав на Запад, я скоро убедился, что, вопреки утверждениям многих эмигрантов, понятия «левый» и «правый» в Советском Союзе более или менее совпадают с этими понятиями на Западе, если не причислять к левым экстремистов и тех коммунистов, которые под видом борьбы

Первый вариант этой статьи был опубликован в журнале «Гуманист» (США, ноябрь 74), в «Мессаджеро» (Италия, 2. XI. 74) и в «Украинском самостийнике» (ФРГ, № 203, 74). В сборнике публикуется расширенный и переработанный вариант.

за «высшую» социальную демократию готовы отказаться от «абстрактной» или «буржуазной» демократии.

Истинно левое направление везде стремится к расширению и углублению демократии и исходит из доверия к людям, из уважения к личности. Правое же, и, особенно, крайне правое направление, везде исходит из воззрений Великого Инквизитора: простым людям не по силам бремя свободы и они нигде не дозрели до демократии. (Я встречал англичан, которые уверяли меня, что и английский народ не дозрел до демократии!)

Однако на Западе я убедился и в том, что между новыми левыми в СССР и левыми на Западе есть все же заметные различия. Объясняется это, очевидно, тем, что в СССР находится эпицентр «антитезиса» капитализма, и то, что я называю новым левым мировоззрением, выкристаллизовывается в СССР радикальнее, последовательнее, несмотря на отрыв страны от развития мировой мысли. Личный опыт, видимо, не может ничто заменить.

Один пример. В США мне случилось встретиться с американскими троцкистами. Не нужно говорить о том, как пострадали троцкисты от мести советских «коммунистов». И вот беседую я с ними. Они, разумеется, против существующего в СССР режима, но по-прежнему верят в ленинский социализм и не согласны с тем, что при реализации он неизбежно вырождается в государственный капитализм. Они упорно продолжают утверждать вслед за Троцким, что в СССР произошло лишь бюрократическое перерождение партии — по вине Сталина, а также из-за исторических особенностей России. Но совсем мне стало не по себе, когда я услышал, что главным врагом они полагают все-таки не тоталитарные режимы госкачи-

тализма, а «американский и прочий империализм». Советский Союз, несмотря на жестокость его режима, «в контексте мировой истории» играет все-таки прогрессивную роль, поддерживая национально-освободительную и революционную борьбу народов против «империализма».

Можно, значит, сажать здоровых людей в сумасшедшие дома и при этом «в контексте» играть прогрессивную роль! Серным духом с примесью нафталина повеяло на меня от этой хорошо знакомой «диалектики». Для новых советских левых нет ничего, что могло бы оправдать насилие над личностью.*

На первом съезде комсомола Ленин на вопрос, что такое нравственность, как известно, ответил: нравственно то, что полезно пролетариату. Никто из новых левых в СССР не подпишется под этими словами. Здесь проходит главное отличие новых левых в Советской России от старых левых. Непреложность нравственных принципов, их безусловность во всех случаях жизни, их приоритет над политикой, экономикой и идеологией — основополагающий принцип нового левого мировоззрения в СССР. Его проекцией является сформулированное Сахаровым положение, что главный критерий прогрессивности любого строя или развития — это степень реализации демократических прав.

Суть нового левого мировоззрения в Советском Союзе можно, повторяю, определить словом — СИНТЕЗ.

Синтез во всем, во всех сферах мысли: от политики до этики, от экономики до взглядов на проблемы семьи и пола.

Синтез того, что представляется истинным, не-

* Я не отождествляю троцкистов полностью с левыми Запада, как и эту группу с другими троцкистами, но пример этот сам по себе весьма показателен.

обходимым и нравственным в мировоззрении старых правых и старых левых; того, что представляется тезисом и антитезисом в предыдущем развитии.

Рассмотрим подробнее главные аспекты этого мировоззрения.

БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ

Известная формула марксизма гласит: «Бытие определяет сознание». До сих пор не утихает дискуссия, что важнее — бытие или сознание? Или иначе: социально-экономическое развитие или духовно-нравственное? Для большинства новых левых в СССР этот спор не имеет смысла.

Мы (читатель догадывается, что автор причисляет себя к «стану» новых левых) выводим нравственные принципы и нормы из основополагающих и, на наш взгляд, НЕИЗМЕННЫХ потребностей и свойств человеческой природы. Природы, наделенной сознанием. Сознание дает человеку и относительную власть над природой, и одновременно ясное понимание своей смертности, недолговечности. И человек не может не испытывать сострадания ко всему живому, обреченному на короткую жизнь. Из чувства сопереживания, наверное, и рождается все лучшее в людях: доброта, совесть и нравственные нормы. Стремление к добрым делам спасает человека от одиночества (зло отчуждает от людей) дает защиту от страха перед немилым бегом времени. Незащищенность же от этого страха служит, может быть, главной причиной всех злых дел человека.

Но, чтобы иметь возможность делать добрые дела, нужна свобода. И не половинчатая свобода ОТ чего-то, а полная — свобода влиять на ход событий, свобода, соединенная с властью: «свобода-

власть», сопряженная с правом решающего голоса во всех сферах жизни общества, а следовательно, сопряженная и с ответственностью. Иначе, необходима последовательная демократия во *всех* областях жизни. Только в условиях такой демократии мыслимо нравственное развитие общества, не одиночек.

Право решающего голоса за каждым членом общества во всех сферах означает, очевидно, самоуправление. И, следовательно, можно сказать, что самоуправление является главным условием успешного нравственного самоусовершенствования.

Многим людям опасно давать власть, — известно такое мнение. Но, на наш взгляд, именно без права голоса, без возможности влиять и делать доброе, т. е. без защиты от страха перед временем, люди и начинают злобствовать.

Так видится связь между нравственным уровнем и социальными условиями, между сознанием и бытием.

Формулу Маркса нужно поэтому не отбрасывать, а уточнить: бытие определяет ФОРМУ проявления *неизменных*, основополагающих свойств потребностей сознания.

Тем самым снимается противоречие и достигается синтез.

Основные свойства-потребности бытие не может изменить, но может исказить форму их реализации. Например, может вынудить человека добиваться самоутверждения через накопление богатства и власти над людьми, что, разумеется, приводит его к отчуждению от людей, к одиночеству, неудовлетворенности и незащищенности от страха перед временем.

В условиях бытия, не соответствующих, враждебных основным потребностям человеческой природы, неискаженно реализовывать эти потребно-

сти — нравственно жить — могут только героические натуры. Но плохи дела того общества, которому нужны герои! — как говорил Бертольд Брехт.

И чем более развитыми и образованными становятся люди, чем более сложным и интеллектуальным становится их труд, тем сильнее заявляют о себе основополагающие потребности сознания, и тем больше люди начинают нуждаться в демократии и в ее развитии, в приближении к этимологическому значению этого слова — к народовластию.

Именно поэтому навязать развитому обществу (или сохранить) какой-либо авторитарный строй уже немыслимо без превращения его в тоталитарный.

И сказать, что если Россия до сих пор не имеет демократии, то и впредь ей суждено оставаться при авторитаризме, что люди в России не приспособлены к демократии — все равно, что признать, будто бытие полностью определяет сознание.

Далее, опыт тоталитаризма окончательно доказал, что чем больше концентрируется власть в руках немногих, тем менее единственной она становится, ускользает и из властьимущих рук. Порядок превращается в скрытую анархию, а властители становятся рабами сиюминутной необходимости. И от осознания этой необходимости свободнее они не становятся! «Великий вывод мудрости земной» заключается, думаю, в том, что власть может быть или у всех, или ни у кого! Равно как и свобода. И эта диалектика также сказывается тем сильнее, чем более развитыми становятся люди.

Осознаваемые по мере развития людей основополагающие свойства-потребности сознания все более властно требуют, чтобы эти потребности были бы положены как базис в основу социально-эконо-

мической структуры общества.* И при этом в дальнейшем мы увидим, что структура, учитывающая фундаментальные потребности человека, автоматически учитывает, экранирует и использует (!) на благо и человеческий эгоизм.

Новые левые в Советском Союзе не считают, что подобная структура будет идеальной, — в идеальный строй мы уже все не верим, но — тут опять момент синтеза! — мы считаем, что эта структура будет представлять собой идеальный ПУТЬ, т. е. путь, который позволит, наконец, людям двигаться к своим идеалам. Позволит человечеству перейти в стадию зрелости, в экстравертированную стадию, при которой люди смогут свои силы тратить не на борьбу между собой, — классовую и прочую, — а на борьбу с природой (в том числе и за ее сохранение!) и на улучшение собственной природы; смогут начать действенную работу по улучшению условий человеческого существования.

В заключение этого раздела, для более конкретного разъяснения изложенного, вернемся к вопросу о нравственности. На взгляд новых левых, нравственные нормы безусловны, так как они рождаются из осознания неизменности и автономности основополагающих свойств-потребностей сознания, являются их проекцией.

Фрейду принадлежит великолепная, на мой взгляд, формулировка. Говорят, — пишет Фрейд, — что люди даже не представляют себе насколько они безнравственны. Ну что ж, — отвечает Фрейд, — я готов согласиться с этим, но при условии, что

* «Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные духовные потребности и качества человека». Из письма Юрия Орлова Л. Брежневу. Москва, Самиздат, 1973 г. (См. АС № 1594, стр. 3, разрядка моя — В. Б.).

будет признано и другое положение, а именно, что люди не представляют себе и того, насколько они нравственны!

Это — предупреждение. И вот Ленину, например, в его знаменитом ответе на вопрос, что такое нравственность, надо было бы сделать перестановку: вместо «нравственно то, что полезно пролетариату», — ответить: пролетариату полезно то, что нравственно! (И не только пролетариату!). Например, расстреливать безоружных людей, да еще по подозрению, без суда, — безнравственно, и потому вредно для дела пролетариата. Совесть, нравственные нормы, повторю, неизменны, не зависят от истории и прочего, и потому, идя против совести даже во имя высоких целей, мы разрушаем свое духовное здоровье и оказываемся непригодными для борьбы за высокие цели. Смертная казнь недопустима даже по суду, потому что если для виновного это или слишком жестокое или слишком мягкое наказание (!), то для исполнителей всегда слишком жестокое и опасное! Надо помнить о предупреждении Фрейда. Казнить можно только в правом бою, защищаясь от агрессии и насилия.

И еще у Эйнштейна есть прекрасные слова: «Я убежден, что вырождение следует за каждой автократической системой насилия, так как насилие неизбежно привлекает морально неполноценных людей». Надо только еще добавить: и делает людей неполноценными.

Одной из главных причин поражения белых в Гражданской войне был белый террор, а одной из главных причин гибели красных после Гражданской войны был красный террор.

Кроме того, террор всегда — или от трусости или от стремления к наименьшему риску. Но путь наименьшего риска неизбежно ведет к гибели того,

что люди хотят сохранить и защитить. Всегда и во всем — от государственной жизни до семейной. Самый верный способ сохранить птичку от кошки — это превратить птичку в чучело! Следуя линии наименьшего риска, Ленин и Сталин и превратили в чучело советскую власть.

Сегодня в положении советской республики времён Гражданской войны находится Израиль, и если он начнет отвечать на арабский террор по-ленински, он погибнет наверняка. Между прочим, одна из главных составных частей героизма — это опять же чистая совесть! И если руки израильских солдат будут в крови подозреваемых людей и заложников, в крови террора, то они уже не смогут так героически сражаться, как до сих пор!

Таков практический вывод из непреложности нравственных принципов, в свою очередь вытекающей из непреложности основ человеческой природы (сознания).

А бытие? Бытие не может изменить нравственные нормы, но может помешать или помочь жить в соответствии с ними.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

Большинство новых левых в СССР нерелигиозны. Однако они настроены решительно против всяческого ущемления любых религий. Думаю, мало кто из новых левых не согласится с оговоркой, сделанной Сахаровым при подписании им «Гуманистического манифеста — II»:

«Я не считаю правильным с философской и этической точки зрения противопоставление религии и гуманизма, религии и научного знания».

Большинство «новых левых» с уважением относится к искренно верующим людям. К людям, не ищащим в религии оправдания для ухода от

гражданской ответственности и не ищущим в религии убежища от внутренней свободы после разочарования в идеологических доктринах, а также опоры для гордыни и пренебрежения к неверующим (или иноверцам).

Но многие «новые левые» в Советском Союзе относятся, мягко говоря, с недоверием к определенной категории новых верующих, которые выражают свою веру в формах, слишком напоминающих догматическую нетерпимость, категоричность и высокомерие, характерные для господствующей в стране идеологии.

«Новые левые» убеждены, что человек может быть внутренне свободным и нравственным, не будучи религиозным, так как потребность к добру и нравственности имманентна человеческой природе, «сознанию» и все более осознается людьми по мере их развития и накопления исторического и личного опыта. Религия может способствовать этому, но может вольно или невольно и препятствовать, как это не раз наблюдалось в истории.

Поэтому «новые левые», как правило, не верят, что религия может быть панацеей для человечества, тем более в тоталитарных странах. Свобода религии в условиях тоталитаризма нереальна, и, главное, религия может быть поставлена в служение тоталитаризму, — как это сделал Сталин в годы войны.

В прошлом религия была повсеместно широко распространена, однако не отвращала большинство людей от суэтной борьбы за мирские блага и не смогла предотвратить всех последовавших катаклизмов и трагедий.

Объяснение этому, видимо, в том, что большинство людей не способны до конца поверить в бессмертие души, а то и в Бога. В подсознании остается сомнение, и такая полувера часто лишь уси-

ливают напряженность «суетных» стремлений и инстинктов.

И вообще, если совесть и способность к сопротивлению подавлены жизнью в человеке, то религия не только не помогает, но часто делает такого человека еще более опасным для общества: дает, очевидно, иллюзию искупления грехов, опору для гордыни, оправдание для эгоизма и самовозвеличивания.

Наконец, «новые левые», как правило, не верят в возможность широкого возрождения религии в России, хотя число верующих людей увеличивается и будет, наверное, продолжать увеличиваться. Существующий режим, преследуя религию, способствует ее популярности и толкает к ней многих людей, доводя их до отчаяния, спастись от которого, как известно, трудно без веры во что-либо. Однако, повторю, вызывает сомнение, способствуют ли такие причины возрождению религиозности лучшего и искреннего типа.

Возвращаясь к теме «синтеза», можно сказать, новые левые признают высокую ценность того, что верующие называют «религиозным сознанием», но не считают, что оно от Бога, и тем более не от веры в Бога, и уж тем паче не от исполнения религиозных обрядов.

Диалектическая триада здесь выглядит, очевидно, следующим образом: религия — воинствующий атеизм (реакция на негативную роль церкви) — признание ценности и непреложности нравственного сознания.

Религия для защиты от страха перед смертью предлагает веру в бессмертие души. Мы же думаем, что для развитого человечества лучшая защита — смелое осознание своего положения, своих потребностей и борьба за условия для их неискаженного удовлетворения.

ЭКОНОМИКА

Был тезис — частная собственность на средства производства, и антитезис — национализация всех средств производства. Мы же теперь — за групповую собственность, когда большая часть трудовых заведений, где явно не требуется централизация (как при производстве электроэнергии), будет принадлежать тем, кто трудится в этих заведениях. В этом случае люди станут действительно собственниками имущества, дающего им средства к существованию, а следовательно, и независимость как от частных работодателей, так и от государственных чиновников. Ибо не только эксплуатация, но и такая зависимость безнравственна и порождает безнравственность.

«Есть только один способ — пишется в самиздатовской программе «Время не ждет» — экспроприировать правящую элиту, не восстанавливая при этом класса буржуазии — резко сократить монопольный государственный сектор, передав большинство средств производства, — заводы, институты и т. д. — в собственность трудовых коллективов». — Зорин и Алексеев (псевдонимы).

Был тезис — полная свобода частного предпринимательства и конкуренции, и — антитезис: долой свободный рынок, рождающий капитализм! Все должно централизованно планироваться государством на так называемой научной основе.

Мы же стоим за свободный рынок, на котором будут конкурировать групповые предприятия (и частные также) по качеству, ассортименту и цене своих товаров.

Но мы против конкуренции в накоплении капитала, в расширенном воспроизводстве. Она превращает накопление в цель, а человека в средство онного, в объект эксплуатации. Кто отстает в накоп-

лении, того «съедают». Такую агрессивную конкуренцию (в отличие от соревновательной — по качеству и т. д.) трудно совместить с нравственными принципами, как глубоко безнравственна и ее неизбежная спутница — акция, дающая одному человеку возможность за счет одного взноса (на покупку акции) бессрочно эксплуатировать других людей. Агрессивная конкуренция начинает угрожать теперь и природе: засорением, отравлением и истреблением ресурсов. Она же является главным стимулом коммерциализации искусства. Ее девиз: деньги не пахнут! (Девиз «административной конкуренции» в СССР — цифры не пахнут!). Целью трудовой деятельности людей и стимулом должно быть, на наш взгляд, увеличение благосостояния членов трудового коллектива, облегчение и интеллектуализация их труда, сокращение рабочего дня, особенно для женщин и для физического, монотонного труда. Формулой экономического цикла должно стать: товар-деньги-товар. (А не наоборот: деньги-товар-деньги), т. е. деньги должны быть средством, а не целью.

Но новые левые в СССР, разумеется, не предполагают запрещать накопление капиталов. Мы хорошо знаем, к чему ведут запреты в экономике. Государство (разумеется, демократическое) должно конкурировать в расширенном воспроизводстве как с групповыми, так и с частными предприятиями (и кооперативными).*

Создавая за счет налогов новые предприятия (в

* Групповые предприятия отличаются от кооперативных тем, что прибыль делится между всеми работниками (в соответствии с их квалификацией и выработкой), а не только между пайщиками или владельцами всяческих акций. Владельцами группового предприятия являются все работающие на нем, кооперативного — пайщики или держатели акций, которые могут быть и работниками предприятия, а могут и не быть.

соответствии с положением на рынке и интересами всего общества) и передавая эти предприятия новым коллективами в полную собственность, государство будет таким образом способствовать поглощению свободной рабочей силы и тем лишать возможности расширения и групповые и частные и кооперативные предприятия. Разумеется, если частные предприятия смогут, удерживая прибавочную стоимость, больше платить рабочим, то последние возможно предпочтут быть богатыми пролетариями, нежели бедными коллективными хозяевами, и развитие тогда пойдет в сторону капитализма. Что ж, здоровая экономика должна быть открытой! Но мы думаем, что этого не случится. Порукой тому существование в капиталистическом мире групповых предприятий и относительная конкурентоспособность югославских предприятий, хотя там функционирование групповой собственности и самоуправления искажено и урезано надемократической государственностью, отсутствием ресурсов и необходимостью слишком много средств отрывать (от расширенного воспроизводства) на покупку сырья и вооружения. (Отсюда большая безработица).

Очень важно, что эта схема строится не только на основе нравственных соображений, но исходит из реального положения в так называемых социалистических странах, странах монопольного государственного капитализма. Нет частных капиталов, нет желания и привычки у людей работать на частных хозяев, нет умения инвестировать средства, а государство сразу должно будет заняться ликвидацией диспропорций в промышленности, т. е. тем же расширенным воспроизводством. (Никому другому этим заняться будет не под силу).

КОЛЛЕКТИВ И ЛИЧНОСТЬ

В прошлом во главу угла левые ставили коллектив (партии, класса, страны...), их противники — личность. Синтез же нам видится в гармонии, а условие ее — в свободе объединения людей в самоуправляющиеся коллективы (для управления той же групповой собственностью) в творческие и прочие ассоциации, т. е. в последовательной демократии, в ее проникновении внутрь всех организаций.

Лишь в свободно, самодеятельно создающихся объединениях людей для реализации или защиты каких-либо своих интересов могут полностью гармонировать и быть равноправными интересы личности и коллектива. Разумеется, демократические принципы самоуправления мы понимаем не только как подчинение меньшинства большинству, но и как свободу для меньшинства отстаивать свою точку зрения. Демократия — она должна быть прежде всего для тех, кто не согласен! — как справедливо писала Роза Люксембург.

Далее, мы исходим из того, что человек проявляет себя Человеком лишь в свободных объединениях, начиная с образования семьи. Люди, лишенные возможности объединяться для реализации своих интересов, обычно начинают «пробиваться» в одиночку. «И чувство локтя становится искусством ловко спрятанного когтя!» (Семен Кирсанов «Семь дней недели»). Такой коллектив становится казармой, тюрьмой для личности.

Мало что так способствует развитию личности и нравственному росту, как свободные и ответственные самоуправляющиеся объединения, в которых нравственные нормы становятся выгодными для людей. Объединения, в которых эти нормы будут плохо соблюдаться, обречены на отставание

или поражение, групповые предприятия — на банкротство. И можно сказать, что более прогрессивно то общество, в котором больше свободы и возможностей для самодеятельного объединения людей в самоуправляющиеся ассоциации.

Далее, наши «старые левые» были за эгалитарное общество, их противники — за элитарное. Но на деле в любых случаях элиты подменяется кастой далеко не лучших людей. В советском, нынешнем обществе — кастой, предельно закрытой и предельно угнетающей истинную элиту страны.

И потому мы приходим к выводу, что только последовательно демократическое эгалитарное общество может быть истинно элитарным.

В самоуправляющихся и экономически ответственных коллективах люди будут вынуждены выдвигать к руководству лучших и наиболее компетентных людей.

Мы не за то, чтобы кухарки управляли государством, (заводами и т. д.), но мы против того, чтобы управляли одни и те же люди, в этом случае неизбежно вырождающиеся в касту бюрократов. Руководство людьми требует большой энергии, свежести и внимания к подчиненным. Пребывание у любой власти должно быть строго ограничено во времени. Это — священный принцип самоуправления. Каждый компетентный и пользующийся доверием человек должен иметь возможность управлять в очередь с другими.

Среди новых левых в СССР есть люди, считающие необходимым ограничить самоуправление: управлять должны директора, а рабочие советы должны лишь защищать интересы рабочих. Но другие (и я в том числе) считают, что такое самоуправление директоров приведет к их самоуправству, а то и к финансовым злоупотреблениям. Юрий Орлов, например, пишет: «... самые ответ-

ственные решения в этом (югославском) варианте принимает партийное руководство. И это естественно, так как рабочее самоуправление — слишком рыжая система для принятия таких решений.*

На деле же речь идет главным образом о функциях расширенного воспроизводства, об инвестиции капитала. Но этим, как мы говорили выше, и не должны заниматься самоуправляющиеся коллективы. А если этим будут заниматься директора, то неизбежно быстрое перерождение системы в анархический, корумпированный недопустимый в наше время капитализм.

Конкуренция частных предприятий в расширенном воспроизводстве (о чем мы говорили выше), в случае их теоретически возможного успеха, будет увеличивать капиталистический сектор более медленно, сбалансированно, легально, — без коррупции.

Именно такая коррупция имеет место в Югославии и вынуждает усиливать вмешательство партии.

Разумеется, самоуправление должно развиваться по этапам, в зависимости от подготовленности людей, но ни на одном из этапов руководство предприятием не должно напоминать нынешнее руководство страной, когда все решает один человек или маленькая «коллегиальная» группка, никем не контролируемая и ни перед кем не ответственная. На первом этапе, к примеру, возможно управление коллективом инженеров, выбирающих или назначающих на определенный срок директора и т. д., но и в этом случае не без контроля со стороны общего совета всех работающих и при полной гласности во всех сферах руководства.

* «Возможен ли социализм не тоталитарного типа?» («Хроника-Пресс» Нью-Йорк, сборник «Самосознание», 1967 г., стр. 301).

Мечтая и споря, мы, думается, не должны забывать о нашем главном в этой области принципе, хорошо сформулированном в «Гуманистическом манифесте — II»: «Следует децентрализовать принятие решений с целью участия в них все большего числа людей на всех уровнях... Каждый должен иметь право голоса в определении ценностей, детерминирующих наши жизни».

Не должны мы забывать и о том, что максимальная эффективность экономики для нас не может быть целью. Уже тем, что мы хотим устранить агрессивную конкуренцию в накоплении капиталов, мы заведомо идем на снижение нынешнего бешеного напряжения в производстве. Следует, очевидно, стремиться тут к некоему среднему, оптимальному уровню.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ ИЛИ ОДНОПАРТИЙНОСТЬ

Таковы были практически тезис и антитезис. Мы же видим здесь синтез в БЕСПАРТИЙНОЙ власти при полной свободе образования партий, при многопартийном обществе.

Мы исходим из того, что по-настоящему свободные коллективы (ячейки общества) не допускают, чтобы государственный Совет состоял из кого-либо, кроме выборных (на определенный срок и отзываемых при потере доверия) представителей этих коллективов.

И не допускают, чтобы эти представители (депутаты) подчинялись кому-либо, кроме избравших их коллективов, думали о чьих-либо других интересах. Учитывая это, а также незыблемый генеральный принцип самоуправления — запрещение избрания кого-либо на руководящую должность на второй срок без перерыва — можно вывести, что в

таких условиях никакой партии не удастся преобладать у рычагов верховной власти. (Идейно влиять на направление развития — это другое дело).

И об этом не стоит печалиться: партии далеко не самая чистая и демократическая институция, и это теперь уже многие начинают замечать. Партии были необходимы на первых этапах развития демократии, в четко классовых обществах.

И опять же, создание партий, достаточно мощных и способных управлять государством, нередко в СССР в течение весьма долгого времени с момента разжатия тоталитарных тисков. И если мы хотим, чтобы демократия у нас с самого начала была сильной и дееспособной, мы должны думать о возрождении Советской власти, о «Советах без партий», как пророчески провозглашали участники Кронштадтского восстания в 21 году.

Разумеется, в структуру Советов необходимо будет внести корректизы. В частности необходимо, очевидно, отказаться от принципа совмещения законодательной и исполнительной власти, что на деле чревато концентрацией и узурпацией власти. Но важнейшей и незыблемой основой остаются выборы в Советы по производственному принципу. Многие, между прочим, не заметили, что Сталин, упразднив этот принцип, упразднил фактически и Советы. Выборы по территориальному принципу в условиях однопартийности — это ведь издевательство над здравым смыслом.*

* Существует мнение о необходимости второй палаты депутатов, избираемых по территориальному принципу, чтобы они были независимы от производственных коллективов и пеклись бы о интересах жителей (коммунальных интересах).

Для следующего шага возможно вертикальное разделение государственной «машины» (Советов) на несколько автономных секций (например, на политическую, экономическую, и научно-культурную) со своими Советами,

■ Важный аспект нового левого мировоззрения относится к спору между ЗАПАДНИКАМИ и СЛАВЯНОФИЛАМИ. И в этом споре мы стоим на позиции синтеза. Разумеется, у России свой путь, отличающийся от пути западных стран, хотя и не столь сильно, как утверждают славянофилы. Но объясняется это отличие, конечно, безо всякой мистики — промежуточным положением России между Азией и Европой. Региональные «национальные» качества важнее, заметнее собственно национальных качеств. (Теперь в свой регион Россия включила и Восточную Европу!)

Совершенно копировать «Запад» сейчас в стране никто не предлагает, но ближе всего к западному пути зовут, пожалуй, наши либералы и сторонники реставрации капитализма. Мы же видим, что сближение с Западом (по структуре) — дело нескорое, в обозримом будущем — нереальное, или требующее вновь коренной ломки, а значит и большого насилия. И мы выводим свои чаяния и прогнозы из сегодняшнего положения, а оно ведь в свою очередь вытекло из вчерашнего дня России, что бы ни кричали русофилы о заносной марксистской заразе.

Вот любопытный пример. После одной из своих статей я получил письмо из США от эмигранта Юрия Карпика, приехавшего в Америку еще в 1912 году! Писал он, что был и остался поклонником идей Кропоткина, и что впервые за много лет увидел он в моей статье что-то знакомое и близкое. Воистину перекличка через века! Развитие по спивлоть до Верховного, со своей законодательной и исполнительной властью и бюджетом. Такое разделение и децентрализация может еще более уменьшить авторитарность власти и увеличить компетентность руководства. (Уже на Западе я понял, что эта идея совпадает с трехчленным делением общественной жизни по Штейнеру!).

рали. Советы, самоуправление, групповая собственность — все это и продолжение общинного уклада и идей русского анархического социализма, но, как говорится, на более высоком уровне. Материал ограничивает архитектора. Широкие народные массы во времена Лаврова и Кропоткина были еще столь темными, что не могло быть и речи об их участии в управлении государственной машиной. И теоретики анархизма, упрощая задачу, попросту отрицали всякую государственность. Мы теперь в более выгодном положении.

Линия на восстановление и развитие Советов в национальном аспекте важна еще и по следующей причине. Ведь сегодня в России, в РСФСР, почти половина семей уже не может сказать про себя: мы русские! Или вообще в этой семье нет никого русского по крови, или вклинились «инородцы». В советский период завершается то, что «угрожает» любой зажившейся на свете империи: смешение национальностей. Войны, индустриализация, коллективизация перемешала людей разных национальностей, входящих в РСФСР и СССР, и перемешивание продолжается. Это реальность, с которой надо считаться. Русской культуре она не грозит, — язык остается, — а вот у русофилов вырывает почву из-под ног. Недаром пронацистская группа некоего Шиманова требует «положить конец беспорядочной гибридизации»!

Даже после и в случае выделения России из СССР она останется многонациональным государством, подобно США. И, подобно США, она не сможет обойтись без наднационального, объединяющего понятия. В США им стало географическое понятие, а в России, в РСФСР — государственное: советский народ, советские люди и т. д. Стало и должно оставаться. Вот ведь случай, когда от слова, как дом от цемента, зависит прочность страны!

Что было бы с США, не будь объединяющего: американцы, со всеми производными?!

Очень показательно, что из всех слов и понятий, родившихся после 17-го года, только слово «советский» глубоко привилось в собственно России, в РСФСР, и не вызывает там у подавляющего большинства людей никаких отрицательных эмоций. Это смело подметил Андрей Синявский в «Литературном процессе»: «... слово — самое главное и самое заветное — называется 'Советская власть'. Этому доброму кораблю — большое плавание. Не важно, что советской власти — нет. Это все давно знают... Главное — слово-то больно хорошее и со смыслом: «совет» — ... «совейский» — «свойский» — «свой»... «у нас в запасе своя советская власть»... («Континент» № 1, стр. 171).

Несмотря на усилия партийного руководства исподволь шовинизировать понятие «советский человек», подставляя к нему в первую очередь слово «русский» (и держа упорно в паспортах «пятый пункт»), прилагательное «советский» продолжает оставаться (в РСФСР) наднациональным и объединяющим.

И «советский человек» — не служебное понятие. Советская «нация» существует (особенно в РСФСР) и имеет характерные черты, присущие людям всех национальностей, в нее входящим. Как полагается, имеет она и два противостоящих начала. Одно начало — продукт тоталитарного рабства — холуй и хам, или жлоб, на современном жаргоне. Другое начало — результат внутреннего преодоления этого рабства плюс — восприятие всерьез ряда положительных идеалов «советского». (Есть такие!).

Выделю некоторые важные черты в положительном советском начале. Это — органический демократизм, чувство равенства и справедливости,

гражданская ответственность и идеализм; это — подчеркну — здоровый интернационализм и отчужденность от всех форм капиталистической жизни.

Частная собственность на средства производства и на рабочие руки, накопление денег, капитала — как цель жизни и как средство господства и самоутверждения — все это чуждо большинству советских людей. Конечно, государственный капитализм при своем разложении порождает капитализм подпольный, но подпольные коммерсанты вызывают презрение у советских людей, и самое любопытное, что именно подпольные коммерсанты, как правило, представляют собой средоточие всех худших, холуйских советских качеств.

И капиталистические формы чужды советским людям не только потому, что они их не знают, но и потому, что безнравственные и унижающие человека формы жизни осознаются людьми полностью как таковые и делаются уже совершенно нетерпимыми после освобождения от них. Тяжесть привычного груза осознается полностью, когда груз спадает с плеч. Так было с крепостническим «грузом», так и с капиталистическим.

Итак, «У нас в запасе своя советская власть»! Как вообще получается! С Кронштадта началась — залп крейсера «Аврора» — Октябрьская революция, и из того же Кронштадта раздался уже, по существу, «второй залп»: «Советская власть без партий!» Залп в будущее! И взрывная сила пущенного снаряда возрастает со временем. Можно только поражаться гениальному наитию кронштадтских матросов.*

* Не случайно, видимо, Солженицын, яростный сторонник клерикального авторитаризма, предпринимает отчаянную попытку сбить в «воздухе» этот снаряд националистическим (мягко говоря!) антиснарядом, об'являя («Ле-

Лишь в малочисленных группах националистов из полу-интеллигентии сейчас пытаются отделить, противопоставить «русское» «советскому», не желая понимать, что опоздали на 60 лет, равных по насыщенности некоторым векам, и, главное, что они своим шовинизмом раскалывают людей и страну.*

Подытожу главное.

Капитализм ненуждает людей к эгоизму. Социализм — требует идеализма, а то и аскетизма. И еще, если использовать формулу Бар-Хиллела: «Если я не за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то зачем я?», — тогда можно сказать, что капитализм ненуждает человека быть «только за себя», а социализм (в его ленинско-сталинской форме) запрещает человеку «быть за себя».

И то и другое противоречит природе человека, и делает его неудовлетворенным, стимулирует агрессивность и извращенное удовлетворение потребностей.

«Синтезная» же модель рассчитана на то, что человеку будет выгодно быть за всех, чтобы быть и за себя. Будет выгодно нравственное существование, и оно начнет входить в привычку, которая, будучи созвучной имманентным потребностям человеческой природы, глубоко укоренится. И этот процесс будет, действительно, нравственной революцией.

Иными словами, синтезный, «третий» путь можно определить, как путь через эгоизм к идеализму.

нин в Цюрихе), что Советы «изобрел... и управлял ими из тени Израиль Парвус», — дьяволоподобный немецкий еврей, спекулянт. (Касетная боеголовка!).

** В республиках — другое дело. Там во многом благодаря шовинизму «советской» власти слово «советский» для очень многих остается чужим.

■ И последний вопрос: как назвать описанное выше синтезное направление? Вопрос этот, по моему, еще ждет своего решения.

Одни люди склонны называть обсуждаемое направление социалистическим. Другие — настаивают на необходимости нового названия. Яков Шер в своей книге «Куда идти?» предлагает, например, термин — эргонизм (от эрго — труд). А третьи называют — «третьим путем».***

Будущее, повторю, определит окончательное название. Сейчас же я лишь хочу еще раз подчеркнуть, что обсуждаемое направление, исходя из общих, основополагающих идеалов социализма (которые, впрочем, являются и общечеловеческими, нравственными идеалами), по их предполагаемой реализации принципиально отличается от всех существующих видов социализма, для которых характерна тенденция к централизации и к интер-

*** В Европе существует движение «Третий путь», близкое по своему духу к обсуждаемому направлению, которое имеет ряд центров, издательство и несколько опорных, «опытных хозяйств»: стекольный завод под франкфуртом, принадлежащий рабочим и инженерам, несколько подобных школ в ФРГ и Голландии, больницу. Проведено уже 4 международных конгресса в главном центре движения — в Ахберге под Линдау (ФРГ).

(После I-го Конгресса «Правда» откликнулась репликой: «Монстыры Боденского озера», заявив, что конгресс собран специально как трибуна для «монстров» из Чехословакии: Ота Шика, Иржи Пеликаны и др. «Литгазета» откликнулась статьей «Странствующие рыцари «третьего пути».).

Активными участниками движения являются новые чехословацкие эмигранты: Ота Шик, Иржи Коста, Радослав Селуцкий, Иван Свитак, Иван Быстрина, Еуген Лебль, Владимир Горский. А также ряд западных ученых и общественных деятелей: основоположник футурологии Осип Флехтхейм, Вильфрид Хейдт, Петр Шлинский, певец Микис Теодоракис и др. Сотрудничают с этим движением и югославские ученые из группы журнала «Практис», запрещенного сейчас в Югославии.

венции государства в социальную и экономическую сферы, дополняемая часто интервенцией централизованных профсоюзов.

Единственную же серьезную функцию государства (нового демократического типа), предполагаемую при «третьем», синтезном пути развития, — расширенное воспроизводство, — нельзя считать «интервенцией», так как государство будет здесь находиться в свободной конкуренции со всеми другими видами расширенного воспроизводства (частного, кооперативного, группового).

И поэтому мне самым подходящим представляется пока название или термин — социалистическое самоуправление. (Цель — общество социалистического самоуправления).**

■

Изложенное мною мировоззрение, как я уже упоминал в предисловии, более всего характерно для людей из среды научно-технической и заводской интеллигенции. Положение, бытие — наталкивает! Этим людям, в отличие от гуманитарной интеллигенции, мало одного лишь освобождения из-под гнета идеологии и цензуры. Их положение более зафиксировано, и они находятся в фокусе всех абсурдов системы и потому более всех заинтересованы в радикальных переменах. И теперь, когда люди промышленности и науки составляют уже большинство населения страны и довольно хорошо образованы (и уровень образования продолжает расти), демократическое будущее, выбор демократической альтернативы зависит главным образом от них.***

** Более подробно я описываю это направление в книге «Россия и мир — по какому пути?», которая готовится к публикации в журнале «Сучасность», III глава была опубликована в журнале «Границы» (№ 91, 92, 93, 74 г.).

*** Уже упоминавшаяся мною статья физика Юрия

Разумеется, это не умаляет роли гуманитарной интеллигенции. Без ее активного участия, без ее способности превращать «вещи в себе» в «вещи для нас», неосознанное, несформулированное осознавать, формулировать и развивать — без этого трудно представить себе благополучное развитие событий. И если что может внушать скепсис в отношении будущего вообще и, в частности, судьбы изложенных идей, то это прежде всего — глубокая деморализация большой части советской гуманитарной интеллигенции, более всех пострадавшей от тоталитаризма.

В интервью для шведского радио и телевидения в 1973 году академик Сахаров, человек чрезвычайно осторожный в обобщениях, вынужден был констатировать: «Интеллигенция начинает уходить либо в узкий профессионализм, либо в двойственную интеллектуальную жизнь на работе и дома... но это означает усиление лицемерия... и дальнейшее падение, нравственное и творческое. Особенно тяжело все это сказывается не на технической, а на гуманитарной интеллигенции, у которой уже сложилось полное ощущение тутика».

Из этого тутика многие гуманитарии и кидаются на стенки крайностей, ищут выхода в повороте назад, испытывая страх перед любой дорогой вперед.

Надеяться в этой ситуации приходится не только на здоровую часть гуманитариев, но и на воз-

Орлова, члена-корреспондента АН Армянской ССР, — «Возможен ли социализм не тоталитарного типа?», которая недавно появилась в Самиздате, а затем была опубликована на Западе, свидетельствует, что «синтезное» мировоззрение продолжает распространяться в научно-технических и оппозиционных кругах. (Ю. Орлов, ближайший сподвижник академика Сахарова, руководитель «Группы содействия выполнению в СССР Хельсинкских соглашений» и член советского отделения «Эмнисти интернейшнл»).

можность перехода части научно-технической и заводской интеллигенции в разряд гуманитариев. Этот процесс уже начинает идти в оппозиционном движении, в котором уже сегодня самая дееспособная, либерально-левая часть почти сплошь состоит из представителей научно-технической интеллигенции, людей подобных Сахарову, Орлову, Турчину, Григоренко.

Однако — в отличие от старых левых — мы не являемся безоглядными оптимистами. Вполне допустимо как в частном случае тоталитарных режимов, так и в глобальном масштабе, что люди все же не смогут преодолеть своего заземленного эгоизма и конформизма, пассивности и трусости. Не смогут совершить рывок из царства сиюминутной необходимости в царство свободы и создать условия, достаточно защищающие их от страха перед временем и смертью, а, следовательно, не смогут в конце-концов предотвратить и самоуничтожения.

Но познать нашу судьбу нам, слава Богу, не дано, и потому стоит исходить из лучшего и увеличивать шансы на лучший исход, следуя лозунгу западных новых левых: «Жертвой стать всегда успеешь!»

ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

(*Истоки и перспективы «Третьего пути»*)

«Переходя от одних форм мысли к другим, все более и более прекрасным, философский ум идет вперед ко все большему и большему совершенству, в то время как «ученый хлеба ради» в своем умственном застое обороňает бесплодное однообразие своих школьных представлений.

Самый справедливый ценитель чужих заслуг — это философский ум. Он достаточно проницателен и изобретателен, чтобы использовать творчество другого, и в то же время достаточно беспристрастен, чтобы уважать вклад в науку малых мира сего. Все умы работают для него и в то же время они работают против «ученого хлеба ради». Первый умеет превращать в свою собственность все, что думают и совершают другие, ибо для мыслящих умов существует внутренняя общность на все богатство их духа: завоевание одного в царстве истины является завоеванием всех».

Шиллер

ВВЕДЕНИЕ

Существующие начинания

Все большее и большее число людей в западной и центральной Европе, исходя из самых различных духовных традиций, уже сегодня начинает понимать, что капиталистические, в том числе и

государственно-коммунистические формы организаций, не способны разрешить важнейшие жизненные вопросы нашего века и даже просто проблему выживания в духе истинной человечности. Их сомнение выражается самыми различными способами. Перед лицом всемирных кризисов, таких, как голод, перенаселенность, загрязнение окружающей среды, усиление эксплуатации, гонка вооружений, насилие над духом, одни люди пытаются создать инструмент для диагноза и терапии, с помощью которого можно было бы найти решение проблем; другие же прямо создают такие трудовые отношения, которые не совпадают ни с понятием «капитализм», ни с понятием «госкоммунизм».

Уже теперь в таких областях общественной жизни, как воспитание, обучение физически или умственно-неполноценных детей, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, возникло множество начинаний, которые существуют за счет единомышленников и развертывают деятельность, опираясь лишь на собственную инициативу. Создатели подобных предприятий развивают социальные и организационные формы, которые освобождают их деятельность от таких мотивов, как обогащение, получение сверхприбыли, а также от выполнения бюрократических предписаний «сверху».

Созданы, во-первых, «бесклассовые» больницы, в которых больше нет гонораров для главного врача, и в центре внимания — больной с его потребностями; больницы, в которых нет никаких различий в уходе за больными и в их лечении. (Например, в Гердеке на Руре, в Ганнау под Франкфуртом на Майне и в Штуттгарте). Эти больницы широко и успешно используют природные средства лечения, так как освободились от манипуляций фармакологических монополий, для которых главное —

прибыль, и воспользовались своим правом на свободу лечения.

Во-вторых, уже сегодня существует множество так называемых вальдорфшуле, школ, которые пользуются поддержкой общественности. Вальдорфшуле сами определяют и структуру своих учебных планов, и свои педагогические приемы.

В-третьих, возникли дома для физически или умственно неполноценных детей, строящие свои методы воспитания на потребностях детей, особенно нуждающихся в душевной заботе.

В-четвертых, активно действуют самоуправляемые инициативные молодежные центры для перевоспитания заключенных, в которых студенты и ученые-социологи делают свое дело в постоянной борьбе с потоком бюрократических предписаний и препон.

Создателя всех этих и им подобных предприятий, в сущности, уже вступили, сознают они это или нет, на территорию нового, будущего общества. У них совсем другие заботы и интересы — не доходы и не выполнение бюрократических предписаний: с большой настойчивостью и подчас с гражданским мужеством пытаются они сделать человека центром своих устремлений и творческих целей. Это почти всегда связано с финансовыми жертвами, с отказом от больших доходов. Они все вместе, сообща создают архипелаг мастерских нового общества.

Даже в индустрии, где отношения господства, обусловленные властью концернов или государства, принимают особенно резкие формы, имеется уже несколько обнадеживающих островков гуманизации трудовых отношений — в форме рабочих самоуправлений. Это стекольный завод Зюсмутт под Касселем или федерация Скотта-Бадера в Уоллстоне, Англия.

Важное значение имеют и различные виды гражданской инициативы в защиту окружающей среды, превратившиеся в очаги нового мышления и новых форм деятельности, в которых осуществляются права и свободы, до сих пор представлявшие собой лишь формальные элементы конституции и демократии.

Люди, которые действуют в таких «мастерских» будущего общества, еще недостаточно знают друг друга и имеют достаточно различное, а подчас и неясное представление о целях своей работы. Задача всех людей, ищущих третий путь, как раз в том и состоит, чтобы сконцентрировать свою волю на решении общих задач, не теряя, разумеется, своей автономии. Задачи эти состоят в создании гуманистического будущего, в котором на место отчуждения человеческой деятельности, характерного как для капиталистического, так и для государственно-коммунистического обществ, будут поставлены в центр потребности самого человека. Отсюда и вытекают важные следствия для определения цели и стратегии третьего пути.

Но задачи разработки теории и практики нового, гуманистического общества столь широки и всеобъемлющи, что попытка всестороннего их раскрытия неизбежно является неполной, фрагментарной, почему и следует ограничиться только отдельными разъяснениями. Там, где отдельные положения покажутся читателю, может быть, поверхностными, ему следовало бы о них самому глубже задуматься и уделить размышлению на предложенную тему большее время.

Ниже предпринимается лишь попытка охарактеризовать отчуждение современного человека и наметить поиски путей, которые смогли бы человека как деятеля и как цель любой деятельности поставить в центр внимания.

ТОТАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ КОРРЕКТУРА РАЗВИТИЯ

Существо той проблематики, которая вводит нас непосредственно в причины современных коллизий, может быть охарактеризовано понятием отчуждения, то есть бытия человека, враждебного ему самому, его труду и вообще тому, что он думает и что делает, а также окружающему его миру.

Это понятие, которое возникло уже при Гегеле и Фейербахе, впервые было осмыслено Карлом Марксом в применении к современным ему производственным отношениям. Источник отчуждения человека от его труда и, вместе с тем, себя самого Маркс увидел в бедственном положении современного ему промышленного пролетария. Здесь заложено существенное начало гуманистической мысли Маркса. В «отчуждении труда», проявляющемся в наемном характере труда, в капитале как частной собственности, в торговле рабочей силой и творческими способностями человека, таится как раз то, что вызывает гнев против капиталистической общественной системы, которая старается самого человека сделать простым предметом, низвести его до товара, «овеществить».

Иногда возникает правомерное сомнение в истинности марковской мысли, что только лишь в отмене частной собственности на капитал и средства производства — ключ к преодолению отчуждения труда; однако не заложена ли плодотворная мысль в другом суждении Маркса, а именно — в его утверждении, что разрешение проблемы отчуждения находится уже в признании того, что «всегда имеешь дело непосредственно с самим человеком, когда говоришь о труде?» (Карл Маркс, Экономическо-философские рукописи, 1844).

В современном развитом индустриальном обще-

стве отчуждение человека от всего, что связано с его трудом, представляет необычайно сложное явление, включающее в себя отчуждение не только собственно от труда, но и от осмысления этого труда как с точки зрения политических и, шире — общественных задач, так и не в последнюю очередь от образа мысли человека.

В период, когда догматические прогрессивистские верования еще слабо потрясены, а манипуляция общественным мнением и пропаганда становятся все более утонченными, когда человек в состоянии просто лишь перенимать господствующие взгляды и идеологии в виде упрощенных клише, он начинает постепенно отчуждаться от своих собственных мыслей. И тогда-то и возникает у него подозрение, поддерживаемое его современниками, что его образ мыслей — это что-то «отжившее», и в нем возникает острый конфликт между его мыслями и чувствами.

Печальное психологическое правило в том и состоит, что часто люди, ощущив ясно в себе такое противоречие, начинают поиски приемлемых понятий, способствующих формированию такого «правильного» мировоззрения, с помощью которого они смогли бы заглушить голос совести как излишнюю сентиментальность и подавить свои естественные чувства. Современный человек вынужден подчинить свой образ мыслей образу своих действий, не задаваясь вопросом, *его* ли это образ мыслей, не подавляет ли он в себе свое самосознание чуждыми ему, хотя и весьма высокопарно звучащими идеями.

Все виды отчуждения стали симптомами того, что сегодняшний человек забыл самого себя как масштаб своего существования. Если в прошлом еще оставались какие-то возможности для достойного человеческого существования, то новые фор-

мы отчуждения загоняют человека в тупик, грозящий самой человеческой жизни, они ведут человека к отчуждению от его собственного естественного природного окружения, от его жизненных ресурсов. Земля перестает быть родиной человека, распадается единство ее отлаженной регенерирующей экологической системы, в которой человек и природа выполняли свои функции. Ведется хищническое ограбление естественных богатств земли, обусловленное безграничным стремлением к экономическому росту и грозящее привести к катастрофическому оскудению полезных ископаемых и к биологическому разрушению жизненной среды человека.

Проведя исследование границ экономического роста с использованием самой передовой научной методики, ученые Массачусетского технологического института (МИТа) пришли к выводу, что человечеству осталось всего несколько десятилетий для того, чтобы еще иметь возможность заменить этот безудержный рост на восстановление равновесия в природе.

В отчете института говорится: «Длинная цепь человеческих изобретений привела пока лишь к перенаселенности, к разрушению окружающей среды и к огромному социальному неравноправию вследствие того, что действие увеличивающейся производительности труда сводится на нет ростом населения и капитала. Нет никаких оснований полагать, что более высокая производительность труда приведет к более высокому жизненному уровню, к увеличению свободного времени и к улучшению окружающей среды, если эти цели подменяются единственной целью прироста».

Если не хочешь останавливаться лишь на описании симптомов, но стремишься к познанию причин и к коренной терапии, тогда возникает во-

прос, какие общественные теории и какая общественная практика привели к современному угрожающему положению?

Отвечая на этот вопрос, следует исходить из того факта, что человечество вот уже более половины столетия находится почти исключительно под влиянием капиталистической или государственно-коммунистической систем. Социальное состояние нашей эпохи должно, следовательно, иметь исторические причины именно в практике и идеологиях этих систем. Общее для обеих систем состоит в том, что их практика зиждется на чисто количественно ориентированной идеологии экономического роста. «Улучшающаяся конъюнктура» — здесь, «перевыполнение плана» — там (с одинаковым упором на индустрию вооружения) признаются за бесспорный масштаб социального прогресса. Высшая цель состоит в повышении показателей производства. А так как в этой области ведется борьба за мировое господство между двумя системами, то всё ввергается в пучину этого ада: природные богатства земли и ландшафты опустошаются, животный и растительный мир уничтожается, рабочая сила и творческое мышление человека перенапрягаются до такой степени, что ставится на карту физическое, психическое и моральное состояние целых народов. Профессиональный стресс, неврозы и депрессии, психофармацевтика, разврат, разочарование и апатия становятся массовыми явлениями.

Не видя, что причины потерь в погоне за чисто количественным ростом заложены в существе господствующих систем, и не проведя исследований этих систем, ученые из МИТа вынуждены все же признать, что человечество стоит перед поворотным пунктом, который должен привести к переоценке ценностей.

В их исследовании говорится следующее: «Основополагающие общественные идеи об экономическом и экологическом равновесии могут быть легко сформулированы, однако наша действительность очень далека от того, чтобы содействовать практически тому духовному перевороту, равному по значению коперниковскому, необходимость в котором кажется совершенно срочной».

И речь идет действительно о коперниковском перевороте, не более и не менее, как о новой модели мира, которая создала бы возможность для выживания человека; модели, в центре которой стоял бы неотчужденный человек.

Идей и действия, направленные на осуществление третьего пути, и следовало бы рассматривать как вклад в дело выхода из кризиса на этом поворотном пути человечества.

Доклад МИТа заканчивается такими убедительными словами: «Наконец, мы не хотели бы отказаться от призыва к тому, чтобы человек исследовал свои собственные цели и свои представления о ценностях так же, как он исследует мир, который он стремится изменить. Это тоже требует самоотречения и напряжения. В конце концов, человек стоит не только перед вопросом, сможет ли он выжить как биологический вид, но также и перед вопросом, сможет ли он выжить, не возвращаясь к таким формам существования, которые не кажутся достойными».

ВМЕСТО ДУХОВНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ — ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ ЛОГИКИ

*Необходимость замены идеологии роста и
механического мышления
новой социологической наукой*

Даже если учитывать все аргументы, которые выдвинуты против доклада МИТа, все равно не следует ни замалчивать, ни преуменьшать серьезности нашего сегодняшнего положения. Без всякого сомнения, человечество получило точный диагноз действительной ситуации, диагноз, поставленный прямо-таки в ультимативной форме! Перед нами негативная модель, подкрепленная статистическими выкладками, которая нашла достаточно яркое воплощение и на Западе, и на Востоке. Но теперь возникает нужда в позитивной модели мира, во всесторонне обоснованной альтернативе, в истинной терапии.

Уже признано, что духовная революция («изменение мышления в коперниковских масштабах») необходима для того, чтобы разрешить проблемы, продиктованные поставленным диагнозом. Ведь несмотря на выраженное в докладе МИТа убеждение в необходимости коренного изменения всех представлений о целях человека, из него все же не становится ясной альтернатива. Мало надежды на то, что такая альтернатива может быть найдена в пределах капиталистических или государственно-бюрократических, коммунистических представлений и понятийных систем.

Можно было бы предложить одной из существующих ныне практик нечто ей противоположное, но ведь, с другой стороны, возникает идеологическая дилемма, состоящая в том, что господствующие идеологии Востока и Запада утверж-

дают безоговорочную истинность своего пути и полную неприемлемость пути противоположного, причем и те, и другие попадают во все большее и большее противоречие с фактами социальной действительности. Только-де капитализм (соответственно — коммунизм) в состоянии разрешить человеческие проблемы, причины которых лежат в иной системе.

Не останавливаясь здесь подробнее на либерально-капиталистической и марксистско-ленинской идеологиях, укажем лишь на их бросающееся в глаза сходство в одном важном пункте: обе они представляют собой такие понятийные системы, которые «объясняют» и оправдывают как необходимость экономического роста, так и господство государственной элиты, заинтересованной в этом росте. Несмотря на то, что между этими идеологиями ведется спор о причинах мирового кризиса, мы можем говорить о господствующем идеологическом единстве двух систем: обе они исходят из материалистической предпосылки, видя задачи человеческой жизни в экономическом росте.

Дилемма идеологическая является также и дилеммой современных гуманитарных и социальных наук, которые создали свой понятийный инструментарий в основном в XIX веке и с тех пор пытаются, состязаясь в неумеренности претензий, выразить феномены общественного организма в формулах механики Ньютона. Еуген Лейбл (в 1968 году президент государственного банка в Братиславе), выдающийся представитель того типа социологов, которые вступают на новый путь, выводящий из сегодняшних застывших форм мышления, указывает в своих работах, что если и самим физикам не могут останавливаться на механической физике Ньютона, то тем более социологам следует отказаться от перенесения законов

механистической физики на законы человеческого общества и совершил поворот к динамическому, соответствующему сегодняшним представлениям изучению феномена человека и общества. Марксизм дает шанс на преодоление чисто механистического образа мышления, поскольку он исходит из диалектики, однако в догматическом отстаивании так называемых «экономических законов» лежит и опасность марксизма. По мнению Лейбла, законы природы имеют весьма ограниченное воздействие на жизнь человеческого общества: носители социального процесса — это не молекулы, не шестеренки или нечто столь же механическое, а конкретные люди, чьи характеры, способности, взгляды и т. п. изменяются по присущим им внутренним законам. Всякий объективный мыслитель должен согласиться с Лейблом, что это обстоятельство вступает в противоречие с попытками объяснить поступки человека экономическими законами.

Наука, которая ищет на новом, или третьем, пути альтернативу идеологиям, оправдывающим современные системы, должна пустить в ход все рычаги, если речь идет о необходимости навести мосты от того точного диагноза истинной ситуации, в которой находится человечество, к методу исследования, цель которого не идеологическое оправдание существующих систем, а анализ их структур с последующим их преобразованием.

Подобный подход уже проявляется в тех начинаниях, которые были упомянуты выше. Начинания эти могут стать основой совершенно новой социальной науки, которая будет рассматривать экономику как науку *гуманистическую*, изучающую индивидуального, творческого человека как изменяющийся фактор, как основной элемент социального организма. Тем самым наука об обще-

стве, получив огромной важности задание — сознание духовной Нови вне сегодняшних идеологий и теорий, — станет наукой перспективной.

Повторяя слова из доклада МИТА: «... человек должен исследовать свои собственные цели и представления о ценностях так же, как он исследует мир, который он стремится изменить».

УЖЕ СУЩЕСТВУЮЩИЕ НАЧИНАНИЯ И ТРАДИЦИИ

Зачатки новой науки об обществе имеют корни в различных традициях. Они есть и в свободном от догм неомарксизме, и в христианском социализме. Но прежде всего следует вспомнить о концепции самоуправления, сформулированной основателем антропософии Рудольфом Штейнером, активно выступавшим за претворение этой концепции в жизнь после Первой Мировой войны и создавшим «Движение за трехчленность социального организма».

Движение это возникло, в сущности, как спонтанное народное движение в 1919 году в Бюргенберге и в 1921 году в Верхней Силезии. Оно было первой исторической попыткой осуществления социалистических устремлений века на основе индивидуальной духовной свободы.

Представителям этого движения с самого начала было ясно, что подобное соединение социализма и духовной свободы невозможно в рамках устаревших систем, таких, как, скажем, капиталистико-бюрократической или партийно-бюрократической коммунистической системы. Их понимание демократии основывалось на полном самоуправлении во всех областях общественной жизни. Чтобы действительно предохранить эти отдельные области от всяких посторонних вмешательств, они потребовали расчленения общественного целого на

три основные элемента: свободная духовная жизнь, братское социалистическое хозяйство и демократический государственный правопорядок. При такой трехчленной структуре государство лишалось бы права воздействия на самоуправляемые автономные области культурной и хозяйственной жизни, которым до сих пор пользовались все существовавшие доселе государства. За ним сохранялись бы лишь обязанности осуществления прав человека и гарантии этих прав.

Идея ограничения государства задачами правовыми может быть обнаружена и в традициях немецкой культурной жизни. Эти, как и многие другие традиции немецкой культурной жизни со времен Гете до победы фашизма, были, к сожалению, исключены из жизни центральной Европы благодаря её слабому самосознанию, недостатку гражданского мужества, благодаря интригам демагогов. Отто фон Гирке, несправедливо забытый немецкий правовед, еще в начале нашего века ввел понятие «чистого государства», ограниченного обязанностью соблюдать гарантии прав человека. Еще раньше Вильгельм фон Гумбольдт высказал существенные соображения по этому поводу в своих «Мыслях об установлении границ воздействия государства».

Наряду с точками зрения, которые основываются на идеях самоуправления и тройного членения социального организма или же исходят из других, в частности, марксистских и гуманистических традиций, в рамках стремления к созданию новой науки об обществе мы находим и либеральные течения. Например, такое, которое опирается на специфическую теорию денег, созданную Сильвио Гизелльсом, министром экономики Баварской республики после Первой Мировой войны, теорию, находящуюся в непримиримом противоречии с бур-

жуазно-бюрократическими представлениями.

Таким образом, мы начинаем не на пустом месте, в нашем распоряжении — разрабатывавшиеся еще с 1789 года идеи, представления, модели. Но это культурное наследие очень слабо до сих пор обработано, а главное — так и не состоялось пока интегрирование различных родственных точек зрения на современном понятийном уровне. В этом интегрировании и заключается наша сегодняшняя задача.

ТЕРПИМОСТЬ И КООПЕРАЦИЯ

Долг любого начинания в области познания, если только оно хочет быть строго научным, состоит в раскрытии своих методов и в их теоретическом обосновании. Против этого основного положения совершилось множество прегрешений. Так, например, дидактическая психология при изучении человека опирается на данные электронной статистики и на результаты исследования поведения крыс, не определив, в какой степени вообще возможно перенесение на человека данных, полученных таким образом.

Обновленная наука о человеке не может исходить из материалистических спекуляций такого рода. Рассказывают, что недавно скончавшийся физик-атомщик Вернер Гейзенберг как-то заметил, что Гете, с его мышлением естествоиспытателя, начал там, где современная физика заканчивается. В наше время может показаться невкусной, с точки зрения господствующего общественного мнения, ссылка на Гете, признанного поэта, но безвестного естествоиспытателя. Однако в его работах по естествознанию находишь как раз те направляющие начала, которые разрывают всякую догматическую механистическую узость и

освобождают от научного тщеславия, свойственно-го буржуазной науке.

Гете признает суверенность наблюдающей и по- знающей мысли, этой основы новых путей в нау- ке вообще. Он предвосхитил те принципы, которые признаются чем-то само собой разумеющимся большинством нынешних сторонников новой моде- ли гуманистического общества.

Главным принципом нового исследования ста- новится терпимость и интерес к другим суждениям и наблюдениям, так сказать, заинтересованная тер- пимость. Согласно этому принципу, в основу суж- дения о явлении могут быть положены лишь факты, лишь сам феномен, подлежащий изучению. Гете видел проявление узкого тщеславия бур- жуазного ученого там, где он игнорирует взгляды инакомыслящих или даже непосвященных. В этом тщеславии, по его мнению, — тормоз научного прогресса. Опыт XX века показал всю правоту Гете: сегодня научный прогресс подчас totally блокируется, если то или иное течение в науке не находит мощную поддержку государства — все равно какого — буржуазного или так называемого пролетарского, а иные взгляды подавляются вслед- ствие их опасности для государства.

Гете, признанный всем миром гений, никогда не отказывался от учета идей и наблюдений даже «самых малых из братьев». Он не нуждался в утверждении именно своего миропонимания. Он говорил по этому поводу: «Лишь только обратишь на изучаемые явления внимание людей, обладаю- щих острым и свежим взглядом, сразу обнаружи- ваешь, что эти люди склонны и весьма способны к научным наблюдениям. С тех пор, как я зани- маюсь учением о свете и красках, я часто беседую с лицами, которым вообще-то далеки эти предме- ты, и вижу, что как только их интерес возбуждает-

ся, они обнаруживают в исследуемом явлении такие феномены, которые я или вообще не замечал, или же частично упускал из виду. При этом они вносили поправки в идеи, сформулированные мной весьма опрометчиво, и даже давали мне повод к более ускоренному движению в познании и к вы-свобождению из плена ограниченности, в котором нас часто держит долгое утомительное исследование.

Таким образом, и здесь, как и во многих областях человеческой деятельности, действительно правило, согласно которому лишь тогда может возникнуть нечто выдающееся, когда интересы многих будут направлены на один пункт. Совершенно ясно, что зависть, которую пока не удается исключить из понятия «честь открытия», а также нерумеренная страсть трактовать и разрабатывать открытие лишь на свой лад только мешают самому ученому. Я и теперь нахожу этот метод работы со многими настолько приятным, что не смог бы продолжать исследования, отказавшись от него. Я точно знаю, кому я обязан тем или этим, и мне только радостно об этом объявить. Как раз в научных делах особенно полезно сообщать о находках отдельных лиц и даже об их предположениях; и в высочайшей степени желательно приступать к сооружению научного построения не раньше того времени, когда план его и материалы найдут всеобщее признание, одобрение и коллективно будут отобраны» (из рукописей Гете по естествознанию «Опыт как посредник между объектом и субъектом», 1793, разрядка моя — Я. Э.).

В этих словах Гете выражено понимание основного принципа научности, который, к сожалению, очень далеко отстоит от современной практики: принцип заинтересованной терпимости. Гете имеет в виду интерес к мыслям и наблюдениям как раз

тех людей, которые благодаря их иным воззрениям и иному опыту находятся в противоречии к собственному нам мышлению. Без такого интереса мы обрекаем наше знание и наше понимание на безысходную узость.

Такой интерес не имеет ничего общего с обычными диспутами, профессиональными полемиками, цель которых — опровержение инакомыслящих и поучение профанов. Для принципа заинтересованной терпимости наличие других идей — необходимая предпосылка любой исследовательской работы.

Отсюда вторая опорная мысль Гете: « . . . лишь тогда может возникнуть что-нибудь выдающееся, когда интересы многих будут направлены на один пункт».

Принцип заинтересованной терпимости, исходящий из признания своеобразия и разнообразия свободных суждений, ведет к созданию коллективного процесса познания, расширяющего область нашего неизбежно ограниченного понимания. Дело познания неизбежно требует ассоциации творческих усилий. В этом смысле мы можем говорить о социализме как методе науки, базирующемся на признании свободы мысли и свободы ассоциаций.

Пусть не все сознательно приходят к гетеевской мысли о заинтересованной терпимости, однако задача выработки этой терпимости все время возникает на различных конгрессах, научных заседаниях, конференциях. На одном из таких конгрессов — Международном конгрессе «Третий путь» в Ахберге (Бодензее) — Ота Шик приблизительно так сформулировал трудности и надежды нового пути: «Мы столкнемся со сложностью достижения взаимопонимания и преодоления противоречий, когда наши различные мнения встречаются друг с другом. Эти сложности и эти противоречия

вначале будут даже расти и еще больше обнаруживаться, когда мы друг друга лучше узнаем. Но это не может быть основанием для того, чтобы снова расходиться».

Эти предсказанные трудности неизбежны. В нашем стремлении придерживаться принципа заинтересованной толерантности с тем, чтобы допустить интеграцию наших суждений с суждениями других людей, так же ищущих истину, нам приходится преодолевать наши предрассудки, предубеждения, приходится бороться с «неумеренной страстью трактовать и разрабатывать открытие лишь на свой лад» (Гете).

И теперь мы уже можем говорить об определенных успехах в этом отношении. Ученые различных направлений, рабочие и домашние хозяйки, представители молодежных союзов, ученики и студенты (прежде всего из стран немецкого языка, а также из Голландии и скандинавских стран), эмигранты, активисты Пражской весны, сторонники третьего пути из Перу, Испании, Греции и др. стран, сторонники трехчленности социального организма в духе идей Штейнера, неомарксисты из Югославии, советские эмигранты демократического направления и многие другие — все они стремятся использовать различные встречи и диалоги для того, чтобы понять, как другие видят их теории, их идеи, а не для того, чтобы лишь искать удачные аргументы для опровержения противоположных воззрений. Такой подход ведет к интеграции свободных идей и тем самым к расширению общего горизонта и к зачаткам создания единого понятийного уровня, единого словаря для определения пути к грядущему обществу с человеческим лицом.

Упомянутые встречи и диалоги проводились и с целью обнаружения так называемых «профа-

нов», способных, однако (как считал Гете) раскрыть «в исследуемом явлении такие феномены», которых не видят специалисты, находящиеся в плену «долгого утомительного исследования» (Гете). Прежнее распределение ролей между специалистами и «профанами» начинает исчезать, а участники конференций попеременно становятся то учащими, то учащимися — наука приближается к гражданам!

Но и еще в одном отношении новая наука о человеке должна соответствовать методу Гете, а именно — требованию исходить в процессе познания из чистого феномена изучаемого явления в совокупности его признаков и в универсальности его отношений, исключая из процесса познания всякие заранее заготовленные идеологические формулы.

В августе 1794 года Шиллер писал Гете, восхищаясь его свободным от всяких предубеждений методом исследования: «Ваш наблюдающий взгляд, который так безмятежно и чисто покоится на всех предметах, не подвергает Вас опасности сбиться с пути, тогда как спекулятивное мышление, так же как и произвольная сила фантазии, легко может ввести в заблуждение». И продолжал: «В верности Вашей интуиции заключено — и притом гораздо полнее — все, чего с такими усилиями ищет аналитик, и только потому, что оно заключено в Вас как целое...»

Сегодня, когда анализирующие и специализирующиеся науки все более распадаются на мелкие специальные отрасли, мы стоим перед проблемой комплексных исследований с тем, чтобы выработать в себе интуицию целого, всеобщий «отпечаток идей», если мы хотим предотвратить распад науки на отдельные, ничем не связанные друг с другом отрасли. Уже был приведен печальный

пример того, как некоторые направления в науке без убедительных оснований вторгаются в чуждые им области, полагая, что открытые ими истины легко распространяются на весьма отдаленные от них явления — и это случалось как раз из-за разобщенности ученых, работающих в различных областях и не способных интегрировать достижения коллег в свои исследования. Горькие слова о «крысоподобии» человека отражают результат подобной деятельности исследователей поведения крыс, распространивших свои выводы на законы поведения человека.

Не сможет ли новая наука в условиях ассоциирования свободных взглядов и при отказе от идеологических предубеждений поставить в центр внимания феномен человека и общества и основать революционную (в конструктивной сути) социологию? Не станет ли такая новая наука предпосылкой общества с человеческим лицом?

Уже имеющиеся достижения позволяют дать на этот вопрос весьма обнадеживающий ответ: открывается перспектива, которая может привести в случае переосмыслиния устаревших идеологических понятий к тому коперниковскому перевороту в сознании, который необходим для разрешения сегодняшних кризисных проблем.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ

Задача создания инструментария для новых понятий

Если мы рассмотрим современные отношения людей без предварительных идеологических установок, строго феноменологически, то мы увидим, что отчуждение трудящегося человека, которое

марксизм объясняет преимущественно экономическими-факторами, причинно обусловлено также отчуждением мышления.

Дело в том, что современное общество разделения труда пришло к такой экономической структуре, при которой каждый человек, производя продукты, обеспечивает ими не себя, а отдаленных от него потребителей, как и они, в свою очередь, удовлетворяют его потребности. В развитых странах уже исчезло такое явление, как самообеспечение. Статистически мало вероятно, что мы приобретем товар, который произведен нами самими. Главное же, пока товар прийдет к потребителю, он проходит через руки множества людей, принимающих участие в его создании: наряду с непосредственным производителем в создании товара принимают участие и представители прикладных наук, работники средств транспорта и связи, денежного обмена, деятели профессионального обучения, подготовившие работника, и т. д. Как при капитализме, так и при государственном коммунизме люди сегодня до такой степени социализированы в комплексную интегральную систему, общественный организм, что никакая отдельная личность не может более самостоятельно реализовать свои личные потребительские устремления.

Таким образом, основной феномен современной экономической жизни — это феномен братства. И вот несмотря на то, что феномен этот себя достаточно явно проявил в экономической жизни, в головах людей все еще живет, подобно вымершему ихтиозавру, сохранившееся с феодальных времен и превратившееся в идеологию представление, что смысл моей деятельности — в обеспечении самого себя и своей семьи.

В реальном экономическом процессе отдельная личность сближается в качестве потребителя с

другими людьми благодаря своему вкладу в производство — в сознании же своем человек отчуждается от других людей и тем самым также от действительного мира, что и является выражением ископаемых представлений, оставшихся от давно канувшего в вечность общества самообеспечения.

Новое, соответствующее нашему времени понятие товара должно заключать в себе как основу такое содержание, как коллективный интегральный процесс производства в обществе с разделением труда, в центре которого стоит в качестве цели — человек. Братство как составная часть современного представления о труде должно быть признано в современной науке не декоративной надстройкой, удовлетворяющей требования морали, а закономерным феноменом современной экономики, характеризующейся трудом для удовлетворения потребностей дальнего!

Господствующий сегодня повсюду понятийный инструментарий включает в себя и понятие собственности, рожденное чуть ли не в Древнем Риме, модифицированное Наполеоном и существующее сегодня в двух вариантах — государственной и частной собственности на средства производства; и понятия зарплаты, премии и прибыли, заменяющие право на доход; и понятие денежного обмена. Все эти представления вытекают с железной необходимостью из этой ископаемой идеологии общества самообеспечения и экономики обмена. До тех пор, пока эти понятия будут рассматриваться как предпосылки суждений об обществе, ничто в общественных отношениях измениться не может. В соответствии с идеологией отжившего общества обмена, считается вполне естественным обменивать труд на деньги или оплачивать его, как товар, считается, что труд может быть измерен!

Возникающие часто требования более справед-

ливой оплаты труда не изменяют тот товарный характер, который продолжает иметь труд в современном обществе, ибо иллюзия возможности количественного измерения труда всякими «улучшениями» не развеивается, а, наоборот, укрепляется. Как отмечалось выше, труд отдельного человека в современном промышленном производстве интегрируется с трудом многих и многих людей, а потому трудовое свершение одного человека не может быть идентифицировано в конечном продукте, что делает невозможным выразить его в деньгах. Поддается измерению лишь результат коллективного труда всех, выраженный в социальном продукте.

Какая часть общей продукции в виде дохода приходится на долю отдельного человека, — это вопрос распределения, правовой вопрос, это проблема политическая, от решения ее зависит, по какому направлению пойдет общество — по направлению к справедливости или же по направлению к произволу. Но пока над нами тяготеет иллюзия возможности оплатить труд, всегда правовой вопрос распределения будет решаться в форме прибыли привилегированным и зарплаты подчиненным. Очевидно, всегда будут приниматься произвольные решения, если частный владелец (руководство концерна или государства) будет претендовать на средства производства (в форме частного или государственного владения) и присваивать товары, произведенные всеми работниками коллективно, чтобы продавать их потребителю в соответствии со своей идеологией роста — выполнения плана или же повышения прибыли. Эта-то система власти, опирающейся на пережитки сознания прединдустриального общества, — и есть то, что создает отчуждение людей друг от друга, вторгаясь в качестве ли государства, в качестве ли ка-

питалистического предпринимателя в распределение доходов коллективного производства и становясь непрошенным посредником между производителем и потребителем.

Отчуждение порождает депрессии . . .

Если же многие наши современники не осознают истинных причин своей депрессии, а пускаются в психоаналитические спекуляции, то это их не спасает от раны, которую наносит отчуждение человека от собственного труда и от других людей, с которыми и для которых он что-то производит. Это отчуждение делает людей более несчастными, чем все другие антигуманные проявления сегодняшних производственных отношений, ибо оно отнимает у людей понимание смысла их коллективного труда, отнимает возможность сделать персонифицированный вклад в производство того, в чем конкретно нуждаются другие люди. Только если всеми будет признано, что способности человека, производительность его труда всегда конкретны и принципиально неизмеримы и неоплачиваемы, может быть уничтожена современная форма древнего рабства, при которой человек получает зарплату, премии и прибыль будто бы за свой успешный труд, а в действительности за то, что он в своё рабочее время согласился быть колесиком в огромной отчуждающей машине и подчиняться приказам и предписаниям.

Прибыль, премия, зарплата, эти заменители потерянного смысла труда, будто бы являющиеся единственными возможными стимулами, в действительности не что иное, как иудина плата, ибо человек продает, в сущности, не свой труд, а самого себя, что полностью соответствует мысли молодого Маркса: «всегда имеешь дело с самим человеком, когда говоришь о труде».

Иллюзия оплачиваемости труда и соответствую-

щая ей система власти причинно связаны еще с одним реликтом из представлений общества феодальных времен, общества обмена и самообеспечения, а именно, с верой в то, что только денежная система является подходящим средством обмена. Из идеологии средств обмена вытекает достаточно логично, что каждая форма распределения доходов, поскольку она необходимо связана с денежным обращением, является процессом купли и продажи, который консервирует закрепощение рабочей силы и делает ее объектом рыночной торговли. Даже самые образцовые попытки совершенствования производственных отношений и их гуманизации ничего не могут в этом изменить, пока деньги рассматриваются и используются как средство обмена.

Необходимы истинно революционные изменения в представлении людей о сущности денег и капитала, кардинально отличные от тех, которые господствуют на Востоке и на Западе. Как в рассуждениях о понятиях труда и товара, так и в этом следовало бы исходить из основного феномена современного производства — феномена братства.

И, наконец, следует полностью переосмыслить значение и место умственного труда в процессе сегодняшнего производства. Еуген Лейбл считает важнейшей особенностью современного труда интегрирование в него умственной деятельности труженика и прикладной науки. С этим обстоятельством вступает в конфликт система власти, ибо думающий человек, с его динамичностью, склонностью к ниспровержениям и активному творчеству, представляет собой постоянную угрозу интересам укрепившейся власти и капитала. А это в свою очередь делает умственный труд неэффективным (если воспользоваться в этом случае экономическим термином), ибо власть ориентирует его

не на интересы потребителя, человека, а на интересы роста, на интересы расширения производства.

Капитал — это средство, с помощью которого производственные способности человека включаются в хозяйственную жизнь и в ней используются. В капитале тем самым выявляется нечто такое, что выходит за пределы одной лишь обменной функции и правильное использование чего должно быть подчинено задачам нового общества. Осознание значения творческой мысли человека должно привести к обнаружению нового феномена, содержащегося в понятии капитала.

ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Некоторые соображения о стратегии

Истинное преобразование и очеловечивание нашего общества не могут быть осуществлены без решительного поворота в сознании «коперниковского масштаба», о котором говорилось выше. Тут не поможет простая вера в добро, не помогут деньги, власть, оружие. Самая опасная иллюзия тут — это «революционное насилие». И неважно, для чего к нему прибегают — для проведения хороших реформ, для изменения политической власти, для национального освобождения. Все эти формы насилия приводят лишь к сохранению или к еще большему ухудшению прежних видов отчуждения.

Прибыль и власть денег, насилие и приказы, кнут и пряник — все эти стимуляторы и мотивации, которые были известны прежним общественным формациям, непригодны для торжества новой жизни. С помощью этих методов старые формы власти будут так долго господствовать над народами земли, пока в головах будут господствовать

прежние идеологии и пока достаточно большое число людей не прийдет к новому сознанию — вряд ли хоть днем раньше!

Это отнюдь не новая мысль, что с помощью классических средств порабощения и господства невозможно ни заплатить за новое общество, ни принудить людей к его созданию. Уже в революционной смуте после Первой Мировой войны, когда многие неглупые люди в Центральной Европе считали чуть ли не благом мировое господство Ленина, на рабочих собраниях возникал вопрос: что делать? Рудольф Штейнер, который как никто другой после Шиллера обогатил и развил гетеевское учение, придерживался того положения, что необходимо донести до сознания и сердца возможно большего числа людей идеи самоуправления и трехчленности социального организма, что надо завоевать каждого отдельного человека.

Также и в период Пражской весны 1968 года проявилось это ощущение, что если строительство социализма с человеческим лицом следует считать революцией в сознании, то стержнем ее должна стать не борьба за власть, а борьба за человека.

Какие выводы можно сделать для стратегии такой революции из предшествующего опыта? Конечно, пути, по которым пойдет движение, будут различными в соответствии с конкретной жизненной ситуацией, в особенности они будут определяться исходными позициями, с которых начнут Восток и Запад и страны третьего мира. Но широкая общность этих путей видится в необходимости, распрощаться с отжившими идеологиями и всяческими попытками создать новые отношения с помощью старых методов власти.

Общее движение к активной заинтересованной терпимости уже проложило дорогу к коллективному овладению новым сознанием. В этом видится

надежда. Прежде всего необходимо для стронников третьего пути поставить перед собой вопрос: как и в каких областях уже созданы условия для развития этого нового сознания? Начинать надо там, где уже ведутся новые исследования, а также в организациях, в которых общественность вступила на новый путь, но, прежде всего, на рабочих местах, ибо сознание развивается прежде всего в процессе труда.

Сейчас уже речь идет о том, чтобы предприятия, своего рода пионеры, которые не работают больше на основе частноприбыльного интереса или государственных директив, самоуправляющиеся школы, больницы, фабрики, — объединить в международные кооперации «мастерских нового общества», или — другими словами — строить новое общество внутри старого там, где этому уже положено начало. Пусть сначала это будут малые клеточки, но организм и состоит из клеток!

Большое поле деятельности раскрывается в связи с необходимостью обмена опытом между этими «клеточками организма», а также с задачами привлечения к новому делу возможно большего числа сторонников с помощью устных разъяснений, печатного слова, наглядных пособий.

Стратегия строительства общества с человеческим лицом тогда лишь может стать успешной, если удастся преодолеть разобщенность между имеющимися уже инициативами путем кооперирования и интенсификации обмена опытом, путем финансовой солидарности и общего планирования. Эта кооперация не может быть пущена в ход с помощью политического аппарата и управляться им, это было бы отступлением к государственно-бюрократическому варианту кнута и пряника, — эта кооперация может покойиться лишь на благородумии, добровольности и взаимном доверии автономных партнеров.

Решающим фактором успеха или неуспеха всего этого дела может стать, однако, то, насколько будет присутствовать в нем принцип активной толерантности. Если в процессе совместной познавательной и исследовательской работы и в совместной деятельности на предприятиях у участников этой работы появится интерес к мнениям других людей, к иным соображениям, методам, наблюдениям; если такими способами, как доклады, печатные сообщения, беседы, дискуссии, будут разъяснены идеи нового общества и они будут признаны инакомыслящими и даже непримиримыми противниками, по крайней мере заслуживающими внимания, тогда борьба за новое общество сможет достичь такой внушительности, что она убедит многих людей, осилит спорщиков!

Новые социальные структуры и соответствующие им правовые формы, которые должны быть выработаны уже как плоды нового мышления, смогут стать основой гуманистического будущего. Они будут гарантировать автономию всех процессов мыслительной и культурной деятельности и должны будут так организовать трудовой процесс и процесс создания капитала, чтобы человек почувствовал себя не во всеобъемлющем отчуждении, а существом, которое само определяет методы, средства и цели этого процесса.

Чтобы было возможным запустить в ход процесс образования новых правовых и социальных структур, представляется также необходимым сделать следующий шаг, который, несомненно, уже подготовлен, — следует создать манифест нового общества.

*Авторизованный перевод
Германа Андреева*

ПОЛЕМИКА

ХРИСТИАНСТВО, Л. Н. ТОЛСТОЙ И СБОРНИК «ИЗ-ПОД ГЛЫБ»

Статья была опубликована в самиздатовском журнале «XX век», (Москва, 75 г., № 1). В сборнике публикуется в переработанном и сокращенном виде.

«Сколько бы ни говорил человек, отношение которого к миру состоит в служении своей семье или роду, народу, что он христианин, нравственность его всегда будет или семейная, или народная, а не христианская».

(Л. Толстой, «Религия и нравственность»)

«Враждебна христианству и всякой религии не социальная система коммунизма, которая более соответствует христианству, чем капитализм, а лжерелигия коммунизма, которой хотят заменить христианство. Но лжерелигия коммунизма образовалась потому, что христианство не исполнило своего долга и было искажено. Официальная церковь заняла консервативную позицию в отношении к государству и социальной жизни и была рабски подчинена старому режиму».

(Н. А. Бердяев, «Русская идея»)

«... желательно бы было, чтобы в печати раздался голос, обсуживающий события нашего времени не с партийной точки зрения, но с высшей христианской, примиряющей».

(Из письма Л. Н. Толстого Годянскому
1. 1. 1906 г.)

Удивительное наблюдаешь подчас сходство между способами мышления людей, стоящих, по существу, на принципиально противоположных позициях в решении социальных проблем. Когда пытаешься для себя определить что же кажется тебе родственным в писаниях этих людей, во всем друг с другом несогласных, обнаруживаешь общность методологии. Эта метода — партийность.

Для партийной методологии характерны некоторые прямо бросающиеся в глаза черты.

Партийный публицист нагнетает число фактов, долженствующих подтвердить его правоту, и игнорирует факты, разрушающие его концепцию. Он склонен к универсализации понятий и положений, не особенно беспокоясь касательно корректности подобной универсализации. У оппонента его интересуют только заблуждения, его открытия он игнорирует. Если история не соответствует его построениям, он говорит: «Тем хуже для истории». Он склонен к дискредитации личности оппонента. Мир в трудах партийного публициста представляется обедненным, ибо он хочет вогнать в свою абсолютную систему все многообразие, многоцветие реальной жизни, не считаясь с мудрой мыслью гетевского Мефистофеля: «Сера, мой друг, теория, но вечно зелено древо жизни». Он оценивает людей не по их делам, а по их высказываниям.

Как известно, слово «партия» произошло от английского *part*, что означает часть.

Партийный подход к истине ведет к противопоставлению людей, а не к их единению. Христианин, стремящийся к всемирной соборности, и партийный мыслитель — вещи явно несовместимые. Партийность мышления свойственна тем, кто видит неизбежность, а следовательно, и оправданность борьбы, борьбы классовой, межнациональной, меж-

государственной, вообще борьбы между людьми. Партийный мыслитель абсолютизирует момент борьбы, мир и любовь между людьми он считает чем-то временным, случайным. Для христианина же любовь и единение людей — истина, борьба — ложь.

В спокойные периоды истории партийная борьба, ведущая к торжеству одних ученых и позорному поражению других, носит чисто геллерский характер, она относительно безопасна для людей, не причастных к решаемым проблемам.

Когда же стране или тем более человечеству угрожают беды или даже нравственная гибель со стороны сил зла, партийная борьба между христианами становится опасной и отражается на многих людях, чего распалившиеся партийные борцы уже и не замечают. Борющиеся партии полагают, что главное — утвердить найденную ими истину, а с помощью каких приемов, какой ценой будет достигнута эта истинна, для них уже не имеет значения. В действительности же неверная методология — а в общественном мышлении нет более вредной методологии, чем партийность, — не может ни привести к истине, ни, что еще более существенно, завербовать ей сторонников.

Если в будущем появятся хитрые машины, которые смогут вычленить методы доказательства мысли в тех или иных социологических трудах, не передавая ее содержания и словесного оформления, они, когда им передадут на исследование сборник «Из-под глыб», прийдут к выводу, что сборник этот составлен, по-видимому, теми же людьми, которые выпускали в середине XX века в России огромными тиражами учебники «Научного коммунизма», «Истории партии» и им подобные пропагандистские материалы: та же вера в находящееся в их распоряжении абсолютное знание,

то же стремление не доказывать, а убеждать, втолковывать непосвященным безусловные для авторов сборника догматы, то же презрение к иным мыслящим, доходящее в ряде мест до их третирования, та же склонность ко всякого рода мистификациям, то же манипулирование историческими реальностями, то же оперирование блочными понятиями (класс, нация, православные, Восток, Запад и т. п.) и та же недоверчивость, подозрительность в отношении к личности, к свободе выбора.

А Россия то скачками, то медленно влечется в царство Великого Инквизитора. Намечаются в ней контуры общества, предсказанного Оруэллом в романе «1984 год». Но те немногие из живущих в России, которые безразличны к «росту материального благосостояния», однако с ужасом ощущают падение состояния нравственного, те немногие, в которых чудом еще теплится сознание внутренней свободы, с жадностью бросаются на все запретное в области мысли, особенно если это запретное освящено именем истинно великого русского писателя А. И. Солженицына.

Как путник в пустыне, с отвращением пивший за отсутствием чистой — грязную воду из запущенных колодцев, припадает к чистому источнику, так рвущийся к свободной мысли житель России руками, дрожащими от предвкушения неслыханного наслаждения правдой, перелистывает страницы, написанные Солженицыным и теми, кто рядом с ним.

Какой же великой ответственностью должны быть проникнуты эти публицисты, завоевавшие давно забытое в России право — право говорить с читателем без посредничества цензуры и аппаратчиков ЦК!

Известно, что свобода от внешнего принужде-

ния не гарантирует от рабства предрассудка внутреннего. Свобода — дар счастливый... как огонь: этот дар может осветить истину и может ее сжечь.

Думается, живи сейчас Толстой, он не увидел бы никакого качественного, принципиально нового изменения в вере русских людей после революции. (Веру Толстой определял не по брошюрам, газетным статейкам, молитвам или научным книжкам, которые пишут люди, а по их образу жизни, по их отношению к Богу). Он увидел бы иные учреждения, стоящие между человеком и Богом (раньше идеологическое оправдание государственных насилий шло от господствующей церкви, теперь — от господствующей партии), увидел бы, что количество насилий увеличилось, сделались они страшнее, но — повторяю — он не увидел бы ни особого понижения, ни, тем более, повышения уровня религиозного сознания. Как до революции господствовало зло и подавлялось добро, так и после революции; как до 17-го года, так и после него богата Россия и истинными христианами, и атеистами, неизменным осталось и соотношение ценностей нравственных и общественных: чем выше человек поднимается по лестнице общественной, тем более он теряет связь с Богом. Никогда российские власти не считались с христианской моралью, ни до 1917 года, ни — тем более — теперь. Христианство — это путь, не испытанный Россией. Русские цари и оправдывающие их власть идеологии опирались более на триорему «самодержавие, православие, народность», чем на учение Христа. После революции эта триорема осталась в силе, изменились слова: вместо «самодержавия» царского — самодержавие вождя партии; вместо «право-

славия» — «единственно верное марксистско-ленинское учение»; вместо «народности» — «морально-политическое единство народа».

Мудры ли те мыслители, которые, справедливо отвергая коммунистическую триорему, призвали бы русских людей вновь уверовать в полностью дискредитировавшие себя дореволюционные формы жизни и религиозного сознания?

Этот вопрос возникает при чтении сборника «Из-под глыб», самим названием которого авторы заявляют о своем намерении извлечь из небытия нечто преданное забвению.

Что же они извлекают из-под глыб? Как можно оценить этот сборник с позиций развивающегося христианского сознания? В частности, в той его трактовке, которая связана с именем Льва Николаевича Толстого?

История России, как и любой другой страны, не должна быть отдана в руки тех, кто хотел бы ее забыть. Авторы сборника неоднократно упрекают советских идеологов в стремлении убить историческую память народа. Они призывают вспомнить те нетленные ценности, без которых, как они полагают, Россия не может двигаться к счастью.

Да, за последние 60 лет многое сделано, чтобы народ забыл прошлое своей страны, причем недавнее прошлое.

Для того, чтобы оправдать насилия сегодняшней власти, идеологи делают все возможное для очернения власти, когда-то свергнутой.

Вот уже почти 60 лет историки и философы, обслуживающие нынешнюю власть, доказывают, что все, что было до 17-го года, в основном, плохо. Хорошо лишь то, что привело к революции: народные бунты, деятельность трех поколений революционеров, разрушающая критика строя русскими художниками. Все, что могло удержать Россию

от революции, предается или забвению, или оханиванию, в частности — вся русская идеалистическая философия и прежде всего ее религиозный вариант. Можно утверждать без риска ошибиться, что подавляющее большинство русских людей, названных А. И. Солженицыным «образованцией», не имеет понятия о таких великих русских философах (только лишь конца XIX — начала XX века), как Вл. Соловьев, Л. Толстой, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, П. Флоренский, и считает, что русская философия — это только Белинский, Чернышевский, Писарев, Плеханов, Ленин. Отсекая какие-то явления русской жизни и русской мысли, советские идеологи создают из сложной и в чем-то гармоничной историиисканий русской мысли какого-то уродца, тем более, что и из некоторых даже признаваемых ими мыслителей они делают нечто весьма удобное для их pragматических задач и не во всем похожее на истинную их суть.

И подчеркну, что восстановление правды о русской мысли — задача не академическая, а жизненно необходимая. Россия сейчас — страна, от направления духовной жизни которой зависят судьбы людей всего мира.

Так что стремление авторов сборника «Из-под глыб» восстановить какие-то ценности прошлого заслуживает лишь одобрения. Ведь многое из того, что сейчас происходит в России, предсказывали великие провидцы — и прежде всего Ф. М. Достоевский. Многие пути спасения от предсказываемого ими зла предлагали они.

Вообще при всём разнообразии индивидуальностей, составлявших русскую мысль, нетрудно заметить две тенденции — революционную и консервативную — при проектировании социального преобразования России.

Первую из них с наибольшей откровенностью,

без всяких поисков обтекаемых формулировок, выразил В. Г. Белинский в одном из писем: «Я начинаю любить человечество по-мараторски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную». И в другом месте: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов?»

Много героязма, самоотверженности проявили борцы за счастье миллионов, начиная с народников и кончая большевиками, много «крови тысяч» пролили они или пролито по их вине. Многие богачи и насильники лишились власти, богатства, жизни. И, наконец, борцы за счастье миллионов пришли к власти. Но получилось совсем не так, как они планировали, а так, как предсказал Достоевский: «Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг друга даже до последних двух человек на земле».

К чему привели революционные проекты переустройства России, в сборнике показано убедительно, авторы сборника не покидают, как правило, христианских позиций, когда говорят о том, что происходит в сегодняшней России, о том, что создали борцы за всеобщее народное счастье. Но вместе с тем, надо признать, что сборник в этом отношении не сделал ничего нового по сравнению с тем, что уже сделал А. И. Солженицын в «Архипелаге» и в «Круге первом», вместе составляющих целую энциклопедию советской жизни, оцененной с нравственной высоты христианского учения.

Цель создателей сборника была явно другая, более позитивная, чем негативная: уже ясно, кто виноват, точнее, что виновато (насилие). Авторов сборника более волнует вопрос, что делать и у кого учиться, какие традиции русской мысли следуют возродить, какие — завалить глыбами.

В задачу этой статьи не входит анализ христианских мотивов, звучащих в некоторых местах сборника, ибо они не могут привести к разногласиям среди верующих христиан. Пафос нравственной оценки деяний не только отдельных лиц, но и государственных, вообще социальных систем, которым проникнуты статьи сборника, напоминает пафос толстовских работ. «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды» — этот критерий оценки человека и общественных организаций, которым руководствовался Толстой, утверждается и в сборнике «Из-под глыб». В частности, с нравственных позиций обсуждаются социалистические учения: «Нигде в социалистических учениях не содержится внутреннее требование нравственности как сути социализма — нравственность лишь обещается как самовыпадающая манна после обобществления имущества» (из статьи А. И. Солженицына). И действительно, уже абсолютно ясно — об этом говорит весь опыт истории, — что уровень нравственности общества в первую очередь зависит не от форм собственности, а от степени его религиозности. В наше время почти одинаково аморальны зверские структуры капиталистической Чили и социалистического Китая.

Животворящей остается идея самоограничения, утверждение тленности материального и бесконечности духовного начала в человеке, идея, которая всегда была близкой сердцу Толстого. «Поворот к развитию внутреннему, перевес внутреннего над внешним, если он произойдет, — пишет А. И. Солженицын.

женицын, — можно сравнить с поворотом от Средних веков к Возрождению».

Признание греховности человека и призыв к покаянию так же не может не быть принят истинно верующими христианами.

Сборник, как и должно христианской публицистике, направлен против всех видов позитивизма, против определенных форм подчинения человеческого бытия каким-либо политическим или биологическим функциям: «Дарвин, Маркс, Ницше, Фрейд... каждый по-своему разрушили его (мировоззрение, утверждающее права личности — Г. А.), не оставив камня на камне от слепой веры в высшее достоинство человека. Они свели личность с призрачного гуманистического пьедестала, сорвали с нее и осмеяли ореол святости и неприкословенности и указали ей подобающее место: то ли камешка, мостящего путь «сверхчеловеку», то ли капельки, пред назначенной вместе с миллионами других удобрить историческую почву для счастья будущих поколений, то ли комочка плоти, бессмысленно и мучительно влекущейся к слиянию с себе подобными» (из статьи Борисова). Кант, чье учение о категорическом императиве столь близко толстовскому христианству, почти двести лет тому назад с тревогой замечал распространяющееся в европейских учениях пренебрежение к божественной сущности неповторимого человеческого «я» («Основы метафизической нравственности»).

В той же статье Борисова признается это своеобразие пути каждого человека к Богу: «... каждая личность... идет к этому (всемирному — Г. А.) соединению только ей свойственным путем, в себе стремится раскрыть эту полноту, и так достигается истинная полнота целого».

Весь сборник проникнут абсолютно верной

мыслью о том, что только на путях религиозного сознания возможно движение к благу: «И если суждено ее (России — Г. А.) возрождение, то совершится оно может только на религиозной основе» (статья Барабанова). И именно это убеждение помогло авторам сборника указать на то, в чем истинное величие русской литературы. Советские литературоведы, вслед за Лениным, утверждают революционную направленность русской литературы. Большое дело сделали авторы сборника, указав прежде всего религиозное значение ее: «...русская литература — через Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, вплоть до Солженицына свидетельствует о глубокой болезни нашей секулярной культуры, о трагизме и абсурдности безбожного существования» (из статьи Барабанова).

Глубокое отвращение авторов сборника как к революции, так и к контрреволюции и призыв к революции моральной — вот основа, на которой можно было бы объединить христиан вокруг сборника «Из-под глыб».

Однако авторы сборника предлагают еще одну основу для объединения: они зовут вновь вернуться на уже пройденную Россией дорогу.

Обращаясь к прошлому, авторы сборника и демонстрируют ту самую партийную методологию, о которой я писал в начале статьи, а вследствие этого неизбежно отступают в ряде положений от христианства.

Читая сборник, все время помнишь, что авторы его — все — прошли через советскую систему образования и воспитательной обработки. Освободившись от сути марксистской идеологии, они оказались не в силах полностью освободиться от большевистской манеры спора: доктринерство, высокомерие, непримиримость к любым инакомыслящим и инакодействующим, манипуляции с историче-

скими фактами в угоду своей партийной доктрине — всё это проявляется в той или иной степени в статьях сборника.

В партийном запале авторы сборника подчас не замечают, как далеко их заносит в сторону от христианства.

Если исключить яркую, убедительную проповедь «живь не по лжи», все социальные проекты в сборнике имеют мало общего с христианством, ориентируют русского человека не на движение вперед, прочь от страшных дорог, а на старые пути, которые уже в достаточной степени проверены и мало кого могут привлечь.

Я остановлюсь на отношении авторов сборника к России прошлого, к проблеме нации, к церкви и попытаюсь показать, что все это — повторение даже не в модернизированном виде, старой идеологии «самодержавия, православия, народности».

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

(М. Ю Лермонтов, «Родина»)

Главными виновниками русской трагедии авторы сборника считают «безрелигиозных гуманистов» (странные сочетания, вроде «горячего мороженого»). «Безрелигиозные гуманисты» — революционеры и даже антиреволюционная интеллигенция — разрушили благостное гармоническое развитие России, лишили Россию ее лица.

У Тургенева есть такое выражение — «обратное общее место». Вот на таких обратных общих местах строится авторами сборника история России. Сейчас крестьянин бездуховен — до революции он был носителем божественного начала, сейчас труд крестьянина безрадостен — до революции он приносил мужику наслаждение, сейчас стерты национальные черты с лика России — до революции у нее было ярко выраженное национальное лицо, сегодняшняя власть — воплощение всех пороков, дореволюционная — гарантия мирного исторического развития России, современная марксистская идеология убивает душу — дореволюционная идеология православия ее врачевала.

В одной из статей написано следующее: «И Россия много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм — и тоже сохранила себя и свое здоровье, и не испытывала никаких самоунизений, как в XX веке, и миллионы наших крестьянских предков за десять веков, умирая, не считали, что прожили слишком невыносимую жизнь». Вот эту идиллию и разваливали «безрелигиозные гуманисты», довели Россию до сегодняшнего бездуховного рабского состояния.

В этой фразе с особой отчетливостью проявилась партийная система, которая отличает сборник от толстовского христианства. Только имея партийную цель — утвердить правду той группы людей, которые именно так, а не иначе понимают происходящее, можно прийти к такому забвению исторических фактов. Лев Толстой же всегда умел оставаться на высоте христианского, внепартийного мышления. Вот, например, что он писал во время I-й русской революции, обращаясь к народу: «... вам, рабочему, христианскому народу, теперь, когда царское правительство зовет вас вое-

вать против братьев и к тому же зовут вас революционеры, вам уже не для своей выгоды, а перед Богом и своей совестью явно нужно и должно только одно: *не приставать ни к старому, ни к новому правительству и не участвовать в нехристианских делах ни того, ни другого*» («Обращение к русским людям», 1906 г.).

К тому же, отрицая христианское учение о личном спасении, составители сборника неизбежно должны были прийти — и пришли — к оперированию всякого рода общими социальными понятиями, как нация, Россия, народ, в то время как *никогда никакой единой России с единой историей, с единой моралью, с единственным уровнем благосостояния, с единственным лицом не существовало, а всегда были (и есть) люди, личности, которые каждая своим путем шла к Богу (или к дьяволу), по-своему радовалась и страдала, любила и ненавидела, надеялась и отчаявалась.*

Л. Н. Толстой, рисуя в «Войне и мире» даже такое великое историческое событие, как Отечественная война 1812 года, все же напоминает читателю: «Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, со своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, как и всегда, независимо, и вне политической близости или вражды с Наполеоном и вне всех возможных преобразований».

Бот этого умения видеть не только общее, но и — прежде всего — частное не хватает авторам сборника, и получается у них, что до революции была единая Россия (очень хорошая с некоторыми недостатками) и теперь есть единая Россия (совсем плохая, если бы не последние православные).

Не было единой истории единой России. А если

и было что-то, что проходило и проходит через всю историческую жизнь России, то это насилие двух видов власти — правительственной и духовной — над темным, замученным, всевозможными способами обираваемым народом и пытающейся пробудить в нем человеческое достоинство интеллигенцией.

Прислушаемся к призыву составителей сборника — заставим работать историческую память.

Сначала о «проживших не слишком невыносимую жизнь» крестьянах, о благостных отношениях между ними и хозяевами Русской земли.

Начнем со времени рождения православной церкви на Руси.

В 1169 году новгородцы разбили суздальцев, а пленных продали в рабство «по две ногаты» (в три раза дешевле, чем стоила коза).

Цену русскому человеку установила «Русская правда», составленная при консультации высшего духовенства: цена эта — 5 гривен (штраф за убийство смерда).

К XV веку размер крестьянских повинностей уже определялся не законом и даже не обычаями, а просто потребностями землевладельца-князя (как позже, в конце 20-х начале 30-х годов XX века, — потребностями государства). Начинается массовый уход крестьян с земли, явление, отраженное, в частности, в произведениях народного творчества с сюжетом о поисках правды и кривды (что использовал Некрасов в «Кому на Руси жить хорошо» и Твардовский — в «Стране Муравия»). И уже с 70 годов XV века в России существует крепостное право, уже тогда не видно было, чтобы складывалась некая единая нация с одним лицом: лицо князя, боярина как-то не очень походило на лицо смерда. (Полагаю, что о различии в одежде и жилье говорить нет необходимости). Шли века, а

единое лицо России все как-то не определялось. Разрешу себе процитировать из «Кому на Руси жить хорошо»* два словесных портрета мужика и барина.

Вот лицо мужика:

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота.
Пухнет с мякины живот.

Верченный, крученый,
Сеченый, мученый
Еле Калина бредет.

А вот лицо другого русского человека, помешника:

Помещик был румяненький,
Осадистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбуррами,
Широкие штаны.

До 1861 года крестьян грабили, пороли, меняли на собак, в семьи сводили, как скотину, наряжали в солдатские мундиры и гнали убивать людей.

С XVI века на крестьянина навалилось еще и государство. Опричники Ивана IV топтали поля и сжигали хлеб. «Страна запустела», — писал Генрих Штаден и добавлял: «Крестьянин хочет ухо-

* Зная о некотором недоверии авторов сборника к революционным поэтам, напомню им, что Достоевский очень высоко ставил Некрасова.

рониться, чтобы ему не чинили несправедливостей». А один из иностранцев, посетивших в 70-х годах Россию (Даниил Принц), писал: «... положение крестьян самое ужасное: их принуждают платить по несколько денег каждую неделю великому князю и своим господам; они имеют скот, плоды, кроме того, что-нибудь из сельских вещей, отказывая себе во всем, они продают их соседним гражданам, а сами вместе с женами и детьми довольствуются черным хлебом, живут очень бедно». Так что у тех, кто грабил мужика в 20—40 годы XX века были исторические образцы. А казачество в XVI веке возникло как раз потому, что русский мужик бежал от «не слишком невыносимой жизни».

При Петре I одни русские люди стали распродавать других русских людей на заводы. И опять мужички бегут от земли, и не большевики только, как убеждают нас авторы сборника, отбивали любовь крестьянина к сельскому труду: уже по переписи 1710 года было обнаружено всего — 635412 крестьянских дворов — на 20% меньше, чем по переписи 1678 года.

При Елизавете (когда, как точно сообщено в «Архипелаге», не было в России смертной казни) изобретена была «поручная запись», то бишь паспорт, не имея которого крестьянин не мог отлучиться из вотчины. Как видим, и этот опыт впоследствии учтен советскими руководителями в 30-е — 40-е годы, не они это изобрели. За «извест» («жалобу» на помещика) сам же помещик и ссылал жалобщика на каторгу. Это мы уже подходим к XIX веку. Тогда-то и пошла карточная игра на крестьянина, обмен его на собак (вспомним у Грибоедова: «На них он выменил борзые три собаки»). Это тоже называется отсутствием самоунижения русской нации? В одном из журналов помещичьего

управителя (конец XVIII века) читаем: «Впредь Феклу Яковлеву именем и отчеством не звать никому, а звать ее трусихой и лживицей; а ежели кто именем и отчеством назовет, того сечь розгами, давая по пяти тысяч раз нещадно». Это об уважении к прекрасной славянке! И лет через сто Некрасов пишет о трех петлях, уготованных для русской женщины-крестьянки: «любую выбирай, в любую полезай». В обращении к вождям А. И. Солженицын обличает страстью и убедительно нынешнюю власть в небрежении к женщине, но ведь и это не она изобрела!

Обратимся к запискам Болотова: «Боясь, чтобы бездельника сего непомерным сечением не умертвить, вздумал я попытать над ним особое средство. Я велел скрутить ему руки и ноги и, бросив в натопленную жарко баню, накормить его насильно поболее соленою рыбью и приставить строгий к нему караул, не велев давать ему ни для чего пить и морить его до тех пор жаждою, пока он не скажет истины».

Мы не можем забыть, что было на архипелаге ГУЛАГ, но нет необходимости для этого забывать, что учителя голубых кантов воспитаны не только в большевистских школах. А что ученики превзошли по всем показателям учителей, тут уж никто с Александром Исаевичем спорить не станет.

Не буду говорить о положении русского человека в XIX веке. Об этом достаточно ярко рассказала русская литература, причем ни один маломальский значительный писатель не нарисовал той радужной картины, какую каким-то образом узрели в русской истории авторы сборника «Из-под глыб».

Любопытно, однако, что на страницы сборника нет-нет да и проникает правда, разрушающая его основную тенденцию: «Мы сумели на век или боль-

ше передержать немыслимое крепостное право — теперь уже большую часть своего народа содержа как рабов, не достойных звания человека». Совершенно невозможно увязать такие фразы с основной мыслью ряда статей — мыслью о некой единой русской нации. Если нация — личность (этому нехристианскому положению сборника я уделю еще внимание), то кто же содержал русский народ, «как рабов»? Сам себя?

Народное рабство существовало в России всегда, разумеется, в разных формах. Не большевики его выдумали. Другое дело, что путь, предложенный ими, не вывел Россию на дорогу правового и тем более нравственного прогресса.

Более того, ценность личности в России после 1917 года значительно понизилась, уменьшилась и степень безопасности человека.

Но христианин не занимается подсчетами, какая власть больше, а какая — меньше насилияет народ. «Все правительства равны по мере добра и зла», — записал у себя в дневнике Л. Н. Толстой. Разумеется, это не совсем точно, и человеку не безразлично, в каком государстве он живет: в олигархическом, тоталитарном или демократическом: чем меньше давление государства, тем меньше переносит христианин в своем служении Богу. Однако христианин никогда не будет обелять одно государство с тем, чтобы раскрыть преступность другого.

Нужно определено сказать: грабежи, насилия, ограничение свободы не придуманы Сталиным. Солженицыну хватает смелости мысли, чтобы вывести Сталина из Ленина (кстати, на это решился и В. Гроссман в романе «Все течет...»), но почему-то не достает духа признать, что Stalin — это продолжение дела и Ивана Грозного, и Петра, и Екатерины, и обоих Николаев, и... Нерона, и Ирода.

Вся история человечества — это история противостояния Бога и Кесаря, за которым — дьявол. И не дело христианского писателя, которым мы хотим видеть Солженицына, выступать адвокатом одних властей и прокурором других, как бы страшны ни были эти другие.

Позиция же Солженицына — логичное следствие подмены им понятия личности понятием нации, а понятия нация понятием государства.

Даже ущемление свободы личности, преследование интеллигентии за инакомыслие, запрещение свободного передвижения — явления не только 60-х годов XX века. Первые обыски за Самиздат делались и 300 и 200 лет тому назад: «вынимали» «латинские образа» и книги еще у князя Ивана Андреевича Хворостинского в 1616 году, и Радищева сослали за создание буквально «самиздата».

Не советская власть, а... Иван Грозный запретил свободный выезд из страны даже людям, верным властям. Вот что писал ему Курбский: «... затворил еси царство Русское, сиречь свободное естество человека, аки во адove твердыне; и кто бы из земли такоей поехал, по пророку из чужих земель, яко Иисус Сирахов глаголет: ты называешь того изменником, а если изымают на пределе (границе), ты қазнишь различными смертями». Это написано как будто сегодня.

Из «адовой твердыни» бежал Курбский, а Воин Афанасьевич Ордын-Нащокин был, говоря современным языком, «невозвращенцем».

Так что эмиграция началась тоже не сегодня. И в этом отношении авторы сборника, с их каким-то болезненным стремлением к обобщениям и «обратным общим местам», стараются доказать недоказуемое, что эмигрирующие «не связывают свою судьбу с ее (родины) судьбой», и задают патетиче-

ский вопрос: «... о каком же значительном их вкладе в русскую культуру может идти речь?» (из статьи Шафаревича).

Да, бежали из России разные люди: талантливый, но не очень нравственный, ставший действительно изменником Г. К. Котошихин, но и (уже в середине XIX века) благороднейший профессор В. С. Печерин, и великий русский мыслитель А. И. Герцен, а после 1917 года — И. А. Бунин, С. Рахманинов, Н. К. Метнер и уж не буду перечислять. Можно ли назвать незначительным вклад в национальную культуру таких эмигрантов, как Гюго, Гейне, Герцен, Бунин, Т. Манн?

Как видим, и в этом случае авторы сборника пристрастны, партийны, нетерпимы к личности.

В эмиграции, как правило, виновны не эмигранты, а власти. Отношение эмигрантов к России далеко не однозначно. И не всякий эмигрант дает русской культуре меньше, чем всякий остающийся. Позволю себе привести слова, сказанные одним из современных русских художников в КГБ, где, упрашивая остаться, его упрекнули в измене русской культуре. Он ответил: «У художника Россия всегда в груди; куда бы он ни поехал, он служит ей, а вот кому и чему служите вы здесь, в России?» Этим примером я, разумеется не хочу сказать, что оставшиеся больше или меньше приносят пользу русской культуре. Христианин выражает свое отношение не к совокупности людей, (в данном случае — к эмиграции), а к отдельной личности.

Человек сам отвечает перед Богом за все, и нет между ними посредников. А тот, кто хочет поставить между человеком и Богом какую-то совокупность людей или организацию, сходит с твердого христианского пути на топкую дорогу партийности.

Потому-то думается, что авторы сборника совершают значительный отход от христианства, когда создают, точнее восстанавливают, извлекают из-под глыб теорию нация-личность, отвергая тем самым христианское учение о личном спасении.

Пожалуй, первым русским мыслителем, который сформулировал положение о единстве нации как личности, был В. Г. Белинский. Он писал: «Что личность в отношении к идее человека, то народность к человечеству. Другими словами: народности суть личности человечества. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели остаться на стороне гуманистических космополитов».* («Русская литература» за 1846 год). Это кажется выдержанной из сборника «Из-под глыб». И сказано это Белинским в то время, когда он со свойственной ему страстью отстаивал идеи революции и социализма. Так что совмещение в одном лице славянофила и революционера встречается в русском общественном движении задолго до Сталина.

Белинский несколько погрешил против истины, приписав эту идею лишь славянофилам. Идея эта столько же славянофильская, сколько официозная, государственная. Народность как часть опоры власти фигурирует в знаменитой уваровской триореме «самодержавие, православие, народность».

Что же касается славянофилов и в чем-то близкого к ним Чаадаева, то надо сказать, что они без

* В. Борисов ссылается на Достоевского: «Нация есть ничего более, как народная личность». Но Достоевский заимствовал эту мысль у горячо любимого и ненавидимого им В. Г. Белинского..

фанатизма относились к этой идее, их взгляды на национальное единство были непоследовательными, противоречивыми, и в этом отношении составители сборника ушли далеко от них.

Вот Чаадаев пишет: «Народы в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы». Кажется, полное совпадение с позицией сборника «Из-под глыб» в этой вере в существование общих нравственных черт у людей, относящихся к одной нации. И вдруг в этом же первом «Философическом письме» Чаадаева читаем: «В наших головах нет решительно ничего общего, все в них индивидуально, и все шатко и неполно». Эта фраза напрочь зачеркивает предыдущую. Правда, это отсутствие национальной общности Чаадаев видит только у русских (кстати, за сто лет до авторов сборника, обвиняющих марксистов и «безрелигиозных интеллигентов» в разрушении этого единства именно после 1917 года). Если же вспомнить еще одно место из письма Чаадаева, где он апеллирует к личной ответственности («... теперь каждому важно знать, какое место отведено ему в общем призвании христиан, то есть какие средства он может найти в самом себе и вокруг себя, чтобы содействовать достижению цели, поставленной всему человечеству»), то можно определенно сказать, что идею ответственности нации перед Богом Чаадаев все же предпочитал идею личного спасения.

Даже у славянофилов можно найти сомнения в отношении единства нации как личности. А. С. Хомяков без восторга заявляет: «В русской истории права личности были не только оставлены без внимания, но и совершенно принесены в жертву общему строительству». К. С. Аксаков заметил (до 1917 года), что «и народ и правительство стоят

теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашивается мнение народа, но и всякий честный человек опасается говорить свое мнение».

Славянофильская точка зрения не совпадала с официальной. Славянофилы не принимали власти, а главное — разделяли власть Бога и власть кесаря. И ведь не может быть более заинтересованных сторонников «морально-политического единства», чем властители. Единым народом и управлять легче, и — в случае неудач — свалить ответственность на весь народ удобнее. Не усладит ли слух правителей призыв к всеобщему раскаянию всех русских за все содеянное властями?

Убеждение в вине русской измученной крестьянки и, скажем, сельского учителя за разбой русских войск в чужих землях или в вине нидерландских доярок и британских пастухов за колониальный грабеж — логическое следствие подстановки понятия государство под понятие нация и отрицания учения о личном спасении. В начале статьи «Раскаяние и самоограничение...» А. И. Солженицын называет государство «тысячной и миллионной ассоциацией». Он, так зорко видевший и ярко, до боли сердечной изобразивший в «Архипелаге» тупую машину отчужденной от человечности власти, жалеет, что изгнали из ООН гоминдановского представителя, ибо таким образом (!) «10 миллионов китайцев-тайванцев выкинули из человеческой семьи...» А ведь не 10 миллионов китайцев, а одного сомнительного представителя одного из сомнительных правительств на земле. А когда не был допущен в ООН представитель КНР — лучше было? И разве ООН — это человеческая семья? А не «семья» правительство? Какое дело христианину до безбожных политиков? Обличать? Да! Ни славянофилы, ни, разумеется, Тол-

стой не размышляли о том, какому самозванцу представлять народ. Когда во время русско-японской войны Толстого спросили, за кого он, за русских или японцев, он ответил, как и должен был ответить христианин: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительством (подчеркнуто мной — Г. А.) воевать против совести и собственного благосостояния». Толстому и в голову не могло прийти обвинять целый народ в грехе войны. А ведь о раскаянии Толстой писал много — но с раскаянием каждого человека за свои грехи. В «Войне и мире» Каратаев рассказывает о купце, попавшем на каторгу за чужое преступление. Веруя в Бога, сознавая свою греховность, купец несет страдание, и, когда открывается истинный виновник преступления, состарившийся на каторге купец говорит ему: «Бог тебе простит, а мы все... Богу грешны, я за свои грехи страдаю».

Призыв Солженицына к покаянию выходит из чистого источника христианства, а также из естественного отвращения к советской пропаганде, указывающей советскому народу на всякого рода виновников его бедствий — империалистов, сионистов и т. п. с тем, чтобы отвлечь подозрение от истинных виновников тех или иных бедствий или просто неудач в руководстве страной. Но следует ли, отводя выдуманных властью виновников, перекладывать на плечи всего народа вину за преступления власти?

Отрицание учения о личном спасении приводит Солженицына к тому, что он призывает Авеля покаяться за грех Каина.

А отсюда недалеко и до национализма, уж ничего общего не имеющего с христианством. Ужасает в статье Солженицына полное забвение заповеди прощения врагам своим: «Татарское иго над

Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды». Значит, не простим татарам? Значит, выселять крымских татар менее грешно, чем латышей и эстонцев?

Оперируя не понятием личности, а понятием нация (а нация и страна, нация и государство — для авторов сборника синонимы), Солженицын обвиняет и оправдывает целые народы: «Это Бог один может знать, это не нам судить, какая страна принесла больше всех зла». Что только Бог нам судья, — это верно. И было бы неплохо, если бы авторы сборника это всегда помнили, но зло то приносит не страна, а ее правители. Какие же правители принесли больше зла, пожалуй, можно определить и без Бога, но с Его помощью: то правительство, которое больше и чаще нарушило заповеди Христа, то и преступнее. И, думаю, что, скажем, Хрущев принес зла меньше, а добра больше, чем Сталин, хотя и Хрущев, как и все правители, преступал страшнее, чем любой частный человек, законы Бога. Да и взглянувшись в историю, можно без большого труда определить, что Нерон, Иван Грозный и Робеспьер, наверняка, все же большие преступники, чем, например, Марк Аврелий, Александр II или Линкольн.

Да, каждый человек виноват в каком-то соучастии в преступлениях властей. Но виноват он не перед своей нацией, не перед соседями, а только перед Богом. И, главное, — нельзя одним судом судить маршала, приказавшего танками давить чехословацкую свободу, и, скажем, какую-нибудь многодетную русскую крестьянку, у которой никто и не спрашивал, что она думает о путях развития социализма в Чехословакии, да ей и недосуг об этом думать. А Солженицын зовет всех русских людей, лишь потому что они русские, нести ответственность за все политические акции, осуществляемые в России и от имени России.

Когда Солженицын бросил пламенное слово «жить не по лжи», когда этот призыв мотивирует и поддерживает Шафаревич, они — христиане. Когда они связывают людей в разные совокупности — нации, государства, страны, — они политические деятели.

И уж совсем ничего общего с христианством не имеют рассуждения Солженицына о количестве орудий убийств, необходимых для защиты нации (страны, государства). «Да, разумеется, — пишет Солженицын, вообще склонный к проектам государственного переустройства, — силы защиты должны быть оставлены, но лишь подлинно *защиты*, но лишь соразмерно с угрозой».* Так ведь и советские руководители, да и все другие правители держат танки и ракеты лишь для защиты, вообще для мира.

А вот Л. Толстой, который не допускал применения оружия ни под каким видом, писал: «Насилие нельзя регулировать и употреблять только до известного предела. Если только допустить насилие — оно всегда перейдет границы, которые мы хотели бы установить для него» (письмо американцу, 1902 г.).

Лев Толстой был не одинок в своем отрицании нации и долга человека перед некоей национальной миссией. Такие религиозные мыслители, как, например, Бердяев и Карсавин,* ставили права личности выше прав нации и тем более государства.

* А если в этом планируемом Солженицыным государстве толстовцы и другие христиане не захотят взять оружие «защиты», для них банальная тюрьма, отлучение от «нации»?

* Странно, что Борисов, не удовлетворившись такими действительно его союзниками, как Достоевский, почему-то ссылается и на Карсавина, как на сторонника теории нация-личность.

Н. А. Бердяев на основе своего представления о христианстве, во многом выросшем из толстовства, создал еще задолго до Хайдеггера и Ясперса свою персоналистическую, или экзистенциальную философию, причем видел истоки ее еще у блаженного Августина, выдвинувшего концепцию «субъекта». По мысли Бердяева, «общество, нация, государство не являются личностями; человек как личность имеет большую ценность, чем они. Поэтому-то право человека и его долг — защищать свою духовную свободу против государства и общества. В жизни государства, нации, общества мы часто обнаруживаем темную демоническую силу, стремящуюся подчинить личность человека и превратить его просто в орудие для своих собственных целей» («Одиночество и общество»). Согласно Бердяеву, процесс объективизации и условные правила извращают совесть человека. Он справедливо утверждал, что «чистая, подлинная совесть может проявиться только в личности и через нее; все должно быть подчинено юрисдикции этой «экзистенциальной» совести, не испорченной объективированием» (там же).

Никак нельзя назвать Бердяева космополитом: вряд ли кто-либо больше сделал для исследования своеобразия «русской идеи». Он лишь, как и должно христианину, оставлял личность наедине с Богом, без посредничества совокупностей людей.

Крайнее недоверие к теории нации-личности питал и Л. Карсавин. Он категорически предпочитал идею христианскую идею национальной. Он писал: «Неизбежным следствием национального эгоизма является разъединенность или — «единение», пронизывающее все стороны жизни и отрицающее религиозно-общественный Христов идеал» («Достоевский и католичество» — подчеркнуто мной — Г. А.).

Столь же категоричен современный религиозный философ Левитин-Краснов: «... личность для христианина есть, нации для христианина — нет».

Так что серьезными союзниками наших авторов остаются, в сущности, атеист Белинский, мятущийся между верой в Бога и верой в Россию Достоевский, а также, к сожалению, создатели теории «официальной народности» С. С. Уваров и Н. Х. Бенкендорф и нынешние апологеты «морально-политического единства советского народа».

С недоверием относясь к разуму, тяготея к мистицизму, составители сборника и столь дорогое для них понятие нации определяют не научно, даже не логично, а чисто мистически. Солженицын пишет: «Между личностью и нацией сходство самое глубокое — в мистической нерукотворности и той и другой». Ему вторит Борисов: «Какие бы новые качества ни получил человек в переменчивых условиях своей жизни, в последних глубинах его сознания, в «прапамяти» (подчеркнуто мной — Г. А.) всегда хранится смутное представление о своем происхождении, о своем «первообразе». А ведь это чистый расизм, пусть не агрессивный (может быть, пока?), но мистический расизм: чем термин «прапамять» лучше термина «зов крови»?

Если в душе человека живет Бог — бесконечность и любовь — ОН связывает человека в соборный мир со всеми Божескими созданиями.

Толстой писал: «Ложное единение людей разбивается не другим таким же единением, а верностью отдельного человека Богу» («В чем моя вера»).

Может быть, и безобидно было бы утверждение национального единства, но идея эта неизбежно, всегда приводила к оправданию межнациональной вражды. Не убереглись от этой опасности и авторы сборника «Из-под глыб». Очень часто

они (например, Борисов) повторяют, что все народы равны перед Богом, однако, идя по этой благородной дороге, они часто спотыкаются. Так, Солженицын заявляет не больше и не меньше о врожденности национальных симпатий и антипатий (а, следовательно, и их оправданности). В действительности же национальные симпатии и антипатии воспитываются с помощью социальной педагогики. Это известно и атеистам, и христианам. Великолепно, без всякого мистического тумана раскрыл источники этнических предрассудков социолог И. Кон в статье, опубликованной в свое время в «Новом мире», а Лев Николаевич Толстой, который, думается, не хуже авторов сборника знал народ, утверждал, что никогда не видел у неиспорченного русского крестьянина какого-либо национального чувства.

Думается, нельзя абсолютно отрицать национальные чувства, нация как определенное единство существует, но, разумеется, никакого национального «прасознания», «праобраза» не существует.

Каждый человек рождается на какой-то земле, в каком-то племени. И с младенческих лет он усваивает сначала бессознательно, затем все более и более осознанно язык своего народа. Язык и остается тем главным, а может быть, и единственным, что безусловно объединяет человека с его народом. Язык — это единственно эмпирически познаваемая черта общности людей определенной нации, язык в широком смысле этого слова — язык звуков музыки, язык красок и линий, на котором говорит национальный художник, язык слова, на котором думают люди и с помощью которого создает образы своих творений поэт. Кроме языка, ничего нет универсального у людей, объединенных в нацию. Все остальные черты наций — или на-

тяжки, изобретенные социологами, или бессмыслица (вроде общей государственной территории), или миф (как, например, миф о единстве национального сознания). История частенько подшучивала над теми, кто безапелляционно определял особенности той или иной нации. Как, например, может быть воспринято определение русского народа, данное таким знатоком национальной проблематики, как К. С. Аксаков: «Русский народ... народ не государственный... не имеющий в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции». До чего же «точным» кажется это определение в XX веке, после того, как русский народ в течение лишь 17 лет участвовал в трех революциях и оказался запертым в таком государстве, каких мало знала история!

Чаадеев заявил, что русские «составляют пробел в нравственном миропорядке». Как будто не были русскими Ломоносов и Пушкин, о которых знал Чаадаев, и как будто можно представить себе историю человечества без Достоевского и Толстого, о которых Чаадаев не знал!

Удивительно «совпадают» взгляды тех, кто формулировал свое представление о русских. Хомяков писал, что русские — прирожденные христиане, ставшие таковыми чуть ли не до прихода христианства на Русь, а Белинский советовал Гоголю: «Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ».

Вот к чему приводит мифотворчество! Конечно же, среди русских людей были и революционеры, и консерваторы, и сторонники крепкой государственности, и ее противники, и глубоко верующие, и атеисты — и все это в очень незначительной степени было связано с их национальностью.

Националистическое мифотворчество господствует в сборнике «Из-под глыб». Особенно отчетливо оно выражено в статье Ф. Корсакова, который идентифицирует понятия Россия и истина, и в предисловии к сборнику, написанному И. Шафаревичем, утверждающим, что существует смысл существования целого народа!

Все это не имеет ничего общего с христианством, да и не соответствует истине, если, разумеется, верить в истину, а не в мистические «прачувства» или в таинственную правду, которая, по словам Корсакова, «все равно записана» (только неясно, как, ком и где).

Толстой не учил людей не любить Родину, хотя ему, вероятно, и была бы близка мысль, выраженная Суами Вивиканандой: «Работайте, как будто вы чужие люди в этой стране, пришедшие сюда только на время, работайте, но ничем не связывайте себя; всякое иго ужасно» («Карма-Иога»). Любовь человека к своей нации — чувство. И, как всякое чувство, может толкнуть человека как на хорошие, так и на дурные поступки. Есть только одно чувство — любовь к Богу, — которое не может человека подвигнуть на злое дело. Именно потому во всем Священном писании невозможно найти призыва к слиянию людей в какие-нибудь совокупности, классы, партии. Как любовь к женщине, любовь к своим детям, так и любовь к своей нации есть для христианина соблазн, который может отвлечь человека от служения Богу. Напомню, Христос сказал: «Кто любит отца или мать более Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более Меня, не достоин Меня» (Мф. X, 36—37). Здесь нет призыва не любить отца, мать, сына, дочь. Здесь сказано, что любовь к Богу превыше всякой любви. Быть верным отцу, матери, своему народу — ничего в этом нет ни хорошего, ни пло-

хого. Еажно лишь одно — верен ли ты при этом Богу.

Вся жизнь человека есть движение к Богу (или от Него). Истина в движении к Богу. Тот, кто отвлекает людей от служения Богу и требует служения чему-нибудь иному, например нации, тот распространяет какую-угодно, но только не христианскую религию.

Любовь к своей нации — эпизод в жизни дви-гающегося к Богу человека. В искусстве гениаль-ным изображением этого движения стали искания князя Андрея в «Войне и мире». Путь князя Андрея: от служения себе (наполеонизм) — через служение близким (жизнь в Лысых Горах) — через служение государству (работа в комиссии Сперанского) — че-рез служение Родине (война 1812 года) к Богу — это восхождение от безбожного индивидуализма к рас-творению в Боге. Каждый этап развития кн. Анд-рея приближает его к Богу, и, конечно же, слу-жение Родине выше служения своему честолюбию, а следовательно, и больше приближает человека к Богу, но исключительное служение Родине — это не религия Христа, а лишь более привлекательная религия, чём религия служения самому себе.

Иисус сказал: «...поверь Мне, что настанет время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будут поклоняться Отцу... Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истинно, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. IV, 21, 23). Любовь к Богу выбирает в себя и любовь к отцу и матери, и к жене и к сыну, и к Родине, но выше и важнее их.

Всякий раз когда человек призывает что-то сделать для Родины, он — если он христианин — ставит себе вопрос: этот мой поступок на пользу Родине не идет ли в разрез с тем, что требует от

меня Бог? И уж во всяком случае не считает, как Корсаков, что Родина его и есть истина, то есть Бог.

Но служа Богу, мы служим, в конечном счете, и Родине. Христианин спасает свою душу, не думая о том, как это отразится на каких-либо совокупностях людей. Человек служит людям не прямо, а через Бога — это важнейшая мысль в учении Толстого. Если я буду жить по-Божьи, ты будешь жить по-Божьи, он будет жить по-Божьи, установится Царство Божье на земле, а, следовательно, и на твоей Родине. К тому же, как служить Богу, известно из Евангелия, а как служить нации, все идеологи учат по-разному. В одном из писем Л. Толстой писал: «Цель, которую ставит перед людьми христианство, не есть благо той или иной совокупности людей, достигаемое исполнением воли и законов совокупности, но высшее благо всех людей и всего мира, достигаемое исполнением воли закона Бога» (1895 г.).

■

Для авторов сборника «Из-под глыб» православная церковь, наряду с русской государственностью и народностью, — важнейший столп, на котором поконится их вера.

Я никак не могу допустить, что авторы сборника не знакомы с темными сторонами истории церкви. Более того, уверен, что они лучше меня знают эту историю. Эта моя уверенность основывается на том, что в сборнике нет-нет да и всплывут факты этой истории. Если собрать все, что сказали отрицательного о церкви составители сборника, да еще и привести факты из письма Солженицына патриарху Пимену, неизбежно прийдешь к выводу, что авторы сборника не слепы. Особенно откро-

венен Барабанов: «... сохраняя научную беспристрастность перед обольщением прошлых эпох с их величественными опытами теократических царств и церковно-государственных симфоний, разве не будем мы вынуждены признать, что и в Византии, и в России представление о Царстве Божьем и царстве Кесаря слишком часто смешивались, подменялись друг другом?»

А какое резкое и, безусловно, справедливое обвинение бросает церкви сам Солженицын: «Церковь, к моменту революции весьма одряхлевшая и разложенная, быть может, из первых виновниц русского падения»!

Вся история церкви — до последних лет — это история бичевания инаковерующих, отлучения христиан, верящих иначе, чем церковные иерархи. Отлучен был Толстой, теперь преследуются церковью Эшлиман и Якунин, сослан в монастырь Ермоген Калужский; патриарх не изволит отвечать двенадцати вятым (факты из письма Солженицына патриарху Пимену). Точно так же исключены из партии марксисты Григоренко, Р. Медведев, точно так же ЦК не отвечал на письма тех коммунистов, которые хотели очистить свою партию от грехов.

Р. Медведев, Григоренко и другие коммунисты-ленинцы даже смелее, последовательнее в критике своей церкви... то бишь партии. У них нет той безоглядной мистической веры в обанкротившуюся партию, которой проникнуты все статьи сборника «Из-под глыб».

«Именно православие только одно и истинно», — пишет Ф. Корсаков, лишь только этой фразой отлучая от Бога миллионы и миллионы буддистов, мусульман и иудеев, а также и миллионы неправославных христиан. А почему, собственно, только православие («генеральная линия партии») истин-

но? Чем это можно доказать? Да ничем: «...именно невозможностью логического определения этой реальности — ее тайной, и определяется невозможность для русского человека вырвать себя из нее и ее из себя». Здесь уж и русские-то люди не все признаются русскими: ведь допускает, вероятно, Корсаков, что теперь, мягко говоря, не все русские люди считают «невозможным вырвать себя» из церкви.

«Если только православная церковь истинная и если истинность эта не доказывается, а познается мистически, — я предпочитаю атеизм с его пусть и не всегда убедительной, но все же логикой», — наверное, скажет не один русский человек, прочитав сборник «Из-под глыб» — и христианство потеряет еще сотни ищущих Бога людей.

Не задумывались ли авторы сборника над тем, кого и почему Ленин считал более опасным для атеизма — православного священника или Толстого? Напомню место из статьи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции», где Ленин обвиняет великого христианина в проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, а именно: религии», в стремлении «поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению», то есть в культивировании «самой утонченной, а потому особенно омерзительной поповщины». И семь статей направляет Ленин против учения Толстого, ибо он полагал, что не православные иерархи, а Толстой может отвлечь русский народ от революции. Отцы же церкви лишь толкают русский народ в объятия революционеров (впрочем, это видел и Бердяев, это видит и Солженицын).

И вот теперь вновь отлучается Толстой от веры. Дело это совершают Ф. Корсаков, который не может считать Толстого христианином из-за того, что

тот подверг критическому разбору, а затем отрицанию Воплощение, Воскресение, первородный грех и искупление, таинства.

Не о подобных ли людях писал Бердяев: «Крайние ортодоксы ненавидят и отвергают Толстого потому, что он был отлучен Синодом от церкви. Большой вопрос, можно ли признать Синод органом церкви Христовой и не был ли он скорее органом кесаря. Отказаться от Льва Толстого значило отказаться от русского гения, в конце концов, отказаться от русского призвания в мире»* («Русская идея»).

Антитолстовская направленность сборника — также следствие того, что авторы его не всегда разборчивы в своей деятельности по извлечению из-под глыб некоторых явлений прошлого. Они заставляют вспомнить печальную страницу из истории православной церкви.

Позволю себе привести выдержки из определения Святейшего Синода от 20—22 февраля 1901 года за № 557: «... граф Толстой проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного живого Бога, во святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа-Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего — нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых; отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает

* Философия Бердяева не во всем совпадает с толстовством, но Н. А. Бердяев не партийный, а религиозный мыслитель, понимал величайшую роль Толстого в распространении религиозного сознания в России (см. эпиграф к статье).

загробной жизни и мировоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа, и ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию».

Все здесь верно, кроме, пожалуй, клейма фанатика: фанатиками были как раз те, кто все это написал, а не Толстой. Зато очень знаменательно другое. Авторы этого определения за № 557 перечислили все прегрешения Толстого против догматов православной церкви и ни одним фактом не доказали (недоказуемое), где же Толстой ниспревергает, как они пишут, «самую сущность веры христианской», чем и подтвердили, что для них в догматах-то весь закон и пророки.

И такой подход к религии — нападая на Толстого — хотят извлечь из-под глыб авторы сборника.

Интересно рассмотреть, как изменяется стилистика сборника в зависимости от того, о каких явлениях трактует статья. Когда авторы обращаются к современной ситуации в России, когда обличают марксистов, их язык точен, фразы ясны, отсутствуют метафоры и аллегории.. Как только речь заходит о религии, стиль статей становится загадочно метафорическим, реалистический пласт снимается и начинает торжествовать стиль мистического романтизма. Вот, например, Ф. Корсаков приводит цитату из П. Флоренского: «По мере приближения конца истории являются на маковках Святой Церкви новые, доселе невиданные розовые лучи грядущего». Ясно, что все это метафора. Но Ф. Корсаков не хотел бы, чтобы мы восприняли этот образ как метафору, и объясняет нам: «Сказанное здесь отцом Павлом, разумеется (!), не метафора и не образ (!!), но свидетельство русского

гения, запечатлевшего в своих творениях увиденную им реальность». Ни Толстой, ни такие религиозные философы, как Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, С. Булгаков не изъяснялись таким языком. И суть-то не в языке,¹ не в стиле, а в самом понимании религии. Если для Толстого религия — дело важное для каждого человека, и, следовательно, не должна быть облачена в загадочные, мистические формы, а язык ее не должен быть языком авгуротов, то для авторов сборника христианство — это набор таинств, это запредельный мир, недоступный разуму обычного человека.

Толстой же показал, что главное в христианской религии — не обряды, не просительные молитвы, не мистические верования, а сознание, четкое сознание ответственности человека перед тем духовным, бесконечным началом, началом любви, которое и есть — Бог. Такое понимание религии привлечет к ней миллионы и миллионы людей XX века, которые хотят жить не для ограниченного плотского «я», а для внесения в мир света.

С тех пор как возникли первые христианские общины и до нашего времени так и не возникло единого учения Христа, которое бы объединило всех, клянущихся Его именем. В мире, где атеизм преследовался и безусловно отрицался (пусть только на словах), разобщенность христиан не грозила уничтожением вообще религии.

В наше время, когда люди считают вполне естественным быть атеистами, споры о христианстве пагубны: они убеждают безбожников в том, что религиозные учения столь же бездоказательны, как партийно-идеологические.

Мир, а следовательно, и Россия — может быть

спасен, только если все верующие объединятся в своей борьбе с атеизмом (в толстовском понимании этого слова). Надо четко представить себе что разъединяет верующих, и отказаться от этого. Надо четко представить себе, что их объединяет, и отстаивать это. Всем христианам ясно (и тому свидетельство — история), что ереси возникали из-за толкования Священного писания, из-за отношения к Священному преданию, из-за обрядов, из-за различных взглядов на церковную организацию. Так вот для спасения христианства — и мира — нужно всем верующим, пусть не отказываясь от своих воззрений и на Церковь и на обряды, отказаться от гордыни, от уверенности, что только твое понимание веры — истинное.

А объединиться надо вокруг того, с чем согласны все верующие.

Учение Толстого, как мне кажется, и есть та основа, на которой возможно такое единение, ибо религии Толстого совершенно чужда партийная ортодоксия, сектантская нетерпимость.

Н. А. Бердяев, который не был безусловным сторонником религии Толстого, все же, сравнивая Толстого с Достоевским, утверждал: «Он (Толстой) был пробудителем религиозности в обществе религиозно-индифферентном или враждебном христианству. Он вызвал искание смысла жизни. Достоевский имел влияние на сравнительно небольшой круг интеллигенции, на души более усложненные. Толстой, как религиозный нравственный проповедник, имел влияние на более широкий круг, он захватывал и народные слои» («Русская идея»).

Нужно извлечь из-под глыб учение Толстого. Авторы сборника правы в своем гневе против разрушения храмов, в своем страдании из-за невозможности в России раздобыть Священное писание. Но ведь и религиозные труды Л. Толстого фактически

под запретом: за 57 лет советской власти они полностью изданы всего один раз — меньше, чем Священное писание. Священное писание в России издается патриаршеством, и за это — поклон ему. А Толстой, отлученный от церкви Синодом и от философии — Лениным, завален глыбами потяжелее, чем те, которыми завалено Священное писание. И не гоже на его учение наваливать еще один камень, что сделали авторы сборника «Из-под глыб».

Для Толстого в христианстве главным было не слово: «Господи! Господи!» — а дело, угодное Богу.

Нет сейчас дела, более важного для России, чем моральная революция, к которой призвал А. И. Солженицын. Готовы участвовать в ней и православные, и неправославные христиане, и гуманистическая интеллигенция, считающая себя нерелигиозной, и сторонники демократического социализма, и противники социалистической организации производства, и живущие в России борцы, и эмигрирующие из нее, может быть, более слабые, чем они, люди.

Но все эти группы и группки, отличающиеся друг от друга тем, на что и кому они молятся, едины в своем понимании той беды, которая грозит России и миру. И едины они в том, что не Маммоне служат они, а Богу, готовы пострадать за правду, за того Бога- любовь, Бога- свободу, Бога- духа, которого прояснил для нас Лев Толстой.

Так давайте же послушаем его: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать то же самое».

(Л. Н. Толстой, «Война и мир»)

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И «ОБРАЗОВАНЦЫ»

обзор

Анкета после победы идей А. И. Солженицына в России: «Вопрос № 1. Чем вы занимались до нравственной революции?»

Московский анекдот

По существу, спор А. И. Солженицына с идеологами «образованщины» есть спор о русской истории, спор о переосмыслении исторического наследия — здесь извечное русское «что делать?» смыкается и переплетается со столь же давним, герценовским «кто виноват?». Самый простой, самый понятный аспект этого спора — национальный. Для иллюстрации достаточно сопоставить следующие 3 цитаты:

1. «... большевизм — не татарское иго, не варяжское нашествие: революцию делали не одни евреи. Поэтому коммунистическая власть есть не внешняя сила, но органическое порождение русской жизни, средоточие всей скверны русской души, всего грехового народа русской истории, который нельзя механически отрезать и бросить»¹
2. «В почвенничестве мелькают несколько идей, с которыми я совершенно согласен. Я вполне понимаю Л. О., сказавшую, что Колыму ее тревожит гораздо больше Освенцима, и не отказываюсь от своей доли

¹ N. N., «Metanoia», «Вестник РСХД» № 97, 1970, стр. 6.

стыда, от своей доли национального позора... То, что я отвергаю, это только поиски вредителя в другом, в инородческом и иноверческом микробе. Я убежден, что с этого начинается авторитарное мышление, черная сотня, фашизм».²

3. «...а с какой же почвы можно бороться с отечественными пороками? — с интернациональной? Эту борьбу — латышскими штыками и мадьярскими пистолетами мы уже испытали своими ребрами и затылками, спасибо!».³

Цитаты, подобные двум первым, можно найти и у других оппонентов А. И. Солженицына: у В. Горского,⁴ М. Челнова.⁵

Сегодняшние проблемы России Г. Померанц пытается объяснить с точки зрения ее истории. В его работе «Сны земли» (Часть I, «Духовное ядро») речь идет о периоде борьбы Московского княжества (а впоследствии и Московского царства) с Золотой ордой. По мнению автора, Великие князья Московские явились лишь продолжателями и наследниками татарских ханов, «освободившееся от татар Московское государство решительно повернуло на татарский путь развития (так же как Сталин, победив Гитлера, стал подражать своему разбитому врагу)».⁶

С этим связывается и упадок в XVI—XVII вв. русской иконописи: ангелы Дионисия не смогли

² Г. Померанц, «Неопубликованное», «Посев», 1972, стр. 327.

³ А. Солженицын, «Образованщина». В кн.: «Из-под глыб», «YMCA-Press», 1974, стр. 247.

⁴ См. «Вестник РСХД» № 97, стр. 51.

⁵ Там же, стр. 76.

⁶ См. «Архив Самиздата» № 531, стр. 13.

смягчить жестокий нрав Ивана Грозного — но исчезла вера в конечное торжество Духа над злом. И — далее, в хорошо знакомую нам современность:

«Одаренные благодатью бежали внутренне, в Православие, раздвигая духовные возможности русской культуры, создавая святыни, которыми государство, по мере надобности, пользовалось. А масса покорялась, и в ней складывались те черты русского характера, которые вдохновили Маркса на одну из самых злых его характеристик: «Соединение славянской психологии раба и татарской психологии всемирного завоевателя».

Под ордынским, а потом под царским и крепостным гнетом началось и христианское смирение, связанное с внутренней силой и достоинством, и холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью. И весь комплекс унижения паче гордости перед иностранцами, и отношение власти к народу как к хамову племени, и отношение народа к власти, как к оккупантам, которых, по возможности, надо обмануть, у которых, при каждом удобном случае, надо украсть — пока нападение извне ни объединит, на короткое время, всех православных. Все это в московское время отвердело, окостенело и дало дополнительный аргумент в пользу кнута: с нашим народом иначе нельзя!»⁷

Продолжение мысли Г. Померанца мы находим в статье В. Горского «Русский мессианизм и новое национальное сознание»:

«Неудивительно... что народ с психологией

⁷ Там же, стр. 15.

раба желает рабства другому народу. К этому следует прибавить и «дурную наследственность», ибо советский империализм есть порождение не только коммунистического режима, но и традиционного мессианского сознания, уходящего корнями в глубокое прошлое. Русский коммунистический империализм — трансформация этого сознания. Революция, а затем Отечественная война с Герmaniей, самим фактом своей победы развили мощное национальное чувство. Создалось некое подобие исторической перспективы, в которой новое объединилось с прошлым, Россия дореволюционная с Россией советской, Освобождение от татарского ига, возвышение Москвы, государственное дело Петра и колониальная политика царской России — все приобрело новый смысл в свете революционных завоеваний, стало утверждением непрерывности исторического пути России. Прошлое нашло свое оправдание в настоящем, настоящее — в прошлом. Национал-мессиансское сознание обрело новое руслоб: православный крест над Царьградом предстал как несовершенный прообраз будущей пятиконечной звезды над всем миром».⁸

Итак, «образованщина» видит все зло в исторически сложившемся русском национальном характере. Тогда как по мнению А. Солженицына, русский народ был развернут русской интеллигенцией:

«... 5 миллионов трудоохотливых здравых семей вместе с грудными детьми посланы умирать в зимней дороге или по прибытии в тундру. (И наша интеллигенция не дрогнула,

⁸ «Вестник РСХД» № 97, стр. 61.

не вскрикнула, а передовая часть ее даже и сама выгнала. Вот тогда она и кончила быть, интеллигенция, в 1930-м году, и за тот ли миг должен народ просить у нее прощения?) . . . репродукторы докончили работу: они выбили из голов все индивидуальное и все фольклорное, натолкали штампованный, растоптали и замусорили русский язык, нагудели бездарных пустых песен (сочиняла их интеллигенция) . . . Еще наслали лакомством для сельской юности серятину глупеньких фильмов (интеллигент: «надо выпустить, будут большие тиражные»), да то же затолкано и в школьные учебники, да то же и в книгах повзрослей (а кто писал их, не знаете?)».⁹

Собственно говоря, и оппоненты А. Солженицына не идеализируют интеллигенцию как класс. Так, например, упоминаемая им статья О. Алтаева «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура»¹⁰ показалась излишне суровой неизвестному самиздатскому автору. Действительно, уж Алтаев-то клеймит русскую интеллигенцию, начиная чуть ли не со времен Петровских реформ и кончая временами, еще не наступившими. Что, кстати, и дало повод неизвестному самиздатскому автору заподозрить О. Алтаева в «религиозных или монархических установках». И — возразить О. Алтаеву:

« . . . кто бы ни держал в руках власть — революционный ли интеллигент Ленин или демократический интеллигент Керенский, или монархический интеллигент Колчак, окончательный выбор в пользу той или иной власти сделан народными низами — и не в спорах

⁹ См. «Из-под глыб», стр. 249.

¹⁰ См. АС № 897.

интеллигентов (к сожалению), а на полях гражданской войны — крестьянами и рабочими России. Это так же ясно, как и то, что последующая сталинщина — в основном, не вина, а беда интеллигенции, а уж если вина — то не исключительно интеллигенции, а всего народа, молчаливо терпящего власть».¹¹

Но именно «это» как раз, как выяснилось, и не ясно. Получается, что спор о том, кто захватил и удержал власть в стране с двухсотмиллионным населением, выиграв Гражданскую войну и победив т. н. «иностранные интервенции», как-то вдруг превратился в спор об информации. По мнению О. Алтаева, во всем виновата интеллигенция (другое дело, что судит он ее как бы изнутри, и через все неверие и отчаяние чувствуется, что русская интеллигенция для О. Алтаева все равно — своя). Солженицын же говорит об «интернациональных силах революции»: «... в продовольственном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось — почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, и австрийцы... аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами...». Короче говоря: «... большевистская власть в острые ранние периоды удерживалась на перевесе именно иностранных штыков, особенно латышских».¹² Что касается поляков, то, вроде, получается, что и в Польше о ту пору была гражданская война: с одной стороны Феликс Эдмундович Дзержинский, с другой — молодое Польское государство, польская армия во главе с маршалом Пилсудским. Об этой вот войне А. И. Солженицын пишет:

«У нас в школах учат (чтобы было страшней), что это был «Третий поход Антанты», и что

¹¹ См. АС № 1131, стр. 5.

¹² См. «Из-под глыб», стр. 135.

Польша координировалась с белыми генералами, дабы восстановить царизм. Вздор, это было самостоятельное действие Польши, переждавшей разгром всех главных белых сил, чтобы не быть с ними в невольном союзе, а самостоятельно грабить и кромсать Россию в ее наиболее истерзанный момент». ¹³

Тут опять-таки спор об информации. В том же издательстве «YMCA-Press» 20 с лишним лет тому назад были опубликованы воспоминания З. Гиппиус, где целый раздел озаглавлен: «Польша 20-го года». В своем дневнике автор цитирует «знаменитый приказ Пилсудского по армии» от 5 июля 1920 г.:

«Сражаясь за свободы свою и чужую, мы ныне сражаемся не с русским народом, а с порядком, который, признав законом террор, уничтожил все свободы и довел свою страну до голода и разоренья». ¹⁴

И далее З. Гиппиус комментирует:

«Молодец Пилсудский! Без объявления такого «приказа» ни одно иностранное государство не может вступать в борьбу с большевиками — рядом с русскими войсками». (Курсив мой — Ю. В.).

Более того, Гиппиус называет на стр. 279—280 фамилию белого генерала, союзника поляков, которого (по Солженицыну) не то не было, не то не должно было быть — Глазенап. И еще массу русских фамилий, из которых самая знаменитая — Б. Савинков (если не говорить уже о самих Мережковских . . .).

¹³ Там же, стр. 140.

¹⁴ См. З. Гиппиус-Мережковская, «Дмитрий Мережковский», «YMCA-Press», Париж, 1951, стр. 282—283.

Однако получается, что «национальный» и «социальный» аспекты спора Солженицына с «образованцами» так переплетаются, что мы поминутно вынуждены перескакивать с одного аспекта на другой. А это потому, что ведь именно в национальном — сущность спора. Ведь «образованщина» «образованщину» не защищает. И более того — сам термин этот в самиздате не нов: его мы встречаем у упоминаемого Солженицыным Л. Венцова (он же А. Сугробов, оба — псевдонимы Бориса Шрагина).¹⁵ Кстати, авторов, публикующихся в Самиздате под псевдонимами, Солженицын презирает, анонимистика даже и «за человека не держит»: «аноним за половину», да вот из всех приведенных им анонимов расшифрован один — и выясняется странная закономерность: оказывается — псевдонимами Б. И. Шрагин всегда подписывал «теоретические статьи», зато своей фамилией — протесты против беззаконий.¹⁶ Так что, может быть, не исключено, что и два «из-под глыбовских» анонимов (А. Б. и Ф. Корсаков) окажутся людьми, известными нам по «Хронике текущих событий».

Даже у Г. С. Померанца, главного идеолога «образованщины», отношение к этой «социальной прослойке» сложное. Зато излагает он это, кажется, общее для всех «интеллектократов» отношение наиболее отчетливо:

«... я рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша. Интеллигенция, как и все человечество, не избежала первородного греха; и умственное развитие само по себе только увеличивает способность к злу.

¹⁵ См. АС № 1641, стр. 25.

¹⁶ См. АС №№ 1, 15, 1584, 1602, а также статью Шабада в газ. «Нью-Йорк Таймс», 15 сентября 1973. АС № 1602 — письмо Б. Шрагина в защиту книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг».

Но только интеллигенция способна ориентироваться в нынешнем сложном обществе. Святая простота не разберется в обстановке и опять принесет «вязанку дров, как лепту, на костер». Мой избранный народ плох. Я это знаю. Но у меня, как у Иеговы, нет выбора: остальные еще хуже».¹⁷

Тут опять — очень сложная мысль, которую можно прокомментировать только при помощи очень длинной цитаты:

«В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной, островки снега в глухих углах леса. Есть еще углы, где можно записать вологодский свадебный обряд, где доживает свой век старуха Матрена и реабилитированный Иван Денисович. Но народа как великой исторической силы, станового хребта культуры, как источника вдохновения для Пушкина и Гоголя — больше нет.

Пролетариат городской и сельский заменил народ в политической жизни, но не в духовной жизни общества. После всех попыток Пролеткульта, пролетарского искусства и великой пролетарской культурной революции в Китае от рабочего уже ничего и не ждут в этой области. К нему обращаются только тогда, когда надо посеять очередного интеллигента. И тогда газеты печатают интервью: «Я не читал Пастернака, но...». Или двоечников, срезавшихся на экзаменах, вводят в университет, чтобы бить студентов — как в Варшаве».¹⁸

¹⁷ Г. Померанц, «Неопубликованное», стр. 151. Цитата в тексте — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Гус на костре».

¹⁸ Там же, стр. 125—126.

Сам Солженицын с этим положением статьи Померанца и не спорит. Только «вступается» за народ: «как же народу было сохраниться?» (но и Померанц народ не винит в том, что не сохранился, — а констатирует факт). Потому и обращается Солженицын к кому угодно, только не к народу: и к академику Сахарову, и к вождям Советского Союза, и к патриарху Пимену, и к Митрополиту Филарету, бывало — что и к Съезду советских писателей, и к интеллигенции (собственно, статья «Образованщина» и есть обращение к интеллигенции, как и другая — «Жить не по лжи»). Только не к народу. Лучше — к русской нации в целом («Раскаяние и самоограничение»).

Тема «раскаяния и самоограничения» в Самиздате совершенно неисчерпаема. Остается только процитировать нескольких авторов. Начинаем с анонима (с которым полемизирует А. Солженицын):

«Россией принесено в мир зла больше, чем любой другой страной, и вернуться к добреховному состоянию (которого в русской истории не было) нельзя. Можно лишь возродиться через покаяние».¹⁹

С ним же спорит и другой самиздатский писатель, Геннадий Шиманов, автор открытого письма Н. А. Струве, редактору журнала «Вестник РСХД» (Н. А. Струве, который, кстати, по совместительству является главой издательства «YMCA-Press», где вышел сборник «Из-под глыб», от публикации письма Г. Шиманова воздержался):

«Конечно, russkimi принесено в этот мир много зла, — признаем это. Думаем, что не меньше принесено и другими народами. Но чтобы

¹⁹ См. «Вестник РСХД» № 97, стр. 6.

праведно все рассудить, надо быть на самом деле всеведущим Богом. И потому, не подождать ли с окончательными оценками до Его суда, который откроет нам полную правду о всяком народе?.. Так ставить вопрос представляется нам разумным, а так, как его ставят ненавистники русского народа, совершенно безумным. Не говоря уже о том, что само непосредственное чувство справедливости, не пораженное изначальной ненавистью к России, вопиет против этой явной ХУЛЫ на русский народ — злобной и ослепительно попирающей саму очевидную правду».²⁰

А. И. Солженицын:

«Не станем говорить, что Россией принесено в мир мало зла. А — так называемая Великая французская революция и, стало быть, Франция, принесли зла — меньше? Это — подсчитано? А Третий Рейх? а марксизм сам по себе? уж даже если ни о ком другом... Это Бог один может знать, это не нам судить, какая страна принесла больше всех зла».²¹

Однако, если Г. Шиманов считает, что России каяться незачем («не нам судить отцов наших»), то Солженицын призывает все народы ко взаимному покаянию. При этом, единицам достаточно покаяться за грех своего государства (как Герцену — за подавление Польского восстания), а нации должны каяться за грехи отдельных своих представителей. И еще: каяться положено строго дифференцированно, ибо:

«... острота раскаяния как личного, так и национального очень зависит от встречной ви-

²⁰ См. АС № 1132, стр. 6.

²¹ «Из-под глыб», стр. 132.

ны. Если обиженный нами обидел когда-то и нас — наша вина не так надрывна, та встречающая вина всегда бросает ослабляющую тень. Татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды. Вина перед эстонцами и литовцами всегда больней, стыдней, чем перед латышами или венграми, чьи винтовки довольно погрехотали и в подвалах ЧК и на задворках русских деревень. (Отвергаю непременные здесь возгласы: «так это *не те!* нельзя же с одних — на других!...» И мы — *не те*. А отвечаем все за всё)».²²

У В. Горского тема покаяния тоже проскальзывает:

«Покаяние — единственный путь к рождению нового сознания, на основе которого должна строиться наша жизнь и национальное самосознание».²³

Но на покаянии как таковом В. Горский не останавливается. Вопрос еще — в чем каяться:

«Преодоление национал-мессианского сознания — первоочередная задача России. Россия не сможет избавиться от деспотизма до тех пор, пока не откажется от идеи национального величия. Поэтому не «национальное возрождение», а борьба за Свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего. Новое национальное сознание должно исходить... из духовной жажды свободы, которая коренится в универсализме христианского мироощущения».²⁴

²² Там же, стр. 141.

²³ «Вестник РСХД» № 97, стр. 64.

²⁴ Там же, стр. 61.

Взаимоотношениям «национального возрождения» и свободы посвящена не упомянутая А. Солженицыным статья Владимира Гусарова «Слово о свободе», написанная в ответ на знаменитый манифест «русских патриотов» «Слово нации».²⁵ Нам кажется, что мнение В. Гусарова имеет прямое отношение к данной дискуссии и не менее любого другого имеет право на существование:

«Есть точка зрения, что не следовало добивать самодержавия, которое закрывало газеты, распускало Думы, арестовывало инакомыслящих, но так до конца и недозакрывало, недораспускало, недоарестовывало.

Я не хочу задумываться об этом — рассуждениями делу не поможешь, но когда предлагаю вернуться к сильному, деспотическому, сословному монархизму — с этим не соглашусь: какая мне разница, кто меня замучает — люди с нательными крестиками или с партбилетами . . .

... если же века борьбы за свободу, начиная от Никиты Пустосвята и Аввакума до Григоренко и Солженицына, окажутся бесплодными, то не нужно никакой России — ни сильной, ни слабой. Не нужна и сама жизнь».²⁶

Но сам Солженицын, как выяснилось, участником этой борьбы себя не считает:

«Мы рождаемся уже существами с внутреннею свободой, свободой воли, свободой выбора, главная часть свободы дана нам уже в рождении. Свобода же внешняя, общественная — очень желательна для нашего неиска-

²⁵ См. АС № 590.

²⁶ См. АС № 688, стр. 2—3, 6.

женного развития, но не больше, как условие, как среда, считать ее целью нашего существования — бессмыслица».²⁷

То есть внешняя свобода, конечно, не цель, но, в общем, не мешает. Однако основное разногласие Солженицына с его оппонентами в вопросе о роли культуры.

Вот в чем положительная платформа Л. Венцова (Шрагина):

«Пока не будет в полную меру осознано, что культура может быть не только средством, но и целью, пока не будет до конца осмыслена самоценность духа и духовной жизни, пока мы не поймем, что социальные обстоятельства приходят и уходят, а достижения человеческого свободного творчества остаются, что грубая физическая сила бессильна против истины, справедливости и красоты, наша собственная среда останется очень далека от идеала, даже от нормы».²⁸

Для Г. Померанца «выход в том, чтобы сделать каждого человека законченным интеллигентом».²⁹

Солженицын же по данному вопросу придерживается мнения совершенно противоположного. С одной стороны, фундаментальный тезис разбираемой статьи: «... потеря в образовании — не главная потеря в жизни»³⁰ — казалось бы, действительно с трудом поддается опровержению, однако в связи с этим почему-то забывают, что слова «образование» и «культура» — отнюдь не синонимы. С другой стороны, именно подмена этих понятий одно на другое и позволила Солженицыну

²⁷ «Из-под глыб», стр. 25.

²⁸ См. АС № 497, стр. 9.

²⁹ См. АС № 416, стр. 20.

³⁰ «Из-под глыб», стр. 259.

выработать свою альтернативу предложениям Шрагина и Померанца. При этом кандидатом на должность класса-гегемона в грядущих преобразованиях вместо «образованчины» выдвигается — «ядро, воспитанное не столько в библиотеках, сколько в нравственных испытаниях». ³¹

Для начала ядру-гегемону предлагается: образования детям не давать, пусть становятся уборщицами и чернорабочими, как остаются верующие, не желающие отказываться от своей веры. (Впрочем, не всегда. Как известно, участники сборника «Из-под глыб» — все верующие, тем не менее, из пяти известных его авторов нет ни одного, кто не получил бы в свое время высшего образования, зато есть один член-корреспондент Академии Наук СССР).

Однако, изложив последовательно обрисованную здесь вкратце программу, автор, к сожалению, не уточняет, на какой именно ступени обучения необходимо останавливаться «образованским» детям. Стоит ли им вообще учиться читать и писать или же достаточно ознакомиться с призывами автора «Образованчины» в устном их изложении? А может быть, имеется в виду компромиссный вариант: «ядро» просвещается ровно настолько, чтобы суметь усвоить предлагаемые ему рецепты, но, упаси Господь, не настолько, чтобы каким бы то ни было образом их осмыслить?

В этой связи небезынтересен также ответ А. И. Солженицына на вопросы корреспондентов о сроках планируемой им нравственной революции:

«Спрашивает меня: сколько понадобится на это поколений? Вот, знаете, когда в нашем Самиздате выходы указывали такие: развивать культуру, думать — вот на это нужно тысячу лет, чтобы таким образом сбыть советский режим». ³²

³¹ Там же, стр. 251.

³² См. «Две пресс-конференции (к сборнику 'Из-под глыб')», 1975, стр. 80.

Короче говоря, думать не рекомендуется. Действительно, если всерьез углубиться в это вредное занятие, можно додуматься черт знает до чего. К примеру — до крамольной мысли о том, что исторический призыв «ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!», которым, как известно, заканчивается статья «Образованщина», обращен несколько не по адресу. По крайней мере о Г. С. Померанце до сих пор неизвестно, чтобы он когда-либо лгал — будь то в солженицыновском или в общежитейском смысле этого слова. С другой стороны, отнюдь не у каждого мыслительный процесс длится тысячелетия, хотя, следует признать, идея введения стахановского метода в дело ликвидации того или иного режима — это идея пускай и не новая, но для данных условий достаточно революционная. Опыт покажет, имеются ли основания считать такую революцию нравственной.

ОТ АВТОРА

Этот обзор был написан приблизительно полтора года назад. За это время стало известно множество публичных выступлений, а также несколько книг А. И. Солженицына, общее впечатление от которых отнюдь не ослабило, а скорее усугубило впечатление, произведенное его статьями в сборнике «Из-под глыб». Появилось также и немалое количество откликов, устных, печатных, а равно и рукописных. Среди печатных преобладали отклики в поддержку взглядов нобелевского лауреата.

В Самиздате (местном, эмигрантском) стали попадаться также и выступления несогласных. К сожалению, основная масса этих статей сводилась к обсуждению вопроса, антисемит ли А. И. Солженицын? Причем, после тщательных изысканий ав-

торы таких работ приходили к единодушному выводу, что де, хотя антисемитом в полном смысле слова его назвать нельзя, все же некоторая тенденция наблюдается, «но в любом случае он великий писатель и человек, чья роль в борьбе с тоталитаризмом неоценима». Этим авторы местного Самиздата счастливо отличались от авторов разного рода публикаций, заявивших честно и нелицеприятно: «Во-первых, Александр Исаевич не антисемит, а, во-вторых, так вам, жидам, и надо!». В этой связи особенно интересно и поучительно было узнать, какими, в конце концов, ярыми русскими патриотами оказались те, кто некогда в немецкой военной форме, со свастикой на рукаве, в составе гитлеровской армии помогал своим доблестным союзникам в их священной борьбе со «славянскими недочеловеками»!

Правда, мне лично кажется, что сам А. И. Солженицын вовсе не хотел бы становиться вождем того откровенно погромного направления, адепты которого теперь все чаще на него ссылаются. И потому, что власть в СССР нынче явно антисемитская, и потому, что перед Западом все-таки неудобно, и потому, что в результате его выступлений происходит раскол в и без того малочисленной среде оппозиции на родине.

До сей поры мало кому приходило в голову называть «совестью России» национал-сталинистов из группы Фетисова, чья программа (судя по изложению в 7-м номере «Хроники текущих событий») в своей конструктивной части слишком напоминает злую карикатуру на «Письмо вождям». Считалось также неприличным солидаризироваться с полугебистской группой посетителей московского клуба «Родина» или же «русскими патриотами», чье «Слово нации» носит на себе отпечаток несомненного влияния «Мифа XX века».* Однако

* Автор — нацист А. Розенберг.

публицистика А. И. Солженицына вызвала к жизни вопросы, казавшиеся до той поры мало актуальными: от собачьих кличек — до процента жида в демократическом движении.**

И если ранее *лучших* представителей московской интеллигенции, при всей разнице в эстетических вкусах или политической ориентации, объединяла не только ненависть к насилию и любовь к свободе, но и уважение к праву каждого на открытое исповедание своих взглядов, то здесь влияние автора «Образованчины» оказывается самым отрицательным образом. К примеру, для многих явились тяжким ударом письмо Татьяны Ходорович Леониду Плющу — и не потому, что она неправа по существу, а потому что никогда раньше один член Инициативной группы не позволил бы себе такого тона по отношению к другому, в особенности Татьяна Сергеевна, всегда подчеркивавшая, что ее деятельность в защиту прав Человека в СССР не является политической деятельностью.

Так нетерпимость А. И. Солженицына к чужим взглядам заражает даже тех, кого ни в коей мере не может заразить его нелюбовь к некоторым национальным меньшинствам.

Именно поэтому мне кажутся не совсем серьезными изыскания местных самиздатских авторов по поводу национальных антипатий А. И. Солженицына. Судя по всему, они недооценивают тот

** «Как на национальную проблему смотрит центровая образованщина — для того пройдитесь по знатным образованским семьям... и спросите, как они собак кличут. Узнаете (да с повторами): Фома, Кузьма, Потап, Макар, Тимофей... О, как по этому ломкому хребту пройти, и в обиду по напраслине своих не давши, и порока своего горше чужого не спуская?...» (см. «Из-под глыб», стр. 247).

Как известно, традиционные собачьи клички в России — в основном, английского происхождения. О чем, интересно, думал великий русский актер В. Качалов, называя свою собаку Джимом?

факт, что ксенофобия в наши дни страшна еще не столько сама по себе, сколько — как часть определенного мировоззрения, отличительными чертами которого являются отрицание демократии и культуры.

Надо сказать, что совпадение этих двух тенденций: национализма и недоверия к тому, что со времен «так называемой эпохи Возрождения» принято именовать гуманизмом, — совпадение, отчетливо прослеживающееся во всех последних произведениях А. И. Солженицына, нам кажется глубоко закономерным. Чрезмерно обостренное национальное чувство неизбежно сочетается в нашем XX веке с чувством пренебрежения к культуре, которую так хочется заменить агиткой, с презрением по отношению к «этому гнилому интеллигенту», к этому проклятому человеку в очках, вечно сомневающемуся, рефлектирующему, вечно стремящемуся оторваться и уйти от наших родных «воронежских холмов к всечеловеческим — яснеющим в Тоскане». Отнюдь не случайно, что одному из главных специалистов XX века по национальному вопросу принадлежит и следующая крылатая фраза:

«Когда я слышу слово «культура», мне хочется схватиться за пистолет!»

История показала, что прав был не процитированный выше авторитет, хотя на его стороне были и «пушки вместо масла», и многомиллионная армия, и самая передовая (в данной части земного шара) идеология. Прав оказался Томас Манн, человек «без положительных идеалов» (ибо любители таковых идеал культуры в число «положительных» не зачисляют).

Впрочем... Кто его знает, показала ли чего эта самая история? Иногда кажется, что она не учит ничему. И если ничему не научили людей

ни костры инквизиции, ни газовые камеры Освенцима, то научит ли их чему-нибудь «Архипелаг ГУЛаг»?

Но, может быть, действительно все теории стоят одна другой и только рукописи не горят? И с этой точки зрения публистика автора «Матренина двора» не важнее «Выбранных мест из переписки с друзьями»? Я лично не разделяю теории Жаботинского, для которого Гоголь — это прежде всего певец еврейского погрома. И я надеюсь, что когда-нибудь, лет этак через сто, все станет на свои места: «Матренин двор» останется для литературы, «Образованщина» — для литературоведов, а к нашим кощунственным насокам будущие читатели и почитатели писателя Солженицына отнесутся с такой же неприязнью, как мы, грешные, — к письму Белинского Гоголю.

Что ж, риск существенный, хотя и небольшой: лично у меня, слава Богу, слишком мало шансов остаться в веках. Но пока мы живем на грешной земле, все равны перед Богом и перед законом: и великий писатель, и публицист, и крестьянин, и даже инородец. И с любой точки зрения нельзя осуждать никого, в том числе и Солженицына, за то, что он думает так, а не иначе. Его убеждения — это дело его совести. Но когда писалась «Образованщина», Солженицын слишком хорошо знал, что его авторитет в «образованнической» среде огромен, что любая критика его взглядов может быть расценена чуть ли не как сотрудничество с КГБ. И, зная это, ему следовало бы с большим тактом относиться к чужим вкусам, чужим взглядам и к чужой репутации.

АЛЕКСАНДР ЯНОВ

НА ПОЛПУТИ К ЛЕОНТЬЕВУ

(*Парадокс Солженицына*)

В основу этой статьи я положил феномен, который предпочел бы назвать «эффектом исторической повторяемости». Я имею в виду, что, начиная с первой автократической революции Ивана Грозного, с его великой Опричнины, с первого Архипелага ГУЛАГ, уничтожившего восьмую часть нации, русская история непрерывно воспроизводит главные политические параметры созданной в XVI веке опричной системы. Поэтому 1917 — не новость в России. Он уже был в 1564. И в 1689. И в 1796. И в 1825. Сейчас вопрос лишь в том, повторится ли он снова — в 1984. Конкретно-историческому доказательству этого феномена я посвятил целую книгу «История политической оппозиции в России», которая, увы, пока остается манускриптом. У меня нет здесь возможности доказывать это снова. Поэтому я прошу принять мое утверждение как постулат, который, впрочем, каждый легко может проверить на материале русской истории.

Последним подтверждением «эффекта повторяемости» является политическая доктрина Солженицына. Судите сами: что предлагает он, например, в «Письме вождям СССР», если перевести его нравственные ламентации на язык реальной политики? Откажитесь от лжи (т. е. от «идеологии») — и мы согласимся на авторитарную власть.

Но ведь это же парадигма предложения К. Аксакова (40-е гг. XIX в.): «Народ желает для себя одного — свободы жизни, духа и слова. Не вмешиваясь в государственную власть, он желает, чтобы государство не вмешивалось в самостоятельную жизнь его духа».¹ Иначе говоря, Солженицын, повторяя Аксакова, не отвергает, но лишь ревизует классическую формулу автократии «Самодержавие, Православие, Народность». Переставьте местами ее элементы — по сути говорит он. Поставьте на первое место «Православие», на второе «Народность» — и мы не будем против «Самодержавия»!

Дискретность исторической памяти — одно из главных условий «эффекта повторяемости». Ведь смотрите, мертв для Солженицына опыт истекшего столетия, мертв опыт *върождения* благородного славянофильства в заурядное черносотенчество. Ничего не объяснил ему факт, что первоначальное политическое грехопадение — согласие на авторитаризм, наивная попытка обменять это согласие на «невмешательство в свободу народного духа» — неизменно на протяжении русской истории оборачивалось капитуляцией перед тиранией, апофеозом реакции, организацией нового ГУЛАГа для «свободного духа». Не объяснил, что эта метаморфоза только естественна. Ибо тирания многолика. Ибо у нее достаточно «идеологических» облачений. И сменив марксизм на православие, она нисколько не изменит своей сути, так же как змея остается змеей, даже сбросив свою сезонную шкуру.

■
В чем, однако, методологические корни этой роковой и традиционной ошибки? Их много. Но

¹ Теория государства у славянофилов. Спб., 1898, стр. 41.

нас интересует здесь лишь один, традиционно относящийся к русским писателям, которые столь же традиционно выступают в роли политических пророков. Ведь и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, и Солженицын — при всем различии их доктрин — исходили из одного постулата. Все они применяли к меняющейся политической реальности абсолютные критерии морали, с торжеством констатировали несоответствие — даже не замечая, как легка и бесплодна их победа, — и делали вывод, что никакой разницы между авторитаризмом и демократией, с точки зрения нравственного совершенствования личности, — нет.

Иначе говоря, все они описывали сферу *политики* при помощи *моральных* критериев.

Точно так же, как французские просветители считали, что религия — массовое тысячелетнее глобальное мошенничество, насаждаемое кастой церковников, так и русские писатели были уверены, что политика есть принципиальный аморализм и обман, насаждаемый кастой профессиональных политиков. Поэтому конструируемый ими специально «русский» путь спасения человечества всегда заключался не в установлении контроля общества над политикой, а в *устранении* общества от политики, в провозглашении его «невмешательства» в государственную власть, что, естественно, предполагало согласие на авторитаризм.

И столь же естественным результатом соединения неутолимой страсти к политическому пророчеству с политическим инфантилизмом всегда была утопия. Причем утопия реакционная, пытавшаяся возвести традиционную отсталость русской политической культуры на степень вершины и венца человеческой мысли.

■

Но все это пустяки. Почему бы, в самом деле, не доказывать нравственное банкротство Власти и одновременно не требовать от нее нравственного подвига? Почему бы не ожидать христианского чуда хотя бы от самого сатаны? В конце концов, парадоксальность мышления свойственна художественным натурам...

И если бы исторический опыт уже не показал реальные политические последствия такого парадоксализма, не показал, как, добиваясь своих высоконравственных целей, способствовало, например, в XVI веке «иосифлянство» воцарению тирана; не показал, как высокоморальное славянофильство вооружило в XIX веке «идеологией» черносотенный национализм самого последнего разбора, — мы могли бы с легким сердцем махнуть на это рукой.

Но в условиях, когда в России назревает переворот, когда национал-социалистская фракция в руководстве страны нуждается лишь в подходящей для этого «идеологии»; когда одряхлевший марксизм не в состоянии уже противостоять в борьбе за господство над умами мощному свежему национализму; в условиях, когда всякому уважающему себя россиянину пора уже задуматься, на кого работает его естественная вражда к позорно обанкротившемуся марксизму, — в таких условиях безобидные литературные парадоксы обретают совсем другой, политический смысл.

Ну пусть Достоевский или Толстой в наивном XIX веке отлучали от Бога демократию, пусть Аксаковы проклинали политику, не понимая, что отказ от нее есть тоже политическое действие. Но совсем иначе все это выглядит в нашем, в апокалиптическом XX. И непростительно уже Солже-

ницыну не понимать, что марксистская Опричнина всего лишь частный исторический случай непрерывно воспроизводящей себя российской Опричнины. Что дело не в ее частной форме, а в ее всеобщей сути; что, накапливая аргументы против «идеологии» уходящей Опричнины, он невольно создает «идеологию» для Опричнины грядущей. Вот же в чем на самом деле состоит парадокс Солженицына.

Я обязан оговориться: статья посвящена критике человека, перед художественным гением и личным нравственным совершенством которого я преклоняюсь, роль которого в духовном раскрепощении России ни с чем не сопоставима. Но этот же человек — таков горький парадокс нашей темы — способствует ее новому закрепощению.

Поэтому выпавшая мне роль критика солженицинской критики трагична для меня, как всегда трагична для верующего беспощадная критика его Бога. Но отказаться от нее не могу я тоже. А вдруг еще не поздно? А вдруг неумолимое раскручивание роковой русской спирали еще можно предотвратить? А вдруг Солженицын сумеет вовремя отказаться от своей идеологии: если он требует этого от вождей СССР, он должен быть способен к этому сам! И, может быть, именно ему суждено положить на эту пока еще колеблющуюся чашу весов свой героический авторитет. Не для того, чтобы заменить одну тираннию другой. А чтобы разрушить дотла весь этот хитрый татарский механизм, коварство которого в том и состоит, что лучшие сыновья страны, цвет нации, из века в век невольно, но неумолимо приносят свой блестящий талант на алтарь реставрации тирании. Поэтому

жанр моей статьи я хотел бы определить как Предостережение.

Многим, я думаю, известно, что в недрах советского руководства существует влиятельная изоляционистско-имперская фракция (я называю ее «правой оппозицией»). 1968—69 были годами публичного, насколько это возможно в подцензурной печати, объявления ею своих принципов. Годами жестокой политической борьбы «наверху» и идейной борьбы в прессе. Борьбы, в которой я принимал непосредственное участие. Весною и летом 1970 эта фракция правых, символизируемая именами члена Политбюро Полянского, маршала Чуйкова, писателей и идеологов И. Шевцова, В. Чалмаева, В. Лобанова, П. Палиевского, В. Кожинова, А. Иванова, А. Ланщикова, была даже, как все в Москве говорили, близка к победе. Почему она тогда не победила? Разумеется, деталей «драки бульдогов под ковром» не знает никто. Но как теоретик, принимавший участие в борьбе идейной, я могу констатировать, что правооппозиционной альтернативе нехватило тогда четко сформулированной идейной стратегии. Недаром сразу после поражения в 1970 г. в «Русском клубе», мозговом центре правых, произошла резкая дифференциация и была выдвинута новая, неожиданная и парадоксальная идея соединения ленинизма с православием. Нельзя не увидеть в ней зерно будущей стратегии правой оппозиции.

Если вспомнить «эффект повторяемости»,увидим, что феномен правой оппозиции не нов, традиционен в России. Он имеет таких предшественников, как «иосифлянство» XVI века, раскольники и стрельцы XVII века, как Прокопович и Ро-

стопчин в XVIII веке, как Данилевский и Леонтьев в XIX, Шарапов и Пуришкевич, «Союз русского народа» в XX веке. Анализируя условия его периодического возрождения, обнаруживаем, что происходит это, как правило, в фазе идейной и духовной стагнации страны, когда ее руководство оказывается неспособным выработать однозначную, непротиворечивую стратегию, основываясь на доминирующих идеальных предпосылках. Учитывая это, предсказать очередное возрождение правой оппозиции после 1964 г. было несложно.

Сложнее было другое. В 1969 г. в серии эссе, опубликованных журналами «Вопросы философии» и «Вопросы литературы», пользуясь ненавидимым цензурой методом «неконтролируемого подтекста», я высказал прогноз о появлении на русской политической арене второй, либеральной фракции правых в рядах Диссидентства. 4 года спустя — после письма Солженицына вождям — это стало очевидно всем. Экспериментальная проверка «эффекта повторяемости» прошла успешно: ведь, когда я писал свои эссе, идей, высказанных в «Письме», еще, быть может, и не существовало, во всяком случае, я знать их не мог. Но я знал, что либеральная фракция правых возникнет неизбежно. Ибо она всегда возникала в аналогичных ситуациях русской истории. Ибо она в них, как пытался я в своих эссе доказать, функциональна. А также по еще одной причине. Эту причину я рассматривал я в следующей серии эссе, которая осталась неопубликованной, поскольку после отражения «первого штурма» правых, вопрос был, как у нас говорят, закрыт намертво.

Результаты этого анализа дают, как мне кажется, некоторое основание для осторожной методологической гипотезы. Если принципиальным итогом первой серии эссе было предложение клас-

сифицировать реакционные идеологии в условиях автократии по принципу консерватизма, или охранительства, то сейчас открывается возможность более дифференцированной их классификации. Теперь уже сам консерватизм не представляется идеологическим атомом, «неделимой» доктриной. Он как бы распадается на два «атома». Короче говоря, гипотеза состоит в следующем: 1) Консервативные идеологии возникают в условиях автократии, если так можно выразиться, парами: одна «наверху», другая — «снизу». «Верхняя» идеология вследствие традиционной закрытости режима, как правило, на поверхности не видна, лишена глубоких теоретических оснований и отражает поначалу скорее политическое раздражение молодых лидеров стагнацией системы. Другое дело — идеология «нижняя», либерально-косервативная. Она несет в себе все богатство оттенков современной ей мысли. Несет искренний и страстный призыв к национальному возрождению.

2) Впоследствии через ряд метаморфоз, переживаемых обеими идеологиями, через их обоюдную корректировку — происходит процесс взаимной адаптации и, в конечном счете, слияния.

Доказательство находим хотя бы в трансформации ультралевой доктрины Бакунина через либерального христианского демократа Достоевского в ультраправую доктрину Леонтьева.² На наших глазах либерально-народническая идейная конструкция выродилась из искреннего протesta против деспотизма в его мощную апологию, пригодную для практической утилизации в борьбе против демократии.

3) Движущие моменты в механизме этой взаимной адаптации совершенно различны в обеих идеологиях. Для «верхней» существенно: а) обострение

² Анализу этой трансформации посвящено эссе «Три утопии».

политической борьбы в руководстве в связи с продолжающейся стагнацией; б) необходимость модернизации своей идейной стратегии; в) то обстоятельство, что никаких других интеллектуальных ресурсов для этого, кроме конфронтирующей с ней на первом этапе либерально-консервативной идеологии, она в своем распоряжении не имеет. Для «нижней» идеологии существенно другое: а) обострение идейной борьбы внутри диссидентства; б) неспособность собственными силами справиться со своим главным оппонентом — «западничеством» (точно так же русская церковь, неспособная спрятаться мечом духовным с ересью, отвека призыва на помочь физический меч Власти, попадая тем самым в зависимость от нее); в) имманентное родство с «верхней» идеологией, снимающее, так сказать, эмоциональный порог, ощущение политической несовместности с авторитаризмом. Ведь в самом глубоком своем существе обе идеологии базируются, как мы говорили, на классическом девизе автократии: «Самодержавие, Православие, Народность». Только ударение делается на разных элементах. «Верхняя» идеология акцентирует на «Самодержавии». «Нижняя» акцентирует либо на «Православии», как делал Достоевский и делает Солженицын, либо на произвольно интерпретируемой «Народности»: Бакунин приписывал ей генетическое «чувство свободы», а его антипод Леонтьев — столь же генетический «византизм».

Любопытно тут вот что: поначалу «верхняя» фракция правых полностью идентифицирует себя с Властью, а «нижняя» — с Диссидентством. Соответственно одна из них гонит и преследует другую, а эта, другая, клянет и обличает гонителя-

близнеца. Своего внутреннего родства они на этом этапе почти не замечают. Я говорю «почти», ибо если вы перечитаете страницы солженицынского «Теленка», посвященные полемике «Молодой гвардии» и «Нового мира», вы убедитесь, что — несмотря на свою привязанность к «Новому миру» и презрение к Чалмаеву — симпатию он все-таки испытывает к молодогвардейцам, совершенно не замечая одушевляющего их черносотёного идеала.

Но уже на следующем этапе «нижняя» фракция перенесет главное ударение на борьбу против «западничества» своих союзников по диссидентству. Зазвучат странные обличения дряхлости и обреченности Запада и столь же странные — в устах диссидентов — оправдания авторитаризма. В первую очередь возникает образ внутренней равнозначности обеих систем — демократической и антидемократической. Оказывается, что это просто «два страдающих пороками общества».³ Пороки у них разные, но приговор один — смерть. Отсюда обесценение свободы, интеллектуальной и политической, в качестве цели исторического движения авторитарных систем. Отсюда разделение свободы — на внутреннюю и внешнюю. Но проповедь нравственной равнозначности авторитаризма и демократии — лишь первый этап эволюции «нижней» идеологии. На следующем этапе авторитарии уже отдаются преимуществу перед демократией. Если в «Письме» еще говорится глухо о достоинствах западной цивилизации, то в «Из-под глыб» звучит уж уничтожающая ее критика: «на оползнях, в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой», «в политическом кризисе и духовной растерянности».⁴ Зато нравственная ценность авторитаризма возрастает. Ока-

3 «Из-под глыб». Париж, 1974, стр. 20.

4 Там же, стр. 21, 25.

зывается, что «свою внутреннюю свободу мы можем твердо осуществлять даже и в среде внешне несвободной». И больше того, именно при авторитаризме «сопротивление среды награждает наши усилия и большим внешним результатом».⁵

Стало быть, не демократия, но авторитаризм ведет кратчайшим путем к внутренней свободе, провозглашенной целью «исторического развития наций». Отсюда уже один логический шаг к неожиданному в устах Солженицына признанию: «Государственная система, существующая у нас, не тем страшна, что она недемократична, авторитарна... — в таких условиях человек еще может жить без вреда для своей духовной сущности».⁶ Но если в демократических системах человек не может «жить без вреда для своей духовной сущности», а в деспотических — может, то каким, спрашивается, системам должно быть отдано предпочтение?

Вот он, логический путь к оправданию «внешней несвободы». Миновав ультралевый, резко «антисамодержавный» этап Бакунина и К. Аксакова, «нижняя» фракция правых опустилась до этапа Достоевского. И, судя по тому, как тщательно воспроизводит она его политические схемы, дальнейшее ее движение к леонтьевскому «византизму» уж предсказуемо. Она на полпути к Леонтьеву. На полпути к тому, чтобы стать пригодной для практической утилизации ее «верхней» правительственной фракцией правых.

Ведь «наверху», очевидно, происходят аналогичные процессы. Там сразу начали с апологии Леонтьева (В. Чалмаев) и с проповеди русского варианта национал-социализма (И. Шевцов). Теперь, после первого поражения, там идет модернизация

⁵ Там же, стр. 25.

⁶ «Из-под глыб», стр. 27.

идейного аппарата, выработка новой программы правых. Задача их заключается в том, чтобы к моменту, когда: а) либо политика детанта провалится; б) либо тотальная стагнация приведет к катаклизму; в) либо, наконец, «мамонты» из Политбюро, едва отогревшиеся после ледникового периода сталинизма, попросту вымрут, — имперско-изоляционистская программа была готова. Без «нижней» фракции ее правительственный близнец обойтись в таком деле не сможет. У него нет для этого ни авторитета, ни собственных интеллектуальных ресурсов.

Но «наверху» — политики, им нужна программа действий, а не высокопарное морализирование. Они готовы согласиться на православие, но взамен они потребуют услуг. А именно — обратной трансляции нравственных максим в сферу политики. Как же мог бы выглядеть практически идейный союз имперской фракции Власти с православно-националистической фракцией Диссидентства?

Не забудем, что русская деревня гибнет, что русский народ себя уже демографически не воспроизводит, что удельный вес его стремительно падает. Так что объективная база для возрождения имперской стратегии готова. А аргументы? Их предоставит коллега Солженицына по сборнику «Из-под глыб»: «Ничто не указывает, — скажет он, — на необходимость раздробления государств до национальных атомов! Наоборот, сотрудничество разных народов порождает культуру качественно более высокую». Новых национал-социалистических вождей России, если они начнут свой марш к власти, мало будет интересовать вопрос о «культуре». Но зато совесть их националистических союзников будет успокоена.

Для «народа» имперская доктрина может быть повернута проще: «Хватит, попили они нашей крошки, все эти евреи, грузины, чехи и прочие инородцы. Мы 60 лет облагали себя данью. Пришла пора расплачиваться. Пусть теперь дают они, а мы будем брать!»

Надо знать, как широко распространено в народе убеждение, что во всех его бедах виноваты инородцы, чтобы понять притягательность такого аргумента.

Для генералитета доктрина может быть повернута так: «В стратегических клещах, в том самом положении, в каком была нацистская Германия перед войной, меж двух огней, Китаем и Европой, малейшее проявление национальной самостоятельности на окраинах империи смертельно опасно. Узбеки могут передаться китайцам, румыны — немцам. Если не зажать их вовремя в железный кулак, они развалят Россию». Зарубежным коммунистам поворот к имперской политике может быть объяснен модным «национальным путем» к коммунизму. Ведь проповедует же Берлингуэр «исторический компромисс» коммунистов и католиков. Так отчего же невозможен был бы аналогичный «компромисс» социализма с православием?

И, наконец, нравственная душа диссидентской фракции была бы успокоена жесткой антизападной и православной ориентацией нового правительства. Ведь провозглашено уже Солженицыным, что «абсолютно необходимая задача сводится не к политическому освобождению, а к освобождению нашей души от участия в навязываемой лжи».⁷ Но поскольку ложь четко локализована в понятиях «марксизма» и «западной цивилизации», то, отказавшись от западного содержания марксизма, правительство как раз и освободит «нашу душу».

⁷ «Из-под глыб», стр. 28.

Ну, и взамен попросит о небольшой интеллектуальной услуге: о такой препарации «западного» марксизма в «исконно-русский» ленинизм, которая дала бы возможность включения в доктрину и любезного нам православия, кстати, традиционно приспособленного к оправданию изоляционизма, и нужного ему имперского начала.

И тогда, может быть, окажется, что именно Ленин пророчески предсказал в своем «Кооперативном плане» ту самую «раздробленную экономику», до которой лишь сейчас додумалась маразматическая западная мысль. И тогда, может быть, понадобится небольшой новый ГУЛАГ для неверующей интеллигенции. Но это ничего, Солженицын уже выдал на этот предмет индульгенцию новому режиму, объявив современную интеллигенцию несуществующей величиной, «образованщиной», лишенной нравственных основ мироизрцания. Что ж, если Власти, освобождающей «нашу душу», понадобится устраниить этот вредный нарост на теле воспрявшего под православной хоругвью народа, не так уж это и страшно, ибо поможет очистить «нашу душу».

Если, далее, понадобится небольшой Пакт с Китаем — это тоже ничего, ибо даст нам возможность обеспечить себе «национальный отстойник» на заветном Северо-Востоке. А что такой Пакт неизбежно будет носить антизападный характер и чреват гибелью цивилизации; так туда ей, в конце концов, и дорога. Ведь она все равно, как мы уже знаем, отвратительно разлагается, все равно больна. И болезнь ее, как говорил в свое время Леонтьев — а его обязательно вспомнят! — заразительна. Так не разумнее ли уничтожить самый источник гибельной заразы?

■

Нет, я не посмею утверждать, что под всем этим подпишется человек, воплощающий сегодня совесть нации. Нет, он наверняка отшатнется от своих услужливых последователей, как отшатнулся в свое время И. Аксаков от черносотенца Шаркова, объявившего европеизацию России ее евреизацией. Отшатнется — но будет поздно: объективная логика доктрины окажется сильнее призывов пророка. И ощущение великого борца против ГУЛАГа, оказавшегося в роли идейного основателя нового ГУЛАГа, будет непередаваемо ужасно. В заключение напомню, что жанр своей статьи я определил как Предостережение.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАЗДЕЛУ

СПЕКТР НЕОНАЦИОНАЛИЗМА

Для более полного представления об этом направлении приводятся (без комментариев) отрывки из публикаций соответствующей ориентации.

1. «*Еврейский вопрос в России*», В. Орехов, редактор ж-ла «Часовой» (Бельгия), опубликовано в «Информационном бюллетене российского национального объединения» (Бельгия, март—апрель 1976 г.). Под заголовком бюллетеня значится: «Распространяйте наш бюллетень! Передавайте его для чтения русским людям!»

«Люди, знающие меня с давних пор, могут подтвердить, что я никогда не был юдофобом и всегда осуждал вульгарный антисемитизм...»

Да, погромы в России, как и во многих других странах, были и можно утверждать и доказать, что правительство решительно с ними боролось и с этим многие совершенно не желают считаться, сознательно извращая историю. Так, например, в 1973 году, на аудиенции у Римского Папы госпожа Голда Меир так и говорила о киевском погроме 1905 года. Мы немедленно ответили ей не только в «Часовом» но и в иностранной прессе. Киевский погром был вызван тем, что, после объявления Манифеста о свободах, еврейская молодёжь ворвалась в Городскую Думу, сорвала российский орел и царские портреты и топча их с улюлюканьем, швыряя на улицу. Тогда возмущенные толпы начали громить еврейские лавки, малочисленная (как и во всех городах) полиция не могла с ними справиться и были вызваны войска, которые быстро

восстановили порядок, а еврейская молодёжь стреляла в спину нашим солдатам...

Известно, что в той или иной степени февральской революции помогли американо-еврейские банки, но когда она, из-за полной растерянности властей, произошла, интеллигентные евреи поняли необходимость их корректной позиции и во временных правительствах трех составов ни одного еврея не было...

Но еврейская политическая чернь именно жаждала власти, и в подготовке октябрьского переворота и сразу же после него стала захватывать все ключевые посты: ленинский большевицкий ВЦИК состоял почти полностью из евреев, то же было и в советском правительстве, в управлении на местах, в созданной потом Чрезвычайной комиссии и т. д. И началась действительная оккупация России самоуверенными и наглыми проходимцами, которые, опираясь на безудержное хамство разнужденных масс, начали повальный террор, грабеж страны, сопровождавшиеся издевательствами над всем, что было дорого русскому народу, над его верой, совестью, традициями».

«Всё это залегало в души обращенного в рабство народа и вот настал момент, когда эти чувства прорвались. По всем имеющимся оттуда данным, сейчас антиеврейские настроения в СССР в бесконечное число раз превышают то, что когда то исподволь наблюдалось в России, где (по ходкой поговорке) «каждый русский имел своего приятеля еврея».

«Что будет дальше, неизвестно. Сейчас здоровая часть еврейства поняла всю остроту положения и рвется в свою обетованную страну — Израиль.

Этих евреев надо понять и их надо уважать, так как они защищают достоинство своего народа. Но, кроме них, европейские города заполняют сей-

час *массы* других евреев, выехавших по израильским визам и всем обязанных израильскому правительству, но не желающих ехать в Израиль, где надо работать, а может быть и защищать эту страну.

«... Наше дело-это реакция на деятельность тех евреев или полуевреев, которые воображают себя оракулами, говорят от имени взлелеенного заграницей с помощью иностранного капитала «демократического движения», существующего почти исключительно в еврейских кругах. Эти господа с невероятной напористостью захватывают все ключевые политические позиции нашего зарубежья: радиовещание, эмигрантская печать, разные организации. Их «штурм» имеет успех и благодаря действию их одноплеменников и единомышленников в иностранных инстанциях и из-за того состояния апатии и непротивления злу, в котором пребывает большая часть нашей эмиграции».

Мораль же сей статьи такова: движение «третьих волн» еще не кончилось, оно будет продолжаться и дальше и всё с большей и большей силой и они могут затопить окончательно российское зарубежье и то, чему мы служили добрых полвека будет объявлено «окостенелым миром».

Вот почему, не оставляя ни на иоту нашей посильной борьбы против нашего главного врага — ленинского большевизма, мы должны объединиться перед девятым валом, который способен смести всё, что было построено нашими предками и чему мы верно служили в течение долгих и тяжелых времен.

Быть или не быть — такой вопрос встал сейчас перед всеми российскими патриотами зарубежом.

2. «*Еще о 'новейших'*» — Леонид Барат, (ж-л «Часовой», Брюссель, № 1, 76 г.).

«... Олицетворение русской православной идеи и ее влияния на измученный русский народ поняли как редактор «Вече» Осипов, так и редактор «Земли» Родионов, но так же ясно поняло это и партийное руководство. Угроза идеологии марксизма, т. е. угроза власти! И сразу последовала жестокая расправа с Осиповым и полный разгром «Вече» и его окружения. Угроза режиму с их стороны показалась руководству намного опаснее, чем все вместе взятые хроники текущих событий, которые в подавляющем большинстве не расходились с партийными догмами, а только требовали от власти всяких личных льгот».

3. «Журнал 'Вече' и Владимир Осипов» — Александр Удодов. («Часовой» № 1, 76 г.).

«Будучи в Советском Союзе я принимал участие в журнале «Вече», резко отличавшемся от многих других самиздатских изданий. Приехав на Запад, я убедился в том, что этот журнал мало кому известен. Добравшиеся до Запада экземпляры попали на американское радио «Свобода» и погребены в его архивах и, видимо, «Свобода» не намерена так или иначе о них рассказать.

Утверждаю, что позиция русских патриотов в угнетенной России близка твердо стоящему на своем посту «Часовому». До сих пор из СССР доносились преимущественно не русские голоса, тщательно профильтрованные советско-американской цензурой. Этот феномен — возрождение чудо-вищного союза Сталин-Рузвельт был впервые разоблачен Николаем Кремневым в «Часовом», это была подлинная перекличка со статьями из «Вече», разоблачившая левофланговых оппортунистов, кинувшихся на американские доллары.

Я позволю себе привести некоторые выдержки из «Вече», объясняющие отношение русской молодежи к основным вопросам нашей жизни.

«Вспомним историческую Россию. Никто из русских, так называемых, колонизаторов, не вмешивался в национальную жизнь народов России. Мусульмане, буддисты, иудеи, католики не встречали от православных губернаторов противодействия своему культу. Огромная многонациональная страна держалась на нравственном авторитете великой русской культуры и её носителя русского народа. Для русской истории характерно добровольное присоединение народов к России. Достаточно вспомнить примеры Украины, Грузии, Армении, Казахстана, Бурятии. Если можно говорить, что русская империя держалась на штыках, то лишь в том смысле, что русские штыки защищали окраины от притязаний жестоких соседей. Россия умела внушить любовь к себе, в этом был секрет её могущества» (стр. 26-я). «Генерал Скобелев избавил узбекское, таджикское, персидское население от непрекращавшихся набегов кочевых племен, которые занимались работорговлей и грабежом. Солдаты Скобелева освободили немало русских, обращенных в рабство» (стр. 44).

«Геноцид культуры, сведение на нет русских, как типа физического (что обнаружили демографы за последние годы), насаждение мнений о ущербности и нациях, — это не может не вызвать остройшей тревоги за страну и народ. Ну, а что касается евреев, то они, по словам академика Сахарова,* с помощью западной прессы умеют добиваться больших прав, чем любая другая нация в Советском Союзе» (стр. 165).

* Сахаров, разумеется, этого не говорил. (Ред.).

Кому это выгодно?

«Явные и тайные успехи сил разложения порождают ныне всеобщую тревогу за будущее России. Международные космополитические силы совместно с красно-китайскими шовинистами и прочими врагами России оценят по достоинству позиции новоявленных русофобов. Врагам, как и друзьям, понятно, что лишь самобытная Россия способна противостоять китайской опасности» (стр. 50—51).

Против разлагающей фальши мертвого Запада

«Вместо уравниловки и примитивного материализма, в России, в противовес «демократии», развивается ныне совсем особое миропонимание. Жизненная сила и основные черты нарождающегося этноса первоначально концентрируются в группе людей, отличающихся наличием ярко выраженных целей, не совпадающих с целями большинства, и качествами, необходимыми для достижения этих целей. Образ жизни этой группы, как правило, не определяется законом самосохранения. Этих людей, составляющих ядро будущего этноса, Гумилев называет пассионариями, от латинского «пассио»— страсть. Пассионарии формируют структуру этноса и распространяют её на пассивную часть людей» (стр. 100). «Энергия, смелость и воля пассионария одерживают верх над ленью, нерешительностью, трусостью, заболачивающими отживающий этнос» (стр. 114). «Только деятельность пассионария может показать, что есть человек, каковы его цели и возможности» (стр. 115). «Иначе говоря, сильная личность, культ героя составляют основу и сущность свободы и культуры. Неудивительно, что западная демократия, отрицающая

культ героя, оказывается глубоко античеловеческой и антикультурной, и немедленно вызывает к жизни коммунистический интернационал — последнюю и наиболее отвратительную, бесчеловечно-жестокую ступень падения».

Взгляд Владимира Осипова

«Мой символ краток, — повторяет Осипов слова генерала Скобелева, — любовь к Отечеству, свобода, наука и славянство. На этих четырех китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья» (стр. 45).

Сравните высказывания Осипова и его журнала «Вече» и прибывших в Европу многих новейших диссидентов и вы несомненно увидите разницу.

Ответ корреспонденту из СССР

Письмо, вышедшее из русского антикоммунистического подполья, помещенное в прошлом номере «Часового» заслуживает серьёзного изучения. В особенности важен беспристрастный отзыв о так называемых «демократах», присвоивших себе на западе право говорить от имени народов России, но в действительности, не пользующихся их доверием. Я хочу ответить на пункты, касающиеся меня лично.

Я, действительно, увлекся, давно и надолго, идеей народной монархии, и в этом смысле замечание письма совершенно верно. С 1964 года я вращался почти исключительно в монархических кружках русской молодежи, и в этом смысле мой опыт сильно отличается от опыта автора письма:

естественно, что и положение в России мы видим немного по-разному. Однако в очень важном пункте письмо из России подтверждает мои статьи в «Часовом». Оказавшись на западе, я был поражен фальсификацией положения в России. Утверждалось, что существует мощное «демократическое» движение и что народно-монархического, будто бы, не существует вовсе. Письмо из России подтверждает, что народно-монархическое движение несомненно есть и что группа Осипова очень близка народно-монархическим идеям и, как ясно из контекста, оно нисколько не слабее шумно разрекламированного на западе «демократического». На большее я, для начала, и не претендую.

Что касается некоторого расхождения между мною и автором письма, то замечу следующее: автор помнит, по рассказам очевидцев, ошибки и слабость династии конца 1917 года — эти ошибки, однако, изгладились из памяти национально-мыслящей молодёжи — они забыты или прощены. Мы помним лишь о создателях великой и благоденствующей империи, о ряде императоров ее правителей. Возможно, мы будем счастливы при национальной диктатуре, но слово МОНАРХИЯ осталось для нас зажигательным символом национальной, христианской, Святой Руси. И знакомая мне молодёжь дорожит этим вековым символом.

Александр Удодов

4. Вл. Осипов. *Предисловие к ж-ду «Земля», № 2, (редактор В. Осипов. Самиздат, Москва).*

«Но посуху приходят к нам лже-пророки. «Бог не есть Бог русских, но всего мира», — говорят они... Но слова их ложь. Бог живых не может быть Богом мертвому миру... Да грядет русский Бог во спасение миру!»

5. Обращение трех верующих, опубликованное в № 3 «Вече» (редактор В. Осипов. Москва, Самиздат).

*Преосвященный Владыка,
Богомудрый Архиепископ, пастыри и все
досточтимые члены Великого Собора!*

К Вам обращаемся мы со словами смиренной мольбы. Выслушайте нас и прострите свой мысленный взор на необъятные просторы нашего Отечества, на народ Божий, вверенный вашему духовному окормлению.

Нельзя молчать, когда общеочевидной стала чрезвычайно возросшая опасность со стороны организованных сил широкого сионизма и сатанизма. Молчание во всех случаях как образ поведения не только неэффективно, но и вредно, так как оставляет неясность и сеет во взаимоотношениях недоверие и подозрительность. Агенты сионизма и сатанизма, используя это, искусственно создают трения между Церковью и Государством с целью их общего расслабления.

Эти извечные враги Православной Церкви и нашего Отечества путем тенденциозного подбора и изложения фактов стремятся представить действия отдельных лиц в период смут и нестроений как деяние всей Церкви.

Они добиваются этого путем подстрекательства и фальсифицированной пропаганды, путем распространения псевдонаучных теорий, оправдывающих человеконенавистничество и безнравственность, стремясь отравить общество, в особенности интеллигенцию и молодежь, идеей анархического либерализма и аморализма, разрушить самые основы нравственности, семьи, государства.

Неверие и сомнение относительно всех духовных и национальных ценностей, космополитизм, распространение разврата и пьянства, чрезвычайное

умножение абортов, забвение и небрежность в исполнении своего семейного, родительского, патриотического долга, лицемерство, предательство, ложь, стяжательство и другие пороки — вот чем стараются они растлить наш народ и все человечество.

Многие из этих богохульников и разрушителей наших национальных, культурных и духовных ценностей нашли себе сейчас приют в сионистских центрах стран Запада, прежде всего в США, где функционирует церковь Сатаны, пользующаяся привилегиями «религиозного» учреждения.

Темные злые силы уже привели западное христианство к глубокому духовному кризису, о котором официально возвестил Папа Павел VI.

Ныне общеочевидной истиной стал тот факт, что мировой сионизм ведет коварную борьбу и против нашего государства извне и изнутри.

Осуществляя свою священную миссию спасения человечества от греха и его следствия, Церковь является нравственной силой и опорой государства в его благородной борьбе против сил разрушения и хаоса. Этот акт осознается все более широкими кругами нашей общественности.

Святейшие патриархи Сергий и Алексий глубоко сознавали важность установления и развития здоровых и искренних отношений между Церковью и Государством в новых условиях.

Одной из первых задач нашего времени является изыскание способов практического сближения с Государством на основе доброй воли, общих интересов и искренности, патриотического долга и полного невмешательства во внутреннюю жизнь Церкви».

*Иерей Г. Петухов, Иеродиакон Варсонофий,
мирянин П. Фомин.*

6. «Только освободительной борьбой», — А. Чемесова. («Посев» № 2, 76).

«Проблема русского национализма сложна не только потому, что у русского народа советская власть отняла историю, традиции, религию и т. п., а потому что понятие *русский* долгое время (да и сейчас еще) было понятием государственным, а не национальным. Была РОССИЯ — многонациональное государство и слово «*русский*» скорее определяло принадлежность к этому многонациональному государству (как сейчас «американец» может быть одновременно и *русский*, и англичанин, и грек, и еврей). Исторически сложилось, что *русский* народ оказался собирателем вокруг себя других народов (причем, в большей части никак не насильственно присоединяя, а беря под защиту!). И колоний как таковых у нас никогда не было: все присоединенные народы (даже путем насилия) тотчас же получали все гражданские права и становились равноправными гражданами России, сохранив одновременно свою национальную самобытность. Русификация происходила естественным путем, в силу русского государственного языка (но живя в границах своего народа, можно было в конце концов его и не знать!). При многонациональном государстве трудно обойтись без государственного языка».

7. «Почему разъединение?». А. Троицкий. («Посев» № 3, 76 г.).

... «Народы, входящие в состав нашей страны, никогда не были на положении колоний, и мы просто не смеем оставить их на милость шовинистических групп или властолюбивых авантюристов ...».

8. «Обособление или сближение?» Игорь Шафаревич, член-корр. АН СССР. («Из под-глыб»).

«Национальный сепаратизм и выступал как разрушающая старую империю сила и стимулировался пустотой, которая создавалась в душах уничтожением чувства общеимперского единства, высокой объединяющей цели» (стр. 101).

«Националисты... обычно требуют плебисцита, считая, что если большинство населения их области выскажется за отделение, независимость должна быть им предоставлена. Т. е. они считают, что вопрос может быть решен волей большинства голосов в их области, в то время, как во всем государстве они ведь составляют меньшинство. И наоборот, воля их — меньшинства в масштабе всей страны — должна быть решающей, в то время, как меньшинство жителей их области, не желающих отделения, должны подчиниться большинству» (стр. 112—113).

9. «Мой консультант Болотин» А. Суконик. («Континент» № 3).

«Вот оно, чеховское брезгливое, но гениальное пророчество: Соломон — предтеча будущих комиссаров. Теперь я прослеживаю линию, считаю родословие, — черное родословие сынов израильских в наши дни... Соломон породил комиссаров, ... Комиссары породили наркомов, те поставили комиссаров к стенке... Наркомы породили кого? Да его, разумеется, Болотина — кого еще!» (Болотин — еврей, чиновник. Ред.).

«Насколько лучше такого энергичного еврея лентяй русский! По крайней мере, хоть блефа нет никакого. Да и черного болотинского напора выдерживать не нужно, его мерзкого хамства и демагогии».

«... от одного нужно отказаться, от нутряной надменности, а это не для еврея... Насколько естественнее для еврея давить сверху!» (стр. 101).

«Мне (автору. Ред.) остается только радоваться, что никому уже сейчас в России не нужны люди с иудейским чутьем на идеологию, ...» (стр. 94).

«У Болотина должно быть поле деятельности, где царит абсолютное разрушение, абсолютное зло, ... и разрушение должно непрерывно осуществляться» (стр. 102). «Та самая зона абсолютного разрушения, которую предтечи Болотина получили в масштабах всей России» (стр. 106).

10. Вл. Максимов, *Редакционная статья*. («Континент» № 4).

«... польский поход был первым походом не русского, а советского империализма. Покорными и многонациональными войсками командовали: русский Тухачевский, грузин Сталин, венгр Бела Кун, армянин Гай, калмык Ока Городовиков, еврей Якир, а за их спиной стояли русский Ленин, поляки Дзержинский и Мархлевский, евреи Троцкий, Каменев и Зиновьев».

«В годы коллективизации полегли миллионы именно русских¹ крестьян».

Из интервью ж-лу «Сучасностъ» (апрель, 75 г.).

«Центральный комитет и наше правительство в большинстве своем состоят сегодня из украинцев».

11. «Сионизм на службе антикоммунизма». Из лекции В. Емельянова, прочитанной 7. II. 73 г. в Москве, в малом зале Центрального лекто-

¹ Более двух третей погибших тогда составляли украинские крестьяне. См. В. Гроссмана «Все течет», Солженицына и т. д.

рия Всесоюзного общества «Знание»²
(Емельянов — штатный лектор этого общества).

«На всех этих территориях (Мессопотамия, Сирия, Израиль) в древности жили индоевропейские народности — это наши с вами родственники... индоевропейцы — это персы, индусы, европейцы, в том числе, мы с вами (русский язык, возможно, древнее санскрита)... В 1250 г. до н. э. из Аравии хлынула... дикая семитская орда. евреи, под началом Иисуса Навина. У них была особая, своя идеология, и они были особенно жестоки. Они не переняли культуру, а уничтожили ее»...

«...в Палестине наступило тринадцативековое еврейское иго, которое по своей жестокости не уступает татарскому игу на Руси, которое длилось 2 века. У сионистов столько же прав претендовать на Палестину, сколько у татар — на Россию».

«На еврейской пасхе фигурируют 4 бокала вина. Эти бокалы символизируют 4 обещания, будто бы данных богом евреям. 1-й бокал — исход из Египта — выполнено, бокал выпивается; 2-й — приход в Палестину — тоже; 3-й — собирание евреев в Израиле после изгнания — выполнено тоже; 4-й бокал — обещание избавить евреев от всех трудов и снабжать их всем необходимым. Это еще не выполнено, и бокал не выпивается. Они ждут. Кто же, товарищи, обеспечит евреям все эти блага? Мы с вами, товарищи! По головам других народов евреи должны прийти к мировому господству. Известно, что сионисты планируют захватить власть над всем миром к 2000 году. У Гитлера в его лучшие времена было до 20% мировой экономики. И борьба против него обошлась нашему народу в

² Тексты всех лекций в СССР подлежат предварительному утверждению различных инстанций. Текст данной лекции был распространен в Самиздате.

20 млн. человек. Сейчас мировой сионизм контролирует 80% мировой экономики. Представьте, во сколько нам обойдется борьба против них. Поэтому изо всех фашистских партий мира сионизм имеет наиболее реальные шансы на мировое господство в 2000 г. Но я вам говорю: враг будет уничтожен. Но дело в том, какой ценой это будет достигнуто. Надо сейчас же готовиться к отражению сионизма. Сионисты хотят, чтобы за них воевало НАТО. (Смотрите книгу Большакова). Они усиленно советуют НАТО использовать в качестве агентуры в социалистических странах евреев, потому что евреи глубоко проникли в экономику социалистических стран, и не надо готовить новых шпионов, а надо использовать то, что есть. Захват сионистами печати еще больше. Пример монополизации сионистами средства массовой информации: после начала израильской агрессии президент Де Голль вполне естественно запретил поставки оружия агрессору. По этому вопросу была устроена пресс-конференция, но на нее из западных корреспондентов никто не пришел, были одни корреспонденты из социалистических стран. Какая наглость сионистов! Президент страны устраивает пресс-конференцию, а не ее сионисты не пускают корреспондентов.

Тоже было в Чехословакии. Печать Чехословакии была в руках сионистов. События в Чехословакии подготовили в основном сионисты. Крупнейшие сионисты — Ота Шик, Гольдштукер и другие — окружили Дубчека. Он был марионеткой в руках сионистов. Вы думаете кто выбирает американских президентов? Американских президентов делают между собой сионисты. Сейчас они распространяют тезис второй лояльности — неслыханно наглый закон: все евреи, независимо от желания, являются гражданами Израиля».

«Следующее направление сионистов — подрыв социалистического строя изнутри. Сначала проповедуется скепсис, далее — разложение молодежи. Распространяются песни, анекдоты, в которых утверждается, что все великие люди являются евреями, что Бетховен, Чайковский, Мусоргский, Шостакович — евреи, Колумб, Гитлер — евреи... Почему Гитлер? Потому что хоть он и был фашист, но все равно великий человек — значит еврей».

«Все это, товарищи, исходит из одного сионистского центра и направлено на развал нашего государства».

«Или возьмем фильм «Андрей Рублев». Это гнуснейший фильм за всю историю советского киноискусства. Каждая его новелла — плевок в лицо русскому народу!³ Вы помните, как татарский князь спрашивает русского, жалко ли ему сожженный русский город? Русскому не жалко, а татарину жалко. Что же это получается? Какой-то татарин, и то жалеет русский город, а русские, что же, все были предатели??! Этот фильм, товарищи, как и все остальное, — звено в цепи сионистских атак против русского народа. Они хотят натравить все народы Советского Союза на великий русский народ! А вы знаете, товарищи, что значит русский народ для Советского Союза!»

«Надо бороться с сионизмом, товарищи, не на жизнь, а на смерть. Пресекайте всевозможные слухи, песенки, разговоры, распускаемые сионистами. От этого зависит наша победа над сионизмом».⁴

³ Фильм «Андрей Рублев» создан Андреем Тарковским, русским по национальности. Сначала он был запрещен к показу, а затем, после ряда цензурных купюр, с большим успехом шел в СССР и за границей.

⁴ В целом, лекция В. Емельянова повторяет тезисы ряда книг, выпущенных в СССР в последние годы и посвященных «антисионистской» пропаганде. Например, «Осторожно, сионизм!» Ю. Иванова, «Иудаизм без прикрас» Т. Кичко.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

АНАТОЛИЙ ЛЕВИТИН-КРАСНОВ

«НЕИСПРАВИМЫЙ СОЦИАЛИСТ»

«Я социалист, Карамазов, я неисправимый социалист, — вдруг оборвал Коля ни с того, ни с сего. — Социалист? — засмеялся Алеша, — да когда же это Вы успели? Ведь Вам еще только тринадцать лет, кажется?»

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы».

Я почувствовал себя социалистом, когда я был всего лишь на 2 года старше Коли Красоткина, — в 15 лет. Уже тогда я объявил себя христианским социалистом. Смеялись. Теперь мне 60. Я и теперь объявляю, что я христианский социалист. И снова смеются.

Прежде всего, слово «социализм» сейчас, — указывают мне, — как будто бы и утратило смысл. Уж очень разные понятия в него вкладывают. Шведские социалисты и Мао. Лейбористы и Насер. Фанатичный магометанин Сукарно и фанатичный атеист Троцкий. Все социалисты, и каждый претендует на то, что его социализм единственно правильный.

Сейчас в социализме, как в русском старообрядчестве: что ни баба, то толк, что ни мужик, то поп.

Но если невозможно отыскать сходство между социалистами, то очень легко отыскать разницу между социалистом и несоциалистом.

■ Решительно все согласны с тем, что планета, на которой мы живем, для веселия, для счастья плохо оборудована, как говорил Маяковский. Ложь, насилие, эгоизм, нищета, разгул страстей — беспросветная тьма.

Так было и так будет! — скажет несоциалист. Ничего сделать нельзя. Самое большее — можно лишь кому-то чем-то помочь, лишь немного облегчить страдания людей.

Когда в 80-ые годы прошлого века один из первых английских социалистов Гайндман пришел к старику Биконсфильду и изложил ему свой план переустройства, знаменитый государственный деятель покачал головой и сжал руки. «Это слишком много», — сказал он. — Вы сможете англичанина уговорить сделать вот...» Биконсфильд чуть-чуть разжал руки... «Ну вот!» — он еще немного развел руки. «Но никогда не сможете заставить сделать вот так», — старческие руки протянулись вдоль стола. (См. Моруа «Лорд Биконсфильд»).

Возможно ли радикальное переустройство человеческого общества и обновление, преображение человеческой природы?

Социалист на этот вопрос ответит: «Да!»

Несоциалист также твердо и не задумываясь ответит: «Нет!»

И это «Нет!» будет подтверждено голосами всех предшествующих поколений.

И это «Нет!» будет подтверждено миллионами тех, кто погиб в советских концлагерях.

И это «Нет!» будет подтверждено миллионами тех, кто уморил их в лагерях.

Советский, китайский, албанский, кубинский эксперименты — возможно ли более наглядное опровержение всех и всяческих социалистических доктрин и теорий?

Сталин, Ежов, Берия, «хунвейбины», советские

«психушки», порабощение целых народов — можно ли не испытывать отвращение к самому слову «социализм», не испытывать чувство гадливости, брезгливо не отвернуться от этого опоганенного знамени?

Что можно противопоставить этому уже вековому опыту развития социализма? Выкладки «Капитала»? Но разве дело только в том, чтобы «средства производства» передать в руки государства или общины? Будет ли эта община менее деспотична, чем капиталист? Будет ли надсмотрщик менее беспощаден и прожорлив, чем буржуа?

«На место цепей крепостных
Люди придумают много иных», —

пессимистично покачивает головой Некрасов.

«При социализме придется учредить такое количество чиновников, что они съедят $\frac{3}{4}$ всего, что будет заработано людьми», — сказал Л. Н. Толстой в своем интервью корреспонденту «Русского богатства» в 1891 г.

«Если хотите узнать будущее человечества, присмотритесь, как ненавидят друг друга социалисты», — с редкой проницательностью заметил он же.

И все-таки — и все-таки человечество продолжает мечтать, продолжает верить, продолжает стремиться, хранит в своем сердце идеал всемирного братства, объединяющего всех людей на земле, — свободных, счастливых, совершенных. Идеал общины, в которой не будет ни богатства, ни государства, ни сильных, ни слабых, — общины, от которой и взял свое имя социализм.

Человечество — неисправимый социалист.

■ Я шел к социализму от христианства. Я пристально читал Евангелие, я слушал его с детства в церкви, еще ребенком я часто целовал эту обложенную золотом книгу, как это полагается за воскресной всенощной в православной церкви.

Мне глубоко запали еще тогда слова Христа о греховности всякого богатства, о том, что легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в Царствие Божие. Я крепко запомнил слова Христа о том, что нельзя служить Богу и богатству одновременно. Меня уже тогда поразил страшный радикализм этих слов, как он поразил и древних переводчиков, которые неслучайно оставили слово «богатство» непереведенным, обозначив его еврейским словом «мамона».

Меня особенно пленяла заповедь Христа: «Посмотрите на птиц...». И я смотрел на птиц, легких, свободных, не заботящихся о том, что есть и во что одеться.

И я с недоумением спрашивал себя, откуда у христианина может взяться богатство.

Как может владеть землями, заводами, банками человек, руководствующийся правилом: «Если есть две одежды, одну отдай неимущему!».

И я спрашивал себя: для чего приходил Христос? Неужели только для того, чтобы предложить человечеству недостижимое, нереальное, невозможное?

Мне говорили, что это только идеал, что на практике заповеди Христа невыполнимы. Я слышал также, что это утопия, что это золотая сказка, навеянная человечеству. Что это опиум и обман.

Но стоило мне лишь услышать эти слова, я чувствовал острую боль и воскликнул со всем жаром верующей души словами одной из предпричастных молитв: «Истинно слово всяко Владыки и Бога моего!».

Если бы не был достижим этот идеал — общество без богатых и бедных, без властителей и подчиненных — не дал бы его Христос!

Со времен Маркса считается хорошим тоном свысока третировать утопических социалистов за их наивность и непрактичность. Между тем на практике оказывается, что именно так называемый научный социализм еще более наивен.

Конечно, смешно, когда Фурье ожидает ежедневно капиталиста, который даст ему миллион на устройство фаланстера, — и тогда Царство Божие прийдет на землю.

Но не еще ли смешнее, когда практичнейший Ленин утверждает, что если будет электрифицирована Россия и сохранится советская власть, то это будет коммунизм? Как известно, Россия уже 40 лет, как электрифицирована, и то, что называют советской властью, уже существует 60 лет, а коммунизма все нет как нет. И благочестивые ленинцы не знают, что делать с этим высказыванием своего мессии.

Конечно, смешно, когда тот же Фурье хочет сделать социалистами сторонников Орлеанской династии указанием на то, что при социализме падут легитимные предрассудки и у дочерей узурпатора Луи-Филиппа, на которых не хотят жениться принцы крови, от женихов отбоя не будет, — но не еще ли смешнее попытка Хрущева привлечь к коммунизму людей тем, что при коммунизме они будут иметь квартиры с ваннами (правда, без «архитектурных излишеств»). Как будто без коммунизма этого никак нельзя достигнуть.

Социализм — это не квартиры, не ванны, не тракторы, социализм — это, прежде всего, внутрен-

нее преобразование человечества. Это создание нового человека, любящего, сострадательного, чистого, одухотворенного. Того, образ которого дан в Евангелии.

Когда-то Фома Кемпийский дерзновенно озаглавил свою книгу о мистическом делании «Подражание Христу».

Социализм может быть только «подражанием Христу» в социальном плане, или его нет вовсе.

Христос отверг всякую земную власть, опирающуюся на насилие, Христос скрылся, узнав, что Его хотят поставить царем; Христос сказал, что Он пришел не для того, чтоб Ему служили, но чтобы послужить людям.

И социализм прежде всего должен отвергнуть тоталитарную государственную власть во всех ее видах и проявлениях.

Христос говорил, что, кто хочет быть первым, тот должен быть всем слугой.

Но какова роль слуги?

Прежде всего та, что он никому своих услуг не навязывает, что он ждет, когда его позовет хозяин, и тотчас уходит, как только хозяин скажет, что он больше не нуждается в его услугах . . .

Я никогда не сочувствовал вульгарной пропагандистской ругани в адрес Ленина (уж слишком она напоминает крыловскую басню «Слон и моська»). Кто бы он ни был, он прежде всего был гений, и нет сомнения в его субъективно честных намерениях, переходящих порой в маниакальную одержимость.

И я спрашиваю себя, с чего началась главная ошибка Ленина.

Читая внимательно дореволюционного Ленина,

я нахожу там одно маленько словечко, или (точнее) два словечка. Словечки эти: «Захват власти».

С этого-то все и началось. Раз власть надо захватить силой, значит, надо ее и удерживать силой. Вот об этот соблазн насильтственного захвата власти, а затем насильтственного удерживания власти во что бы то ни стало и споткнулся социализм в России.

И чтобы возродиться, обновиться, социализм должен, прежде всего, отказаться от этого страшного соблазна — от идеи захвата власти и желания удерживать ее несмотря ни на что.

«Здесь Родос, здесь пляши!» — Мы нашли главный очаг гноя — причину сепсиса, которым страдает сейчас мировой социализм. После шестидесятилетнего русского опыта это до такой степени ясно, что это признают теперь даже наиболее честные и умные коммунисты. Между прочим, отказ от насильтственного захвата власти провозгласили Итальянская и Французская Коммунистические партии. Трудно сказать, насколько это искренно, но если это не словесная мишуря, то это означает полный отказ от основ ленинизма. Коммунизм, отказавшийся от насильтственного захвата власти, осуществляющий свою власть в парламентских формах, отказавшийся от однопартийной системы, — это уже не коммунизм, а самая настоящая социал-демократия.

Правда, один старый коммунист и советский дипломат в дружеском откровенном разговоре со мной (это было лет 15 назад) сказал: «Можно создать такую многопартийную систему, что она будет хуже любой однопартийной. Достаточно Вам сказать, что в ГДР существует многопартийная система».

Конечно, я не сомневаюсь в том, что многие коммунисты лелеют мысль именно о такой систе-

ме. Но уже одно то, что они принуждены теперь говорить о парламентаризме, показывает, как глубоко внедрилась в массы идея демократического социализма.

«Не знаете, какого вы духа», — сказал Христос двум братьям — Иоанну и Иакову, когда они предлагали Ему низвести с неба огонь на город, жители которого не хотели Его к себе пустить.

Дух насилия над инакомыслящими, стремление крестить «мечом и огнем» — это дух дьявольский, дух человеконенавистничества. И его в первую очередь следует отвергнуть мировому социализму . . .

«Вы знаете, что те, которые считаются начальниками над народами, господствуют над ними, и вельможи показывают над ними свою власть, но не так между вами. Но кто хочет стать великим между вами, пусть будет вам слугой; и кто хочет быть первым между вами, пусть всем будет рабом». (Марк 10, 43—44).

Мы выделили курсивом слово «всем». Обыкновенно на это слово мало обращают внимания. А между тем в этом слове вся суть социальной системы Евангелия. Социалистическая власть должна быть рабом всех. Никому никаких привилегий; никаких новых классов, никаких привилегированных слоев населения. Полное равенство всех, никакой дискrimинации ни в чем.

И полное имущественное равенство. Каждому нужно жилище, одежда, еда и питье. Каждый должен иметь возможность содержать семью, воспитывать детей, иметь время для отдыха.

А что сверх того, то от лукавого. Роскошь никому не нужна, потому что никому не полезна.

Сейчас в нашей эмиграции модно плевать на Маркса. Впрочем, наши «маркофобы» и не думают опровергать ни теории прибавочной стоимости, ни теории кризисов, ни «капитала», а ограничиваются мещанскими сплетнями о том, что марксисты проповедуют «разврат».

Мы также не принадлежим к сторонникам марксизма; однако мы слишком высокого мнения о людях, и если существует идея, которая уже сотню лет владеет умами десятков миллионов людей, мы не можем поверить тому, чтоб в этой идее не было бы ничего правильного; не так уже глупы и не так уже плохи люди.

(Что же касается «разврата», то, как известно, и Людовик XIV, и Людовик XV, и маркиза Помпадур весьма преуспевали на этом поприще и без помощи марксизма).

Смешно делать из Маркса какого-то пророка, нового мессию, — но еще смешнее отрицать, что он (подобно Гераклиту и Аристотелю) открыл некоторые законы общественного развития. В этом нет ничего удивительного: христианская церковь, как известно, никогда не боялась признать заслуг языческих мудрецов, когда они близко подходили к истине; причем не только Гераклиту и Аристотелю, Виргилию и автору Сивиллиной книги, но многие христианские писатели воздают должное и врагу христианства, обагрившему свои руки кровью мучеников, — императору Марку-Аврелию.

Величайшим завоеванием научной мысли является теория прибавочной стоимости, до сих пор не только никем не опровергнутая, но, наоборот, все значение которой проясняется только в наши дни, когда неумеренно возросла цена производства, — когда капиталистам приходится ассигновывать

огромные суммы на все возрастающую зарплату рабочему; объяснить без помощи прибавочной стоимости, откуда берет капиталист свои доходы, становится еще более невозможным, чем сто лет назад.

Следует отметить, что покойный отец Сергей Булгаков до конца своих дней признавал правильной теорию прибавочной стоимости.

Но если без теории прибавочной стоимости трудно объяснить современное капиталистическое производство, то уж совершенно невозможно объяснить без ее помощи современную советскую экономику. Каким образом, несмотря на чрезвычайно низкую производительность труда, весьма отсталую технику, очень несовершенную систему управления производством, советская экономика не только не проваливается, но является основой грандиозной пирамиды, состоящей из огромной армии, советского и партийного бюрократического аппарата, неисчислимой своры соглядатаев и надсмотрщиков, и кроме того осуществляет неслыханную по своим масштабам глобальную политику? Ответ тут может быть только один: избыточная прибавочная стоимость. Собирательный капиталист — советское государство — обеспечивает рабочему лишь самые минимальные потребности, а все остальное кладет себе в карман.

Основным вопросом социализма является: кому на пользу идет прибавочный продукт? В демократических странах (после напряженной борьбы) народ добился того, чтобы большая часть прибавочного продукта приходилась на его долю. Благодаря этому предсказания Маркса об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса не осуществились. В СССР рабочему классу этого не удалось добиться: там львиная доля прибавочной стоимости идет на удовлетворение интересов но-

вого класса — класса надсмотрщиков, заинтересованного в утверждении своей власти при помощи полиции, в беспощадном подавлении всякой оппозиции и мечтающего о мировом господстве.

Насколько долго продлится подобное положение, зависит от народов, населяющих СССР, и, в первую очередь, от русского народа.

А теперь вернемся опять к Коле Красоткину — милому русскому мальчику из «Братьев Карамазовых».

«Я социалист, Смурров». — «А что такое социализм?», — спросил Смурров. — «Это коли все равны, у всех одно общее имение, нет браков, а религия и все законы как кому угодно, ну и там все остальное.» («Братья Карамазовы» т. 2, ч. 4, кн. 10, гл. 3).

Устами младенцев глаголет истина. Попробуем перевести программу Коли Красоткина с мальчишеского языка на язык более зрелого человека.

1. «Все равны».

Никакой дискриминации, никакого национального гнета, никому никаких привилегий; никаких сословий, наследств. Каждый получает то, что заслужил по своим способностям, в обстановке свободного соревнования.

2. «Одно общее имение».

Национализация всей крупной промышленности, банков, земных недр. Производственная демократия. Все должности (директора, управляющего, главного инженера) выборные. Всем обеспечивается необходимый минимум для безбедной, привольной жизни (но без всякой роскоши). Всем, кроме лодырей и тунеядцев, по принципу Апостола Павла: «Кто не работает, тот да не ест».

3. «Нет браков» — в смысле государственного принудительного сожительства. Но над всем царит единый нравственный закон.
4. «А религия и все законы, как кому угодно».

На юридическом языке это означает безусловную, неограниченную свободу совести и убеждений, причем каждому предоставляется право проповедовать, пропагандировать их любыми средствами.

5. «Все остальное».

Вот в этом «остальном» все и дело.

Все эти великие преобразования могут явиться могучим стимулом к новому восхождению человечества, к новым вершинам и могут явиться верным путем к его полному вырождению.

Покойный «красный адмирал» Раскольников в своем замечательном предсмертном письме Сталину обронил знаменательную фразу: «Вы построили социализм без любви к людям!»

Это так у него, между прочим. А между тем это и есть самое главное.

Если не будет любви между людьми, — то никакой всемирной общины не получится, а получится единая, всемирная коммунальная кухня, где все друг другу плюют в кастрюльки и вцепляются в волосы.

И еще, если не будет чистоты, одухотворенности, — то будет разгул животных страстей, звериных инстинктов, жизнь превратится в сплошной кабак и публичный дом (или «Эротическое кабарэ», как здесь, на Западе, принято говорить).

Зачатки всего этого мы и видим в современной жизни. Но, к счастью, видим и другое: вспоминая о 20-ом веке, историки упомянут не только о кровопролитных войнах и диком произволе, фашизме, сталинизме, но и о неогуманизме.

Историки вспомнят имена не только Гитлера, Муссолини, Сталина, Мао-Цзе-Дуна, — но и имена Л. Н. Толстого, Махатмы Ганди, Мартина Лютера Кинга, Папы Иоанна XXIII, академика А. Д. Сахарова.

Не пропал бесследно их «скорбный труд и дум высокое стремленье».

Все большее количество людей проникается их духом, их светлыми идеями. И новый социализм должен быть, прежде всего, гуманистическим социализмом.

Современный гуманизм, представленный перечисленными выше именами, отличается от традиционного гуманизма тем, что не только лишен всякой антирелигиозной окраски, но в значительной степени является реминисценцией евангельских идей.

Можно сказать, что современный неогуманизм — это мост к Евангелию, к христианскому возрождению человечества.

И уже ясно через него проступают контуры будущего христианского социализма, основанного на заповедях Любви и Чистоты, которые с наибольшей силой выразил Иисус Христос, Единородный Сын Божий и Первородный Сын Человеческий.

АНАТОЛИЙ ЛЕВИТИН-КРАСНОВ

ПИСЬМА О РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Тема «русского мальчика» — любимая тема Ф. М. Достоевского. Она проходит красной нитью через все его творчество.

Особенно часто он затрагивает эту тему в последние годы своей жизни: в конце семидесятых годов прошлого века он посвящает этой теме особый роман «Подросток», а в его знаменитом предсмертном романе «Братья Карамазовы» целые главы (как будто не связанные с основным сюжетом) посвящены этой теме.

Великий писатель, страстно и мучительно влюбленный в Россию, перед смертью пытливым взглядом всматривается в образ русского юноши, как бы стремясь угадать будущее своего народа.

И мы (люди моего поколения), уходящие сейчас из жизни, также пристально и проникновенно всматриваемся в бесконечно дорогие нам лица русских мальчиков и девочек.

Аналогия с Достоевским нескромна, но вполне законна: ведь и мы, как и он, уходим из этого мира в тот момент, когда Россия находится на роковом повороте, — и опять от ее молодежи зависят судьбы мира.

Что видим мы в их лицах?

Прежде всего, опять приходит на ум литературная аналогия. А. А. Блок после революции 1905-го года писал:

«Есть немота, то зов набата
Заставил затворить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота».

Это закономерность. После эпохи бури и на-

тиска всегда приходит поколение усталых, внутренно опустошенных, скептически настроенных людей. Так было после Великой Французской Революции и наполеоновских войн, когда на долгие десятилетия типичным представителем европейской молодежи стал байроновский Чайльд-Гарольд. Так было после 1-ой и 2-ой мировых войн: герои Хемингуэя, Ремарка, Белля — это все явления одного и того же порядка, люди, несущие бациллы опустошенности, разочарования, глубокой душевной усталости.

В России опустошенность молодежи носит своеобразный характер: это, прежде всего, глубокое разочарование в идее коммунизма, верой в который жило три предшествующих поколения.

С коммунизмом не борются, с ним не спорят, его не проклинают; с ним случилось нечто гораздо худшее — над ним смеются.

Вот, например, урок в одной из московских школ рабочей молодежи. 10-ый класс. Аудитория — человек 30 рабочих парней и девушек. Тема: А. М. Горький, «Мать». Учительница цитирует: «При социализме все люди будут жить как бы с душой наружу», — взрыв хохота. Нет ни одного человека, который не смеялся бы. «Коммунизм — это светлое будущее человечества», — новый залп хохота.

Среди молодежи бытует анекдот: в древнем Риме, около Колизея, протянут плакат: «Да здравствует феодализм — светлое будущее человечества!» Этот анекдот очень характерен. Главная мысль: всегда ожидали светлого будущего, и никогда из этого ничего не выходило.

Ленин, обаяние которого еще сильно в России, перед которым все еще благоговеют и преклоняются, — в молодом поколении неожиданно становится героем анекдотов. Анекдоты эти обычно незлые,

добродушные, — образ Ленина здесь показан через дымку юмора, но все же для предшествующих поколений это было бы совершенно невозможно. Анекдоты снижают романтику гражданской войны, показывают богов простыми, обыкновенными людьми. Вот, например, Ленин говорит жене: «Надя! Что это у нас ночью на лестнице, все время какие-то ведра звякают?» Ответ: «Это железный Феликс ночью с пьянки возвращается!» Так вышучивается официальная романтика: «Железный Феликс» — это обычный эпитет, который прилагается советскими поэтами и прозаиками к Дзержинскому.

В то же время у большинства советской молодежи нет никаких симпатий и к капитализму. В России идет уже пятое поколение, не знающее капитализма. Даже у 80-летних стариков осталось лишь смутное о нем воспоминание (ведь в момент революции им было всего 22 года). У советских парней и девушек плохо умещается в головах, что фабрики, заводы, банки могут принадлежать частным лицам. Еще невероятнее, что все эти ценности могут передаваться по наследству. Среди советской молодежи нет сейчас прежней воинственной ненависти к капитализму, нет желания идти свергать, убивать капиталистов, громить, сражаться на баррикадах, нести на Запад коммунизм, как это было в 20-ых, 30-ых годах, но в то же время в голову не приходит, что капитализм может иметь какое-то отношение к нашей жизни. Капитализм — это столь же далекое, туманное, — почти как коммунизм.

Из этого не следует, что в России нет сторонников капитализма и даже монархии, — они есть, как есть до сих пор во Франции роялисты, но не они типичны для нашей молодежи.

■ Итак, вакуум. Ни коммунизм, ни капитализм. Так что же?

У многих вакуум заполняется довольно просто. Старое русское средство: топить отчаяние в водке.

Водка — этот злой гений России — никогда еще не праздновала такого полного, такого совершенного триумфа, как в наши дни.

Но и здесь оказывается особенность русской души.

«Русский человек широк. Я бы сузил», — говорит у Достоевского Митя Карамазов.

Широк русский парень и в пьянке. И в пьяном виде — великодушные порывы. И в то же время — пьяное безобразие.

Митя Карамазов живет в каждом русском парне. А Митя Карамазов в советской интерпретации — Сергей Есенин. Надежда Мандельштам в своих мемуарах пишет, что сейчас на первый план вышла четверка поэтов: Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Анна Ахматова и Марина Цветаева. Но это относится только к немногочисленному кружку эстетствующей молодежи. Где им всем четырем до Есенина! Где до Есенина официальному поэту Маяковскому! Сами Пушкин и Лермонтов — старые русские любимцы — должны уступить первое место Есенину. Заговорите с любым молодым шофером, слесарем, токарем, деревенским парнем. И он вам будет читать наизусть Есенина, — а если вы ему скажете какое-либо стихотворение Есенина, которого он не знает, — он все бросит, обо всем на свете забудет и начнет списывать это стихотворение и заучивать его наизусть. Почему так? Да потому что Есенин — он сам. Тот же пьяный разгул и пьяные слезы. Тот же великодушный порыв и то же безобразие. Если бы он мог писать стихи, написал бы то же самое.

Помню в лагере одного парня. Володя Трохимчук. Сидел за хулиганство. Хороший был парень. Писал стихи и повести и мне показывал. Ко мне относился как к отцу родному. И со всяким готов был поделиться последним куском хлеба. Интересовался религией. Освобождался — имел самые широкие планы: писать, учиться, познакомиться со священниками. Вышел. Приехал в деревню. Пошел на могилу умершей без него бабушки. Обнял больного отца. А тут пришли ребята, выпили; кто-то предложил идти разбивать ларек с водкой. Как можно отказаться от такого лестного предложения? Пошли, разбили, — попался, все принял рыцарски на себя, — получил пять лет лагерей. На воле пробыл два дня, у себя дома — один день.

Таков русский парень. Русский парень без прикрас.

Но бывают, конечно, и другие. Более вдумчивые, более чистые, «алчущие и жаждущие правды».

Они ищут положительных идеалов. Им нужно чем-то жить, за что-то бороться.

Ищут и находят. Они, прежде всего, борются за свободу, за права человека. Все русское демократическое движение последних лет, весь так называемый Самиздат — все вышло из этого бунта мальчишек и девчонок, который начался в конце 50-ых годов и продолжается до сих пор; уже вторая смена русских мальчиков и девочек приходит и уходит, уступая место третьей.

Но не все уходят: уходят слабые, экспансивные, чьи бунтарские настроения испаряются с женитьбой. Но другие остаются, — и именно из среды молодежи вышли такие отважные борцы, муже-

ству которых дивится мир, как Владимир Буковский, Юрий Галансков, Виктор Хаустов, Габриэль Суперфин и многие другие.

■

До сих пор молодежь является главной опорой всех оппозиционных групп и течений. И А. Д. Сахаров, и члены Инициативной Группы защиты прав человека, и другие лидеры без молодежи бессильны: именно бородатые мальчики и девочки в брюках перепечатывают протесты, распространяют их, передают за границу. И толпами стоят у дверей, когда судят товарищей.

■

Особое место занимает религиозная молодежь. Как известно, уже в течение 60-и лет атеизм является господствующим течением в СССР, всякое религиозное обучение малолетних запрещено под страхом тягчайшего наказания. Таким образом, выросло целое поколение, ничего не знающее о Христе, имеющее лишь самое туманное представление о религии. Казалось, молодые поколения безвозвратно потеряны для религии. Но вот пришел 1956 год — год 20-го съезда Коммунистической Партии, год свержения культа Сталина — переломный год русской жизни. А затем потекли годы исканий, метаний, поворотов — годы борьбы. И молодое поколение в своих исканиях смысла жизни наткнулось на маленькую книжечку — книжечку заброшенную, запыленную, завалывшуюся у бабушек по углам, — совсем маленькую книжечку, в мягком переплете, изданную лет 50—60 тому назад, на заглавном листе которой написано: «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа».

И в русскую жизнь входит новое явление — религиозная молодежь.

Евангелие перепечатывают машинистки, евангелие переписывают от руки, евангелие выхватывают из рук туристов, евангелие покупают за бешеные деньги на черном рынке. Евангелие становится настольной книгой у многих мальчиков и девочек, среди которых немало детей коммунистов и даже чекистов.

Молодежь ищет религиозных учителей и наставников, и, как всегда бывает, потребность вызывает новых деятелей. Появляются давно уже невиданные на Руси вдохновенные проповедники, такие, как священники отец Димитрий Дудко, отец Александр Мень и другие, объединяющие вокруг себя религиозную молодежь. Появляется религиозный самиздат — статьи, написанные в защиту религии, одним из авторов которых был и пишущий эти строки.

Крещение взрослых молодых людей — детей неверующих родителей — становится обычным явлением.

Среди интеллектуалов очень ярко обозначается тяга к Православной Церкви, — здесь играют определенную роль традиции русской культуры: Достоевский и В. С. Соловьев, С. Булгаков и Бердяев, Флоренский и Мережковский, чарующая прелесть древних русских иконописцев (Андрея Рублева и других) и очарование новой религиозной православной живописи (Васнецова и Нестерова).

Наряду с этим растут религиозные секты. Среди простого народа, среди рабочих и колхозных парней, все больше появляется баптистов, адвентистов, пятидесятников и свидетелей Иеговы. К ним привлекают простота, проповедь евангелия на общепонятном языке, моральная чистота. Гонения властей не могут приостановить рост этих сект.

В то же время повсеместно растет среди молодежи интерес к йогам, к оккультным наукам, к спиритизму — и к прочим мистическим знаниям.

Все это на фоне глубокого разочарования в материалистической философии и в повседневной практике коммунизма.

Все эти явления очень беспокоят правящую верхушку. Видя, что официальная пропаганда беспомощна приостановить брожение в среде молодежи, правительство становится на испытанный путь репрессий: драконовские приговоры следуют один за другим. Мало того, некоторые коммунисты подумывают и о совсем уж допотопных методах воздействия. Не далее как десять лет назад ученый марксист Скурлатов — преподаватель диалектического материализма в Московском институте путей сообщения — подавал в ЦК КПСС докладную записку, в которой предлагал «всюду и везде восстановить для молодежи... телесные наказания». «Розга — лучший учитель! Удар по телу бодрит дух!» — в восторге восклицал сей ученик Маркса и Энгельса.

Увы! Все тщетно.

Молодежь все больше теряет страх и уважение к авторитетам. Молодежь идет вперед!

И мы, старики, спокойно передаем ей нашу эстафету: молодежь без нас будет продолжать, как и мы, ошибаясь и петляя, путь к Правде и к Свету!

Я говорил о русской молодежи. Среди нее я провел всю свою жизнь, и она ближе всего моему сердцу.

Что касается молодежи других национальностей, то среди них разочарование в коммунизме еще более остро, — и у них поиски новых жизненных путей сопровождаются пробуждением национального сознания, — борьбой за сохранение национальной культуры.

Русская молодежь не имеет никаких оснований им в этом препятствовать.

ПОЛИТИКА И ПРАВДА

Я бы давно был гораздо умнее нынешнего, если бы мне доставлялась верная статистика.

Н. В. Гоголь — О. А. Смирновой
22 февраля 1847.

Много ли противников у советского режима? Каждый из нас, недавних граждан СССР, задавал себе этот вопрос, да и продолжает спрашивать себя об этом до сих пор. Может быть и режим спрашивает себя о том же, не находя ответа? Впрочем, вторая гипотеза сомнительна: запретив всякое проявление свободной печати и слова, он ничего не знает (и, кажется, не хочет знать) о состоянии умов, о своих сторонниках и противниках. У нас давным-давно привели в негодность инструменты, с помощью которых можно было бы измерить умонастроение народа. Разбили все градусники и все барометры, полагая, что отсутствие измерительных приборов означает в то же время и отсутствие атмосферных колебаний или потрясений. Власть зажмуривается — и не только, чтобы не видеть, но чтобы думать, что внешний мир не существует. Власть лишает себя зрения и слуха. Ослепнув и оглохнув, она начинает воображать, что все идет к лучшему в лучшем из миров, который — для вождей Советского Союза — лишен красок, форм и звуков. Удивительная, фантастическая картина: гигантская страна, управляемая не желающим ничего знать безглазым и безухим существом. Эта метафора однако верна: наша реальность сюрреалистична.

Они ничего не знают, и потому боятся всего. Не зная своих настоящих врагов, они боятся призраков: их страшит каждый человек, каждая книга, каждое слово — все может оказаться воплощением Сатаны. Охота за ведьмами всегда — следствие невежества.

Необходимо, чтобы читатель понял, чего же именно страшится советская власть. Прежде всего, правды о своем обществе. Одна из наук, которая внушает наибольшее недоверие — социология. Никто ничего не знает и не хочет знать о составе современного общества, о процессах, которые идут внутри классов, образующих советский мир. Какова структура нынешнего рабочего класса? Существует ли пролетариат и (если он существует) что отличает его от пролетариата 50-х и 60-х годов? Есть ли антагонистические противоречия между квалифицированными рабочими и другими, составляющими большинство городских рабочих? Каков характер современного крестьянства и что за перспектива у этого класса? Что собой представляет современная интеллигенция, какова ее роль в обществе и ее взаимоотношения с крестьянами и рабочими? Каковы реальные доходы советских граждан? Ведь эти доходы ни в какой степени не соответствуют официальной заработной плате, поскольку они обычно представляют собой эту заработную плату плюс то, что украдено, утаено, унесено у государства. Воровство стало фактом не только привычным, но и неминуемым, — жалованье во многих случаях значительно ниже прожиточного минимума; но не станут же власти допускать изучение воровства как социального и эко-

* В сборнике публикуется расширенный, существенно дополненный вариант статьи, первоначально опубликованной в журнале «Politique aujourd’hui» (июль, 1975, Париж).

номического явления? Подобное исследование сочли бы клеветой на социализм, развенчанием советского режима в угоду западным импералистам. Воспрещается изучать те зарплаты, которые ниже прожиточного минимума, воровство, которое их восполняет, отношение трудящихся к государственному имуществу и к той продукции, которая создана их руками и их головой. Все это — чревато опасностью, потому что может натолкнуть на неприятные выводы, доставить отрицательные эмоции, даже заставить усомниться в каких-то аспектах нашей экономической системы. К этим бомбам лучше не подходить, — опасностей можно избежать, минуя неразрешимые проблемы...

Разумеется, в СССР существуют социологические лаборатории и даже целые институты. Там составляют длинные анкеты, собирают материалы, защищают диссертации. Но всякий раз, как учёный приближается к заминированному участку, его останавливает окрик: «Стоп! Не переходи границу!» Участок остается заминированным, а общество — неведомой землей, *terra incognita*. Я знаю молодых и немолодых социологов, которые в отчаянии бросали любимое дело, не желая заниматься чисто формальными, академическими диссертациями, — они имели несчастье подступиться к темам запретным: прожиточный минимум разных категорий населения сопоставительно с таковыми же на Западе; уровень подготовки специалистов в СССР и США; любительство и профессионализм в спорте; внедрение технологических изобретений в народное хозяйство, рентабельность тех или иных хозяйственных отраслей; удовлетворенность населения конкретными формами бытового обслуживания; знакомство разных слоев общества с направлением и программами современ-

ных политических партий и т. п. Каждая из названных тем может быть в лучшем случае материалом для газетного фельетона или журналистского очерка, но не — углубленного социологического изучения.

На Западе с трудом представляют себе, как многообразно и расплывчично в Советском Союзе понятие государственной тайны. Казалось бы, велико ли государственно-политическое значение такой проблемы, как профессиональный и любительский спорт? Все наши гимнасты и футболисты, бегуны и лыжники, конькобежцы и хоккеисты, так часто побеждающие своих соперников на олимпийских стадионах, все они — студенты, аспиранты и рабочие, а значит — любители. Каждому известно, что это — блеф, что советские рекордсмены лишь числятся на работе, на самом же деле безусловные профессионалы. Но это — государственная тайна, и социолог, который посмеет заниматься социальной структурой советского спорта, окажется злумышленником и клеветником; ведь если он придет к выводу, что у нас нет рекордсменов-любителей, он лишит нас всех наших чемпионов, а значит подведет советский спорт, подорвет его международный авторитет. Допускаю, что начальство подчас добросовестно заблуждается: оно может всерьез верить в то, что чемпион по фигурному катанию — студент, а шахматный гроссмейстер — журналист. Оно может верить в этот блеф, потому что спортивные руководители заинтересованы в блефе, а начальство тоже предпочитает не знать того, что знать невыгодно и неинтересно. Оно не желает знать истину, и потому не знает ее. Оно предпочитает ложь, потому что ложь — выгоднее. Попытаться разоблачить обман значит совершить поступок антипатриотический; ведь, как

известно, по международному олимпийскому уставу в играх могут участвовать только любители. Ну, а если социолог докажет фактами, что 98% наших чемпионов — профессионалы? И если, вследствие такого объективного исследования, Олимпийский комитет выведет советских профессионалов за пределы соревнований? И если Советский Союз, привыкший итти во главе таблицы, окажется ниже не только США, но и (страшно подумать) ФРГ? Слетят со своих постов председатели нашего Олимпийского комитета, председатель Комитета по делам спорта при Совете Министров и еще многие другие. За правду, приоткрытую социологом. И не только начальство будет возмущено, но, вероятно, и телезрители будут негодовать: они так привыкли радоваться нашим успехам и гордиться ими...

Таков этот первый страх: *страх перед знанием*. Есть еще другой: *страх перед произнесением вслух*.

Всем советским людям известно, что евреев на ответственные административные и академические должности не берут, что власти препятствуют их приему в университеты, и, в еще более категорической форме, в научно-исследовательские институты и даже больницы. Каждый начальник отдела кадров знает, что нужно делать, когда еврей подает заявление на вакантное место: он прибегает к доводам ложным, но неотразимым, вполне безобидным и все же достаточно прозрачным, чтобы вам было понятно: на это место вас не примут никогда. Так вот, это — *страх перед произнесением вслух*.

В городе Ашхабаде произошло землетрясение; все говорят о нем, но газеты и радио — молчат. Для Советского Союза — ничего не случилось:

утром граждане завтракают, потом спешат на работу — как если бы ничего не произошло. Раз о землетрясении не говорят, значит его, может быть, и не было, как не было пожаров, наводнений, засух, тайфунов, кораблекрушений. Это ведь так неприятно, все эти стихийные бедствия, это так действует на нервы! Чтобы успешно строить социализм, надо избегать отрицательных эмоций. Истина? А что нам делать с истиной, если она не служит нам на пользу? Разумеется, за стихийные бедствия не правительство отвечает, но лучше помалкивать, чем возбуждать страсти, которые ведь всегда могут обратиться против руководителей. Это — страх перед произнесением вслух.

Когда-то маркиз де Кюстин, автор замечательной книги «Россия в 1839 году», одну из глав этой книги начинал так: «В России никогда ничего не происходит. Здесь не бывает ни наводнений, ни пожаров, ни крушений...» Прошло почти полтора века, Россия николаевская стала советской, а наблюдения маркиза де Кюстина справедливы по-прежнему. Почему такая удивительная устойчивость предрассудка? Перед нами интереснейший психологический феномен, начисто отсутствующий на Западе. Напротив, Запад со страстной, почти мазохистской готовностью все рассказывает всему миру и самому себе. В 1975 году во Франции молодые головорезы врывались к беспомощным старикам, убивали их, иногда убивали, чтобы отнять их небольшие сбережения; случалось, что не более двухсот франков. Телевидение, радио, газеты — все сообщали об этих жутких итогах года, и даже называли общую цифру подобных вторжений: более тысячи. Какое страшное общество! Понятно, что советская пропаганда широко пользуется такими данными. А в Советском Союзе — гра-

бят ли подростки стариков, убивают ли их? Не знаю, такие данные не публикуются. Допускаю, что Запад более склонен к открытой жестокости, — здесь молодежь систематически развращается порнографией и картинами насилия в кино, наркотиками, эксцессами всякого рода анархистов, модной игрой в революционность, романтикой терроризма. Допускаю, что советская молодежь здоровее — цензура нравов делает свое дело. Допускаю, но — не знаю. И не знает никто. А может быть все-таки были в 1917 году сотня-другая подобных актов вандализма? Или — тысяча? Может быть. Пресса, телевидение, радио молчат. А раз об этом молчат, значит этого не было.

На Западе существует проституция, и все органы информации занимаются этим социальным феноменом. Проститутки стоят в Булонском лесу и на виду у всех ожидают клиентов, они требуют общественного признания и социального обеспечения, они даже устраивают демонстрации и забастовки, и обо всем этом страну оповещают пресса, радио, телевидение, киножурналы, об этом существуют книги журналистов, социологов, психоаналитиков. Ничего тут нет красивого: проституция, а уж тем более сутенёрство не украшают французскую республику. Но это существует, и значит об этом нужно знать: не кричать «чур-чур», а изучать во всех аспектах — количественных и качественных. В конце февраля 1976 года солидная «Ле Монд» рассказала о шестнадцатилетнем мальчике-проституте, которому некая женщина-врач делала чудовищные гармоnalные инъекции, чтобы придать его телу женские признаки; врача судят, мальчика лечат, сутенера разыскивают. Читать это горько, противно, страшно — но ведь страшнее всего то, что подобные факты являются

реальностью. Общество хочет видеть себя в зеркале своей прессы, своей науки, своей литературы — оно стремится к естественному самопознанию. Конечно, на этом пути встречается немало уродств: желтая пресса раздувает сплетни, смакует кровавые происшествия, сексуальные излишества и извращения, привлекает читателя обещанием острых переживаний. И влияние такой прессы на нравы пагубно, как пагубно влияние порнографии, воспитывающей в подростках вкус к насилию. Но может ли западное общество из-за злоупотреблений желтой прессы отказаться от самопознания и от обсуждения самого себя? Тогда же, в конце того же февраля в «Ле Монд» обсуждался вопрос о насилиях в разных странах и была выдвинута новая, недавно возникшая проблема: насилий женщин над мужчинами. Стоит ли об этом вести речь? Да, отвечает газета, стоит, и даже необходимо; но не «соблазнять» читателя, а вместе с ним — констатировать, познавать, открывать. Находить пути к излечению.

Проституция в Советском Союзе существует — но никто, никогда, нигде не напишет об этом: запрещенная тема! В социалистическом государстве проституции быть не может, потому что для нее нет социальной почвы. Не может быть антисемитизма — по той же причине. Классовой вражды или тем более борьбы не может быть — потому что быть не может. Изучать, следовательно, нечего — попытки подступиться к подобным темам приравниваются к политической диверсии.

Страусиная политика не раз приводила нашу страну на край пропасти. Особенно губительной она оказывается тогда, когда государственным чиновникам выгодно скрывать правду и утверждать ложь в глазах одновременно и народа, и началь-

ства. Характернейший пример — рязанский блеф 1958—1959 гг., когда секретарь рязанского обкома Ларионов обязался за один год увеличить производство мяса в совхозах в 4 раза, а в колхозах — в 5 раз и перевыполнить план государственных поставок мяса в 3 раза.¹ Выполняя свои дутые обязательства, Рязанский обком приказал списать «на мясо» молочных коров из т. н. «маточного поголовья», вел покупку скота в соседних областях — до самого Урала, приказывал срочно разводить кроликов или просто покупать мясо в магазинах и сдавать его государству. В конце 1959 года Ларионов стал Героем Социалистического труда и любимцем Хрущева, а через год, когда хозяйство его области окончательно развалилось, он застрелился. Все, что делалось в области, стало известно лишь позднее — Ларионов получил орден Ленина и звезду Героя, потому что его действия — грабителья, деспота, спекулянта — тщательно скрывались от всех, и прежде всего от правительства. Уже соседи выставляли войсковые пикеты на границах с Рязанской областью, чтобы туда не уводили от них коров, уже стонали тысячи крестьян, а в Кремле Ларионову торжественно вручали высшие награды страны и его ставили в пример всем секретарям всех обкомов. Вот что значит — отсутствие самосознания общества, выражавшегося в гласности!

Статистики нет: вам ничего не удастся узнать о рождениях и смертях, преступлениях и наказаниях, тюрьмах и лагерях, больницах и психиатрических клиниках. Выходит в свет «Статистический ежегодник Центрального статистического управле-

¹ Бб этом подробно рассказано в книге Ж. и Р. Медведевых «Н. С. Хрущев. Годы у власти». 1975, Columbia University Press, U.S.A. Глава 9.

ния (ЦСУ)», но данные, которые в нем содержатся, лучше не пытаться сопоставлять или анализировать — это может привести в западню. Дело в том, что главнейшие цифры тут достоверны, но — но о чем они свидетельствую? Делать выводы на основании даже этих опубликованных статистических данных в сущности запрещено. Это страх перед знанием и страх перед произнесением вслух — одновременно. Правду скрывают не только от населения, но и от самих себя.

Советские газеты — весьма странный, на Западе невообразимый источник информации. Власти ничуть не сомневаются в том, что население слушает английское, американское, западно-германское радио, но закрывают на это глаза. То, о чем в советских газетах не написано, не имело места; то, чего мы не назвали, не существует. В газетах, обычно выходящих не более, чем на четырех полосах, два-три столбика немногословной информации, часто фальсифицированной или загадочной, и небольшие политические обзоры, отличающиеся трафаретностью речи и примитивностью мысли. Так, я подсчитал в «Правде» от 24 февраля 1976 г., что хоть какие-то единицы информации содержатся в материалах, занимающих в целом 226 строк из примерно 5 000 строк, то есть около 4%. Остальные 96% заняты пустой, лишенной всякого смысла пропагандистской болтовней, из которой — несколько примеров:

«В атмосфере всенародного подъема... в центре внимания советских людей, братских марксистско-ленинских партий, трудящихся всего мира... важный рубеж на пути нашего поступательного движения к коммунизму... новый этап коммунистического строительства в СССР... крупные успехи на всех основных направлениях коммунистического созидания... могучий размах револю-

ционно-преобразующей деятельности партии и народа... дальнейшее развитие и укрепление Коммунистической партии — испытанного политического авангарда социалистического общества... крепнущее с каждым годом единение партии и народа проявилось и проявляется в активной всеобщей поддержке трудящихся ленинской политики КПСС...»

Как скучно! Да я и не выбираю вовсе, а прямо так подряд и списываю передовую статью. Убожество, бездарное и жалкое пустословие, — туман, туман, туман... И вот такого тумана — 96% газетного номера!

Западные люди представляют себе Советский Союз как страну, в которой важное место занимает политика, идеология, даже философия. Это укоренившееся давнее заблуждение. На самом деле нет более деполитизированной страны, чем СССР — в нем политическая жизнь отсутствует полностью, начисто; ее место занимает своеобразный «политический театр», имитирующий внешние признаки активности, однако именно имитирующий. Особенно любопытны в этом смысле советские выборы. Улицы и площади заклеены кричащими плакатами, призывающими вас голосовать «за кандидатов блока коммунистов и беспартийных». Со всех стен, из всех витрин на вас смотрят ткачиха Сидорова или режиссер Селедкин, за которого вас просят подать ваш голос. Политика? Конечно, ведь вас оглушают и слепят лозунги, призывы, знамена, портреты, — кипит интенсивнейшая жизнь! А жизни-то никакой нет, это имитация, это театр. Вдумайтесь: «блок коммунистов и беспартийных» что это значит? В СССР есть одна только партия, коммунистическая, и все, кто в нее не входят, те — беспартийные. «Блок коммунистов и беспартийных» — это зна-

чит: все без исключения советские граждане. Что же означают страстные, оглушающие, слепящие призывы: «... за кандидатов блока...»? Почему все ежегодно терпят это странное, в сущности издевательское повторение абсолютно пустопорожних, ничего не значащих (и никогда ничего не значивших) слов? Потому что вся советская действительность состоит из таких пустышек, люди так к ним привыкли, что даже не улыбаются, видя перед собой надписи, ярко горящие на ночном небе: «Летайте самолетами Аэрофлота!» (как будто есть у нас другая авиакомпания), «Покупайте бензин Главнефтесбыта!» (другого «сбыта» не бывает на территории СССР), «Покупайте товары Ювелирторга!» (спасибо за совет!). А какой смысл рекламы: — «Подписывайтесь на газеты и журналы!»? Бессмысленность этих возгласов — в отсутствии альтернатив: если вы захотите летать, то ни Эр-Франс, ни Сис-эр вам своих услуг не предложат. Тоже и относительно выборов: «блок коммунистов и беспартийных» — единственный «блок», другого быть не может. Советский гражданин окружен сотнями ничего не значащих, лишенных информации надписей и лозунгов. Осмотритесь на любой площади в любом советском городе: «Слава КПСС», «Слава Советскому народу!», «Слава советской женщине!», «Выполним...», «Догоним...». Говорят, где-то красовался призыв: «Досрочно выполним план девятого года четвертой пятилетки!» — и никто не заметил, что он лишен смысла. Вот это и есть советская политическая жизнь: театр абсурда. На всех газетах стоит девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Когда-то он имел смысл, но давно уже никто не понимает, к чему он зовет читателей «Правды» или «Известий», да никто и не вдумывается.

Западный читатель не отдает себе отчета в том,

что собою представляет атмосфера нашей повседневности: всеобщая немота, полное незнание событий, потрясающих мир, абсолютное отсутствие общественного мнения, полная деполитизация народа, которого когда-то волновали революционные страсти, политические эмоции. Результатом этого летаргического состояния является отсутствие всякой коллективной жизни — национальной и общественной. Горький цитировал слова Бар-Хиллела: «Если не я за себя, то кто за меня? Если я реца: «Если не я за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то зачем я?» Эти слова опровергают эгоистическую психологию обывателя. Однако советский народ, лишенный даже подобия политической жизни, рождающей коллективные интересы, постепенно становится народом мещан: иначе не может быть, — когда у людей нет общих целей, они приучаются жить во имя собственных; место политических и социальных идеалов занимают мечты об автомобиле, квартире, даче, мебельных гарнитурах, холодильнике, цветном телевизоре... Кажется, что такие мещанские цели характерны для западного потребительского общества, а советское — возвышенней, ему светят лучезарные дали коммунизма. Это — ошибка. Советские люди больше погружены в потребительскую трясину, чем, скажем, французы или англичане: для того, чтобы раздобыть машину, им надо потратить несколько лет стояния в очередях, а потом уплатить цену, равную примерно двадцати полным месячным окладам; понятно, что в глазах стремящегося к машине гражданина она приобретает черты и пропорции фантастические. Квартира, мебель, холодильник — все оплачивается непомерными кусками жизни, расходом жизненной энергии, которой иному хватило бы на целую жизнь. А других целей у средних граждан нет. Не стремятся же они

в самом деле, к тому, чтобы «пролетарии всех стран» соединялись?

А француз обуреваем высоким идеализмом: он мечтает о победе левого фронта, или о том, чтобы церкви объединились в единую экуменическую, или о том, чтобы Жорж Марше поругался с Миттераном, — он участвует в реальных действиях; не в имитации спектакля, а в самом настоящем спектакле, и даже не в спектакле, а в действительности. Вот в чем главное психологическое отличие западной жизни от советской. Когда коллективная жизнь заменена подделкой, муляжем, когда нет вообще никаких коллективов, ни больших (нация, класс), ни малых (завод, театр, университет), тогда человека одолевает мелкобуржуазная страсть к интерьеру, узость интересов, мелочность. Все это не значит, что в СССР нет подлинных героев — борцов, полных самоотверженности и мужества, благородства и великодушия. У нас есть Сахаров, Амальрик, Даниэль, Александр Гинзбург, Михаил Хейфец, Леонид Плющ: эти имена на Западе известны, но их немного. Масса погрязла в равнодушии, эгоизме и мещанской самоудовлетворенности.

Вернемся к началу нашего размышления. Поскольку никто ничего не знает об экономической и политической реальности страны, о количестве сторонников и противников государственной власти, то приходится подозревать всех, и прежде всего всю интеллигенцию, в стремлении свергнуть правительство. В 1937—1938 и 1949—1952 годах даже и не выбирали: составляли списки, содержавшие тысячи «подозреваемых», каковыми оказы-

вались первые попавшиеся имена, — в сущности, не было никаких оснований предпочесть их другим, более или менее невиновным. Общеизвестно, что почти все жертвы сталинских репрессий были позднее реабилитированы с поразительной мотивировкой: «За отсутствием состава преступления». В хрущевские годы эта формула была повторена миллионы раз.

Просидел в тюрьме семнадцать лет,
На лице — грибы, морщины, нити.
А потом позвали в кабинет:
— Недоразуменье, извините!

И пошел советский гражданин
С абсолютно чистою анкетой . . .

(И. Сельвинский)

В наши дни все изменилось: в один прекрасный день группа кагебистов приходит к молодому человеку, производит у него обыск, и вот в результате восьмичасового рабочего дня они обнаружили ряд вещественных доказательств: сборник стихов Анны Ахматовой, опубликованный в Америке, какой-то машинописный текст Амальрика, черновик статьи о Бродском, набросанный хозяином. Этого достаточно. Молодой человек арестован, сидит полгода в тюрьме, потом его судят за хранение и распространение подрывных документов. Ничего не доказано: ни то, что «документы» — подрывные, ни то, что обвиняемый их распространял. Все равно: приговор — четыре года лагерей строгого режима и два года ссылки. Шесть лет! Все это я не придумал: я рассказал историю Михаила Хейфеца, которого судили в Ленинграде в сентябре 1974 года. Разве это не кажется эпизодом из «Процесса» Кафки? Ничего нет: ни доказательств, ни свиде-

телей, ни обвинения, ни преступления. Симуляция суда, симуляция преступления, симуляция приговора. Реальна только каторга, только те четыре года, которые вырваны из жизни молодого человека и принесены в жертву воображению полицейского чиновника. Да, каторга — это не симуляция.

Бред? Может быть и бред. Но недостаточно это констатировать, надо понять причины. Когда люди ничего не знают о фундаменте и структуре своего общества, не представляют себе ни настоящего, ни будущего, тогда они начинают охотиться за ведьмами. Тогда все становятся подозрительны. Каждый гражданин кажется заговорщиком; а, собственно, почему нет? Он утверждает, что всем доволен, но мы то знаем, что его утверждения ничего не стоят и что он никак не может быть доволен, поскольку у него для этого нет ни малейших оснований. Значит, он лжет. Человек, который лжет, вдвойне подозрителен и вполне способен быть заговорщиком. Он пишет ученые книги? Поглядим, поглядим внимательно, что он там такое сочиняет! Бдительность и еще раз бдительность: каждая фраза, каждое слово — шифр! Для раскрытия этих секретных кодов создана тройная, — нет четверная система цензуры: редактор, главный редактор издательства, цензор (главлит), главный цензор... И это еще не все: рукопись изучает еще два-три «внешних» рецензента, и каждый из них

тоже ищет секретный код:

Вот притих, уставясь тупо,
Рот разинут, взгляд потух.
Вдруг навел на строчку лупу,
Избоченясь, как петух.

И последнюю проверку
Применяя, тот же лист
Он читает снизу кверху,
А не только сверху вниз.
(А. Твардовский)

Представим себе, как бы все эти цензоры читали басни Лафонтена или Крылова: никогда ни одна не вышла бы в свет. Они бы скоро смекнули, что лев — глава государства, волки — министры, лис — дипломат, осел — академик, а овцы — простые крестьяне. Для басни такая расшифровка более или менее справедлива, но аналогичный метод применимся при чтении романов, стихов, пьес, сценариев. Повсюду возможны призраки. Задача бдительного редактора их озарить ярким светом и воспрепятствовать их появлению на людях. За спиной такого редактора обычно стоит полицейский, лишенный профессионально подготовки. Как маленькие дети ночью в лесу, он страшится всего: кусты кажутся ему чудовищами, шелест листвы — шагами убийцы, птица — сatanой.

Сколько противников у советского режима? С объективной точки зрения их не должно быть много — именно по причине полнейшей деполитизации и дезидеологизации (это не парадокс) народа. С субъективной точки зрения советских руководителей, вождей коммунистической партии и начальников тайной полиции, им несть числа. Реальная деполитизация имеет своим следствием лжеполитизацию всей общественной жизни, всех книг, всех стихов, каждой речи, каждой университетской лекции, всех картин и кинофильмов, симфоний и исследований — биологических или филологических.

софских. Охота за ведьмами продолжается, и только Просвещение может положить ей предел. В драме Бертольта Брехта «Жизнь Галилея» придворный философ не желает даже взглянуть в телескоп: зачем? Ведь он может увидеть что-нибудь не соответствующее его представлениям. Он говорит Галилею: «Независимо от вопроса о возможности существования таких звезд... я хотел бы со всей скромностью задать другой вопрос в качестве философа: нужны ли такие звезды?» Если даже спутники Юпитира существуют, но они не нужны, — значит следует игнорировать их существование. Галилей изумлен: почему, когда он показывает придворному философу подзорную трубу, тот приводит ему в ответ цитаты из Аристотеля? Разве можно опровергать истину — цитатами? Философа волнует нестина, а, как он сам вопрошаает, — «к чему все это поведет». Галилей возмущенно говорит: «Полагал бы, что мы, ученые, не должны спрашивать, куда может повестистина». И тогда философ произносит поистине великолепные по неопровержимой нелепости слова. Он говорит:

— «Господин Галилей,стина может завести куда угодно».

ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

ПИСЬМО К БУДУЩИМ ВОЖДЯМ СССР

Альтернатива предложениям Солженицына

От автора. Эта статья послана мною руководителям Испанской, Итальянской и Французской компартий. Им, может быть, известны имена кандидатов в будущие вожди, и они, может быть, все-таки заинтересованы в позитивных изменениях в Советском Союзе.

«Не критикой остроумной, а лишь предложением выхода лучшего и, главное, вполне реального, с ясными путями», — пишет Солженицын (в предисловии ко второму варианту «Письма вождям Советского Союза»), — можно убедить его в ошибочности его предложений.

Солженицын пишет это в явной уверенности, что таких, других предложений (для мирного преобразования Советского Союза) быть не может в природе.

Думается, необходимо показать, что это не так.

И необходимо это не только ради полемики с Солженицыным, но и с теми людьми, которые утверждают, что у руководителей Советского Союза нет реальных возможностей радикально изменить положение.

Эта статья была опубликована в журналах: «Украинский самостийник» (№ 209, 75 г. Мюнхен); «Partisan Review» (№ 2, 75 г., Нью-Йорк); «Politique Aujourd'hui» (июль, 75 г., Париж); «Mondoperaio» (август, 75 г., Рим); «Listy — Blätter» (№№ 4, 5, 7, 75—76 гг. Франкфурт-Майн). В сборнике публикуется с некоторыми сокращениями и дополнениями.

Прежде всего, следует напомнить, что уже существует одно письмо к вождям СССР, в котором, на мой взгляд, изложен, в целом, куда более реальный путь к мирным изменениям, чем путь Солженицына, и притом направленный не к реакционным целям. Я имею в виду письмо «По вопросу, имеющему большое значение...» А. Сахарова, В. Турчина и Р. Медведева.

Однако, меры и методы, предлагаемые этими авторами, а также и их анализ системы и общества, кое в чем необходимо дополнить для создания убедительной альтернативы предложениям и взглядам Солженицына. Взглядам, которые, как справедливо считает Сахаров, представляют собой большую опасность своею «параллельностью» во многом с официальной советской пропагандой. (Ожесточенная критика западной демократии, националистическая направленность и преувеличение внешней военной угрозы). И не менее опасны, — как заметил М. Михайлов («Своевременные мысли»), — соблазном компромисса с тоталитаризмом на авторитаризме, что сделало бы бессмысленными все жертвы и всю борьбу, которая до сих пор велась за демократизацию Советского Союза.

И я хочу сейчас лишь вкратце добавить, что, кроме всего прочего, предложения Солженицына, — отказаться от идеологии, не меняя ничего в механизме режима, — на мой взгляд, несостоятельны, если целью иметь предотвращение «физической» революции.

Сегодня для советских вождей отказаться «только» от идеологии — примерно то же самое, что офицерам отказаться от присяги и знамени с целью ублажить солдат, смертельно недовольных жестокой казарменной жизнью или бессмысленной войной. Бунт в этом случае будет уже неизбежен. Многие офицеры, например, царской

армии хорошо это поняли после Октября, отказавшись в Феврале от царского знамени и присяги. (Но не отказавшись от намерения продолжать войну до победного конца и отсрочить земельную реформу!).

Короче, путь Солженицына, если бы вожди вдруг приняли его, стал бы как раз наискорейшим путем к физической революции.

Единственный же теоретически возможный МИРНЫЙ путь к обновлению Советской России мыслим лишь на основе преемственности, т. е. на основе социалистических идеалов, далеко не столь ложных, как кажется Солженицыну, и, главное, не потерявших привлекательности в широких слоях советского общества. Другое дело — религиозная вера в марксизм и в непогрешимость ленинской модели социализма — эта вера исчезла действительно у всех.

Но перейдем к анализу положения страны и общества.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕГРАДЫ НА ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Прежде всего надо отметить, что распространенное мнение о страхе вождей за свою власть, как о главной преграде на пути к демократии, представляется слишком упрощенным. Власть Дубчека и его сподвижников, к примеру, фактически лишь окрепла в процессе демократизации за счет мощной поддержки общественности. (Другое дело — страх партийных чиновников средних и низших уровней за свое положение, — он реально обоснован).

Еще более несерьезным представляется мнение, что руководители партии не ведают о том, что творится в стране.

Примером того, как много знают «наверху», служат доклады, полные негативных цифр и фактов, которые иногда делает кто-нибудь из руководителей (некоторые доклады Хрущева, закрытый доклад Брежнева о «летунах и пьяницах» в 70 г., доклад Машерова в 74 г., Шеварнадзе на 25 съезде КП Грузии и мн. др.), а также издание серии книг по специальному списку для номенклатурных работников издательством «Иностранная литература».

Я убежден, что руководители знают об общей картине перманентного хаоса в стране и об отдельных его трагических последствиях больше, чем кто-либо. Как убежден я и в том, что руководители (или хотя бы часть из них) не могут в силу своего положения (у руля великого государства) не испытывать тревоги за ситуацию в стране и не чувствовать своей ответственности.

Что же тогда мешает им попытаться провести серьезные демократические реформы?

Прежде всего, это страх перед народом. Страх этот зиждется опять же на понимании вождями общей картины перманентного хаоса в стране и трагических его последствий. Вожди не могут не понимать, что в случае либерализации общая картина и отдельные, одиозные факты станут известны всем. Те же писатели и журналисты, которые сегодня боятся революции, не ожидая от нее для себя ничего хорошего, при ослаблении цензуры начнут невольно сами ее готовить. Профессиональное соревнование затянет их. Кому захочется отставать в хлесткости статей, в разоблачениях, в вытаскивании на свет ужасающих фактов, в остроте мыслей и новых требований. Да и люди из народа, уже достаточно образованные, не станут молчать. Тем более, что для них демократические свободы субъективно не цель, а лишь средство

освобождения от давящего их авторитарного хаоса, нужды и неустроенности.

Приведу несколько примеров. В «Известиях» один высокопоставленный журналист как-то проговорился в беседе со мной, что на Урале (это было во второй половине 60-х годов) обвалилась гигантская строящаяся домна. Ее возводили в страшной спешке, — был очередной кризис с металлом, — в жестокий мороз. Бетон не удавалось прогревать, и однажды домна рухнула, завалив около 300 рабочих. Спасти не удалось никого! Те, которые остались живы под обломками, замерзли, пока их откапывали.

Или, в другой раз, я узнал, что где-то в Сибири на строительстве канала во время пробного провода корабля через шлюз рухнула стена этого шлюза. А в соседнем, параллельном шлюзе еще работали люди. Погибли и тут почти все, — несколько сот человек, — и те, что были в соседнем шлюзе, и те, что на корабле.

И подобных фактов я за свою журналистскую деятельность знал очень много. Даже при относительной свободе печати и телевидения таких фактов — при общем недовольстве жизнью — хватило бы для создания революционной ситуации. А обычная жизнь? Это тяжелейшая неустроенность во всем, подчас совершенно каторжная. Это жизнь в тесных домах и изношенных вагончиках, грязь, холод, сырость, отвратительное питание, часто отсутствие больниц, медпунктов, электрического света, питьевой воды, сырье и холодные школы для детей — всего не перечислишь. Вот данные одного обследования 2 700 рабочих поселков на Севере, которые я видел в ЦК профсоюзов.

Больниц не оказалось в 483 поселках, медпунктов — в 286, детских садов — в 396, яслей — в 388, бань — в 113, мастерских бытового обслуживания

— в 833, электрического освещения — в 88, питьевой воды — в 340 (!), и 60% всех домов были признаны негодными для жилья.

О низком уровне заработной платы, о нехватке и плохом качестве товаров я уже не говорю — это общезвестно.

Советский Союз занимает наверняка и самое последнее место среди промышленных стран по охране труда. В Министерстве Здравоохранения мне показали данные о запыленности воздуха в шахтах. В США и Европе запыленность колеблется примерно от 0,02% до 0,05%, в ЮАР — 0,2%, а в СССР — 2%! (цифры я даю по памяти, но важен порядок дробей). И врачи говорят, что это еще заниженные данные.

И так было, есть и будет, потому что львиную долю бюджета съедает нерентабельная и гипертрофированная тяжелая индустрия. Машины, в отличие от людей, нельзя заставить или уговорить работать в условиях необеспеченности, и приходится прежде всего заботиться о нуждах машин, заводов, а людей заставлять жить в условиях необеспеченности. Приходится постоянно восполнять бесчисленные потери из-за незаинтересованности людей в добросовестном труде, в бережной эксплуатации оборудования, из-за неизбежных перманентных ошибок централизованного руководства «большой системой» народного хозяйства и т. д.

Заводы работают и строятся в СССР, в основном, для того, чтобы не остановились заводы (ибо это — уже верная революция!). Индустриализация давно уже носит спонтанный характер, и это является, очевидно, главным «секретом» и пороком существующей системы. Гонка вооружений и престижные мероприятия подстегивают индустриализацию.

По закрытому докладу Института экономической математики Новосибирского Университета, 95% продукции машиностроения уходит на нужды группы «А», и, в свою очередь, половина продукта группы «В» также прямо или косвенно идет на нужды молоха тяжелой индустрии. Советские руководители уже давно, со времен Маленкова, безуспешно пытаются повернуть тяжелую индустрию лицом к людям и замедлить ее раковый рост, увеличив за счет этого рост легкой промышленности. Но все их благие намерения засыхают на корню или приносят лишь новые проблемы и беды.

Многие люди не понимают, почему советские руководители не могут провести хотя бы таких половинчатых реформ, которые проводят некоторые их коллеги в восточноевропейских странах. Главная причина, на мой взгляд, здесь в той же гипертрофии группы «А», которая достигла в Советском Союзе значительно больших размеров, чем в странах Восточной Европы. От 70 до 80% советской промышленности (по разным подходам) относится к группе «А». Молох тяжелой индустрии держит за горло советское руководство, лишая его всякой свободы маневрирования материальными средствами и трудовыми ресурсами. Гипертрофия группы «А» в экономическом плане, пожалуй, самое пагубное наследие существующего режима. И этого многие недопонимают.

Итак, получается парадоксальное положение: первая причина, требующая срочно демократизации, — тяжелейшие условия труда и жизни в стране, — является и первой объективной преградой на пути к демократии (сверху). Руководители страны много раз пытались начинать с экономики, чтобы потом, возможно, подумать и о демократизации, но из этого, разумеется, ничего не получалось.

Кроме описанных выше органических, структурных пороков народного хозяйства, тут играет очень большую роль и апатия в обществе, неверие после провала многочисленных реформ и кампаний и невыполнения бесчисленных обещаний в способность правителей сделать что-либо путное при существующих порядках. Люди, лишенные настоящей инициативы, не поддерживают и инициативу правительства, и она становится жертвой бюрократического усердия чиновников, а то и их саботажа.

Экономические и демократические реформы в СССР надо начинать одновременно. Но, повторю, руководители, зная, как плохо живут люди в стране, боятся, видимо, об этом и думать.

Играет тут, между прочим, подсобную роль и народофобия. Жорж Бартоли в своей книге «Смерть Сталина», рассказывает о беседе одного западного журналиста с Косыгиным. Когда этот журналист осторожно высказал мнение, что страна нуждается в демократизации, Косыгин в волнении воскликнул: «Вы с ума сошли! Наши русаки тут же передушили бы друг друга!»

Иные самиздатовские авторы так же перехватывая, на мой взгляд, по части народофобии, невольно способствуют усилиению страха перед народом среди руководителей страны.

Но, думается, самая серьезная преграда на пути к демократическим преобразованиям сверху, — это страх руководителей партии, сосредоточенных в Политбюро ЦК, перед руководящими кадрами среднего уровня, входящими в состав Пленума ЦК. В послесталинское время они стали силой, и силой — консервативной. Они «функционально» испытывают тревогу только за свои кресла: надежд усидеть в этих креслах при демократизации у них, как мы уже отмечали, очень мало. И идеалистов,

думается, среди них очень мало. В отличие, например, от их коллег в Чехословакии перед 68-ым годом.

И эта последняя преграда стоит на пути *самых первых* шагов к демократическим преобразованиям. Потенциальный советский Дубчек имеет очень серьезные основания предполагать, что он будет устранен, и, может быть, даже физически, как только проявит свои намерения.

В итоге, надо прямо сказать, положение невеселое, и все же, необходимо показать, теоретически не безнадежное.

СОЦИАЛЬНАЯ ОПОРА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Прежде, чем думать о том, что может сделать гипотетический советский реформатор, надо разобраться в вопросе, созрело ли вообще советское общество для демократии. В противном случае, действительно, как считает тот же Солженицын, бессмысленно и предпринимать какие-либо шаги в сторону демократии.

У Вудро Вильсона есть прекрасные слова: «Всобщее беспокойство и смута должны иметь реальные причины. Они не сводятся только к политической жизни или простым экономическим промахам. Причины, вероятно, коренятся, глубоко — в истоках духовной жизни нашего времени... Почему случилась революция в России? Единственный ответ: революция была результатом систематического лишения громадного большинства русских прав и привилегий, которых жаждут все нормальные люди».

Сегодня в Советском Союзе за один год выпускается больше людей с высшим образованием, чем имелось в царской России к 17 году. А лише-

ны они человеческих прав и привилегий в значительно большей степени, чем в старой России. Людям же образованным, людям интеллигентского труда гораздо труднее быть пешками авторитарного режима, чем людям физического труда.

Сильнее, чем от материальных тягот, сильнее, чем от засилья псевдомарксизма, устала большая часть советских людей от авторитарного, бюрократического произвола и от особой, нестерпимой бюрократической анархии, когда распоряжения противоречат друг другу, и чтобы выполнить одно из них, надо нарушать другое, рискуя суровым наказанием; когда, наконец, никакая, самая ничтожная инициатива немыслима без разрешения властей. При первом же небольшом ослаблении давления эта усталость выйдет наружу, будет полностью осознана, и любой авторитарный режим, который кто-либо попытается навязать стране, будет отброшен или свергнут. История не повторяется.

«Всем народом сверху донизу, — справедливо замечает Надежда Мандельштам, — мы чему-то научились, хотя успели при этом уничтожить свою культуру и попросту одичать. Но то, чему мы научились, кажется очень существенно». Полемическим преувеличением тут мне представляются лишь слова об уничтожении культуры и одичании по отношению ко всем социальным слоям советского общества.

Что же касается практических навыков к демократии, то приобрести их можно, думается, только в условиях демократии! Чтобы научиться плавать, надо войти в воду.

И, наконец, необходимо отметить еще одно особое обстоятельство. В Советском Союзе, в специфических советских условиях, сложился монолитный социальный слой, в котором я вижу главную

надежду и опору для будущей демократии. Слой этот можно назвать инженерно-рабочим.

Большая часть инженеров и техников вышла из рабочей среды, в той же среде живет, подвергается такой же, если не большей эксплуатации и не имеет никаких привилегий. Многие инженеры, как известно, зарабатывают меньше квалифицированных рабочих. Нет и серьезной конкуренции между инженерами: их всегда не хватает, особенно в провинции.

Инженеры, конструкторы, техники — а доля их в « заводском народе » велика и продолжает расти — интеллектуализируют рабочий класс, и в то же время они, находясь в самом фокусе авторитарной анархии и абсурдов системы, больше всех заинтересованы в радикальных и одновременно преемственных преобразованиях. К капитализму они возвращаться не хотят. Добровольно они на приватизацию предприятий через продажу акций — единственно мыслимый способ реставрации — не пойдут. Хотя бы и потому, что большая часть акций достанется опять же нынешним привилегированным лицам и подпольным коммерсантам, паразитирующими на бюрократической системе.

Далее, инженерно-рабочий слой и научно-техническая интеллигенция заинтересованы в конструктивных преобразованиях. Несвобода прочнее, чем у кого-либо, ассоциируется у них с авторитарным беспорядком, и больше всех жаждут они порядка, понимая уже, что порядок возможен только при демократии.

И, наконец, в массе своей инженерно-рабочий слой и научно-техническая интеллигенция в значительной мере сохранили нравственное здоровье.

Надежда Мандельштам пишет: « Всюду, где есть железный порядок, появляется « масса », но на

производстве люди живут своей жизнью и ОСТАЮТСЯ ЛЮДЬМИ... живут своей, особой, вполне человеческой жизнью, которая их вовсе не механизирует, не далает «массой» («Воспоминания», стр. 276). Мы можем еще только добавить, что эта жизнь приучает их к терпимости, уважению к правилам человеческого сосуществования и к самостоятельному критическому мышлению (приходится, вопреки всему, создавать реальные вещи), что, думается, и составляет основу любого демократического строя.

Инженерно-рабочим слоем и научно-технической интеллигенцией Россия теперь уже безвозвратно врастает в западную, индустриально-демократическую цивилизацию.

Нынешняя относительная политическая пассивность инженерно-рабочего слоя легко объясняется спецификой его положения: оторванностью от источников получения и передачи информации и большой уязвимостью. Даже увольнение по «черному» списку неблагонадежности уже катастрофа: все предприятия государственные.

Ужасающие портреты людей народа, которые рисуют сейчас иные гуманитарии, они списывают, главным образом, с социального слоя «услужащих» (торговля, обслуживание), слоя, действительно, более всего деморализованного и разобщенного. Этот слой многочисленен, особенно в столицах, но, на мой взгляд, он настолько уже деморализован, что не способен к самостоятельным действиям. Он может быть опасным, лишь будучи мобилизован соответствующими органами, да и то при отсутствии отпора.

РЕАЛЬНЫЙ МИРНЫЙ ПУТЬ

Для успешного проведения первых и самых трудных шагов к серьезным политическим и экономическим преобразованиям сверху, на мой взгляд, необходимо, чтобы эти шаги:

во-первых, сразу же дали реформаторам возможность опереться на представителей научно-технического и инженерно-рабочего слоя, т. е. дали бы возможность втянуть их на самую вершину власти;

и, во-вторых, вдохнули бы надежду, активизировали общественность страны и одновременно придали бы этой активности позитивное и преемственное направление.

Для этого уже самый первый шаг должен быть *необратимым и неотразимым*. В сложившейся ныне ситуации он должен носить *революционный характер*.

А. Сахаров, В. Турчин и Р. Медведев («По вопросу, имеющему большое значение») предлагали в качестве первого шага: «Заявление высших партийно-правительственных органов о необходимости дальнейшей демократизации, о темпах и методах ее проведения» и т. д.

Но, на мой взгляд, этого недостаточно. Одним подобным заявлением сейчас уже вряд ли удастся пробить накопившийся скепсис и недоверие. И, главное, вряд ли удастся сделать следующие шаги, реализовать другие меры, если учитывать настрой средних партийных кадров. История правления Хрущева служит тому хорошей иллюстрацией (бунт группы Маленкова, саботаж и извращение на местах всех относительно разумных начинаний Хрущева, переворот 66 года). Притом, что Хрущев не пытался добиваться серьезной демократизации! Но все же, заметим, и ему потребовалась в каче-

стве первого шага необычайная и, в сущности, весьма революционная мера: разоблачение культа Сталина и реабилитация «врагов народа». (Дубчек начал с отмены цензуры).*

И вот, в сложившейся ситуации, на мой взгляд, трудно найти другую подходящую меру, кроме той, которую в свое время предложил... Ленин! Я имею в виду категорическую рекомендацию Ленина в его «Завещании» о необходимости (тогда, главным образом, для спасения партии и страны от междоусобицы вождей) ввести в состав ЦК с правом решающего голоса 100 простых рабочих, до того не занимавших никаких руководящих советских и партийных постов, ибо они должны были бы бороться именно с теми тенденциями, которые сложились среди людей, занимающих посты.

Будущий гипотетический вождь мог бы, выбрав более или менее подходящий момент, объявить, что пришла пора осуществить еще ряд заветов Ленина, и, прежде всего, упомянутую выше меру, для развития советской демократии, борьбы с бюрократизмом и для оздоровления экономики.

Разумеется, в конце XX века в обсуждаемый ленинский пункт надо было бы внести поправку, расширение: выдвигать в ЦК не только рабочих, но и инженеров и ученых. Важно лишь, чтобы они не «выдвигались» сверху, а были бы избраны свободно (при неограниченном числе кандидатов, тайным голосованием) от своих предприятий, институтов, учреждений (минимум до 50% состава ЦК).

Одновременно, конечно, необходимо было бы

* Отменить сразу цензуру, как в Чехословакии в 68 году, в советских условиях представляется рискованным. Велика степень деморализации многих людей, в том числе и журналистов; возможно проявление экстремистских взглядов из-за накопившейся ненависти и отсутствия развитого правосознания. (Слой «услужающих»!).

призвать к реализации и еще одного важнейшего условия, о котором тоже много говорил Ленин, — внести гласность в работу ЦК и правительства.

Чтобы укрепить доверие людей, необходимо было бы производить выборы новых членов ЦК (в соответствии и со смыслом ленинского предложения) лишь на один определенный срок, после которого их должны будут заменять новые избранники, свободные от «тенденций», складывающихся у профессиональных, несменяемых руководителей. Но выборы в ЦК — значит, из числа членов партии? Ну и что ж, рядовые члены партии в инженерно-рабочей и научной среде мало чем отличаются от остальных людей из этих слоев. И при тайном голосовании (за неограниченное число кандидатов) и для такой революционной, нешуточной меры, как выборы прямо в ЦК, люди наверняка стали бы отдавать свои голоса за самых честных и толковых кандидатов.*

И если бы были проведены такие выборы новых членов ЦК, все дальнейшие шаги, думается,

* Уже после написания этой статьи я узнал о существовании сходных взглядов (например, в работе А. Янова: «Третий путь. Письма русской оппозиции»), в которых, однако, ставка делается исключительно на менеджеров и крупных руководителей народного хозяйства. Их предлагается ввести в ЦК как опору для проведения реформ и в противовес сталинистскому «болоту» секретарей обкомов и аппаратчиков ЦК (и КГБ).

Мне это представляется иллюзией. Действительно, есть много менеджеров, которые высказывают крайне критические взгляды, требуют кардинальных реформ и даже пытаются сами их проводить в своих узких областях. Но я на основании своего опыта знаю огромное число менеджеров, которые выход видят в возвращении к сталинским методам, в «дисциплинизации всей страны», как они мрачно шутят. И много среди них просто коррумпированных элементов. И все они вместе развернуты привилегиями, боятся их потерять, и слишком привыкли к бюрократическим методам руководства.

сделать было бы уже много проще. Первый предлагаемый шаг представляется мне неотразимым и необратимым. Марксизм канонизирован, Ленин возведен в божество, и именно поэтому вряд ли кто-нибудь осмелился бы поднять руку против предложения реализовать важнейший пункт ленинского завещания (не случайно Сталин держал это завещание в запрещенном списке).

Переворот или физическая расправа с реформаторами сделались бы слишком рискованным делом. Их противникам пришлось бы откровенно пойти против Ленина. Они вынуждены были бы понять, что своим переворотом они окончательно уничтожат, «отменят» марксистскую идеологию и обрекут режим.

Вслед за довыборами в ЦК необходимо было бы, конечно, распространить ленинский принцип «ста рабочих» на все органы власти. И производить выборы надо было бы опять же по производственно-профессиональному принципу (как в первых Советах!), а не по территориальному, что в условиях однопартийной системы представляет собой издевку над избирателями, голосующими за неизвестных им людей.

Затем с разумной дистанцией во времени — чтобы не возникло хаоса, но не затухали бы доверие и подъем — можно было бы осуществлять и все последующие, безусловно необходимые демократические меры, которые уже предлагались существующими программами. Как-то: амнистия политзаключенных, создание института присяжных заседателей, постепенное ослабление цензуры, разрешение кооперативной прессы (существовавшей в СССР до 25 года) и объединения в союзы и партии (не преследующие антиконституционных целей), отвод войск с чужих территорий, замена войск КГБ-МВД отрядами народ-

ной милиции (частичное осуществление марксистского принципа вооруженного народа) и т. д.

К перечисленным мерам необходимо было бы, видимо, добавить создание выборным путем из специалистов и представителей общественности нескольких комиссий (по числу выдвигаемых альтернатив) для разработки планов соответствующих реформ, для нахождения способов безболезненной ликвидации диспропорций в экономике (в условиях доверия и энтузиазма эта задача разрешима), и — особо срочная задача — для изыскания способов хотя бы небольшого, но быстрого улучшения материальных условий жизни.

Очевидно, большую часть средств для этого можно было бы получить за счет прекращения гонки вооружений, сокращения армии (и срока службы в ней) и престижных космических мероприятий, а также за счет сокращения прямых и косвенных доходов высокопоставленных «должностных лиц» (вновь ленинский принцип, без соблюдения которого, по его словам, не может быть и речи о социализме!).

Закончить весь ряд предварительных мер надо было бы, очевидно, новыми, в полном объеме, выборами в Советы (по производственному и профессиональному принципу) с передачей им всей полноты власти в стране, которую они прежде всего должны были бы использовать для обеспечения свободного всенародного обсуждения выработанных к тому времени проектов реформ, Конституции и т. д. И я, повторю, убежден, что в свободных условиях была бы наверняка выбрана преемственная и демократическая модель, не направленная в прошлое или к механической пересадке каких-либо западных образцов. Слишком уж отличаются от зарубежных условия в нынешней России и мировоззрение большинства совет-

ских людей. То же самое, видимо, можно сказать и об Украине и о Белоруссии. В других же республиках — иные условия, иной социальный состав общества (меньше доля инженерно-рабочего слоя), и они могут сделать иной выбор.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Солженицын и его единомышленники считают, что при демократизации произойдет кровавый взрыв национализма нерусских народов. Но не ясно, что они понимают при этом под словом демократизация. По моему разумению, одним из основополагающих принципов демократии является принцип самоопределения национальностей. О каком кровавом взрыве может идти речь, если все национальности Советского Союза получат свободу выбора: или выходить из Союза, или оставаться в нем на любых новых, устраивающих их условиях, например, со своей армией и с полной свободой для развития национальной культуры, экономики и т. д.?

Есть люди (их больше в эмиграции, чем в РСФСР), которые упирают на чрезвычайную сложность отделения республик, прикрывая этим, как правило, свои великодержавные устремления и привычки.

Нет слов, дело это нелегкое, но, учитывая размеры и ресурсы России (в случае необходимости принять обратно часть русского населения из республик), конечно же, осуществимое.

Процесс отделения, разумеется, должен проходить постепенно, по этапам, но основополагающий принцип самоопределения должен быть проглашен и утвержден как можно раньше. И в любом случае главным условием безболезненности

отделения будет искренность руководителей России, а также и большей части общественности. Малейшие проявления неискренности, колебаний, оговорок будут тут смерти подобны.

Примерами такой неискренности уже сейчас могут служить заявления иных диссидентов, что они, мол, признают право на отделение, но считают, что лучше всем продолжать жить вместе в одном свободном государстве. В Европе же, мол, сейчас происходит сближение, а не разъединение! Я уж не говорю о заявлениях вроде: а как мы можем оставить наших «братьев» на произвол судьбы? Да созрели ли они для самостоятельности? И не скучают ли их соседи? (На последний случай существуют договоры о взаимопомощи, если уж мы такие благородные и заботливые. Попросили — пришли, разняли и — ушли во-свойси!).

Моральное право предлагать не разделяться имеют только нерусские народы. Свободно и, следовательно, с пользой могут сближаться лишь независимые народы, как это именно и происходит сейчас в Западной Европе.

Совершенно недопустимо и требование плебисцитов по вопросу об отделении. Ведь это требование имеет смысл лишь в том случае, если плебисцит будет проводить или контролировать Москва. А это уже совершенно неприемлемо для республик!

Представим себе процесс разделения в общих чертах. С началом демократических сдвигов в Москве подобные сдвиги, разумеется, начнутся и в республиках. И они, конечно, с самого начала там будут иметь не только социальный, но и национальный, центробежный вектор. Что тут сможет и должна будет сделать Москва при искреннем демократизме? Очевидно, лишь вернуть на родину военнослужащих соответствующих республик, не

препятствовать формированию национальных, республиканских войсковых соединений для охраны порядка, а русским частям вменить в обязанность лишь охрану местного русского населения в переходный период. Ну, и отзывать также своих представителей из республиканского руководства. То есть, в сущности, привести положение в соответствие с Конституцией! И все! Остальное будет зависеть от республик: захотят ли они отделяться, до какой степени и как это решать: через пленарное заседание (под охраной своих войск!) или через решение своего парламента (Верховного Совета и т. п.). Их право решать, и кто из населения республики может участвовать в принятии решения.

Думается, демократичным здесь было бы предоставить право голоса всем родившимся в республике, независимо от национальности, и желающим там жить, а также вступившим в смешанные браки с гражданами республики, ну, и, разумеется, тем гражданам республики, которые живут в других местах СССР, но хотят вернуться.

Но, повторим, это дело республик. С момента, когда будет кому передать заботу об охране порядка, должен вступить в силу принцип невмешательства во внутренние дела.

Мировая практика ликвидации империй дает богатый опыт различных прецедентов. И, думается, при демонстрации искренней демократической воли со стороны Москвы никто не захочет «хамить и нарываться», так как надолго еще останется взаимная экономическая заинтересованность, а, может быть, и заинтересованность в помощи против незаконных притязаний соседей!

Но как стало ясно из статьи И. Шафаревича в сборнике «Из-под глыб», принцип самоопределения (как и остальные принципы демократии) неприемлем для солженицынского направления.

«Национальный сепаратизм, — пишет Шафаревич, — и выступал как разрушающая империю сила и стимулировался пустотой, которая создавалась в душах уничтожением чувства общеимперского единства, высокой объединяющей цели». (Разрядка моя — В. Б.). (Солженицын не только составлял этот сборник, не только не отмежевался от высказываний Шафаревича, но и назвал его статьи «достижением свободной русской мысли»).

Но широким слоям русского народа, я убежден, чужды какие-либо «имперские» цели. И не знаю, как насчет «пустоты в душах», но в головах у большинства образованных людей современной России существует уже ясное понимание, что «империя» должна пасть, и что это в любом случае пойдет на пользу России. Отсутствие рабов и колоний всегда стимулирует интенсивное развитие страны. Часто даже от малообразованных солдат, служивших вне РСФСР (или вне СССР) мне приходилось слышать: «Все нас не любят, а то и ненавидят. Зачем это нам? Пусть они живут, как хотят! С возу упало — кобыле легче! Россия и без того большая страна».

Искренний демократизм характеризуется, конечно, и признанием права на самоопределение и за так называемыми автономными территориями СССР (и РСФСР).

Я не буду здесь перечислять все пункты искреннего и последовательно демократического подхода к национальному вопросу. Выделю еще лишь один, важнейший пункт — отношение к так называемому возрождению так называемого русского национализма. Думаю, что альфой и омегой здесь является понимание того, что национализм (не путать с патриотизмом, основанным на приверженности к Родине) в народе, национально никем не угнетаемом и, уж тем более, находящимся

в положении угнетателя, везде и всегда с неизбежностью с самого начала вырождается в шовинизм.

Не нужно, думаю, и говорить о том, что возрождение русского национализма так же опасно для многонациональной России, как, скажем, было бы опасно возрождение англосаксонского национализма для США.

Михайло Михайлов пишет («Своевременные мысли»): «Историческая роль и залог великого будущего Америки именно в том, что США не являются национальным государством, и не дай Бог, чтобы случилось такое несчастье и американцы бы заменили универсальное, общечеловеческое сознание национальным, как хотелось бы Солженицыну».

Но вернемся к социальной сфере. У ортодоксальных марксистов, наверное, уже давно возникло недоумение: «Вы начали с марксизма, с Ленина, а кончили разговором о необходимости создания каких-то новых, якобы преемственных моделей, экономических и политических. Похоже, что вы просто предлагаете демагогически использовать марксизм для переходного периода, чтобы потом отбросить его!»

На это есть ясный ответ: развитие марксизма было приостановлено Октябрьской революцией и окончательно «законсервировано» с начала сталинской эпохи. И в этой остановке, между прочим, повинен и сам марксизм, особенно его ленинский вариант, с его фетишизацией централизма, диктатуры и вообще насилия, «повивальной бабки истории». Эта «бабка» придушила в конце концов и марксизм! (как известно, вместе с боль-

шим числом его сторонников). Здесь же предлагаются расконсервировать марксизм. А остальное решит его свободное развитие, свободная практика и свободные люди. В таком развитии любой системы взглядов всегда какие-то составные части отмирают, а какие-то развиваются, иногда и в качественно новую систему взглядов. При этом, конечно, необходимо отделение любой идеологии, как и религии, от государства. Это условие и для здорового развития государства, и самих идеологий.

«Ортодоксам» же антикоммунизма мне также хочется заметить, что если они действительно стоят за максимальное безболезненное развитие России, то должны признать, что принцип преемственности — его непреложное условие. (Преемственность истинная — это когда завтрашний день вытекает из сегодняшнего и частично из вчерашнего, но не из позапозавчерашнего!). Должны признать, что слепая ненависть к марксизму и социализму несовместима с истинными интересами народов Советского Союза, да и всего мира.

РЕАЛЬНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕННОГО ПУТИ

Будучи, на мой взгляд, самым реальным мирным путем, и он, увы, имеет очень мало шансов на осуществление. Заметная вероятность прихода к власти реформаторов имеется, очевидно, лишь в случае какого-либо острого кризиса и возмущения в стране, как это происходило и в Восточной Европе, хотя там условия для реформаторства были куда благоприятнее, чем в СССР.

Но именно из-за этих серьезных различий между восточноевропейскими странами и СССР приходится опасаться, что в СССР приход реформаторов к власти в момент кризиса уже ничего

не сможет изменить в ходе событий. Этих реформаторов (из партийной верхушки) тогда вряд ли спасет и Ленин, и любой другой «святой». Никто уже не поверит в их искренность, и им останется лишь уповать на голую силу, в основном, на специальные войска КГБ. Если только реформаторы прийдут к власти в самом начале кризиса! Но и на это мало надежды, учитывая качественный состав советской партократии, который вряд ли способен измениться к лучшему. Чисто партийная карьера стала сейчас уже настолько ненапульярной, отпугивающей, что умные и порядочные люди стремятся ее избегать.

И все же, повторю, я не считаю приведенный анализ и план бесполезными. Я надеюсь, что, по крайней мере, такой подход поможет яснее высветить пагубный консерватизм руководства КПСС.

Одно дело, когда выхода действительно нет, другое — когда он имеется! Осознание этого может усилить недовольство и давление общества. А, главное, я убежден, что пропаганда демократических и преемственных методов и моделей может увеличить шансы не только на реформационный путь развития Советского Союза, но и на большую безболезненность полуреволюционного и даже революционного пути.

Размышления на затронутые темы небесполезны сегодня еще и потому, что по многим признакам какие-то перемены, видимо, приближаются в Советском Союзе.

Непрекращающиеся, несмотря на жестокие репрессии, оппозиционные выступления одних людей, бегство из страны других, восстания и забастовки, прокатившиеся по стране в первой половине 60-х годов (Новочеркасск, Александров, Муром, Темиртау и др.) — все это свидетельствует о том, что «давление» медленно, но неуклонно под-

нимается к кризисной черте.

И экономика страны вступает, очевидно, в критическую полосу, какой еще не знала история СССР. Свободные ресурсы рабочей силы из сельских местностей иссякают, а рождаемость среди русского населения находится на катастрофически низком уровне (коэффициент меньше единицы) — результат интегрального действия всех качеств и истории режима. В итоге возможности для экспенсивного развития, которое до сих пор вместе с изобилием природных ресурсов спасало советскую экономику, резко сужаются.

Эта давно известная специалистам ситуация признается теперь уже и советскими вождями.

«Уже нынешнее народное хозяйство, — говорил в своей последней предвыборной речи Брежнев, — темпы развития которого значительно обгоняют темпы прироста трудовых ресурсов, требует максимально возможной экономии живого труда. А в дальнейшем это требование станет еще более острым».

«Необходим поэтому, — делает вывод Брежnev, — ПОВОРОТ к интенсивным методам развития экономики.»

Здесь признается и тот факт, что до сих пор такого поворота достичь не удалось, несмотря на все «усилия партии и правительства».

И тут возникает большая опасность, что будущие вожди могут попытаться осуществить желанный поворот к интенсификации за счет широкого концессионного строительства (что уже начал сейчас делать Брежнев!) и модернизации предприятий с помощью иностранного капитала при переходе их в смешанное пользование. То есть за счет поворота экономики на колониальные рельсы! Дешевый труд советских инженеров и рабочих, в то же время более квалифицированных, чем

в развивающихся странах, может оказаться выгодным для иностранных концернов. Это положение грозит еще сильнее накалить атмосферу и приблизить страну к разилке двух дорог: демократической и неонацистской, — в случае стихийного возмущения с шовинистической окраской. Перепуганные партчиновники в этом случае могут решиться на полуфикативный дворцовый переворот с заменой тогда уже «марксизма» на откровенную шовинистическо-клерикальную идеологию, так как без агрессивной и тотальной идеологии власть им не удержать.

На мой взгляд, повторю, такой путь уже наверняка л, возможно, очень быстро приведет к революции. Однако в данной ситуации она может быть уже более кровавой, так как у властей может появиться поддержка в лице склонного к шовинизму «услужащего» слоя, который к тому же будет, вероятно, подкармливаться с концессионного стола. И чем дольше продержится «нео-авторитарный» строй, тем больше жертв может потребовать революция.

Для великого и образованного народа все дороги, в конце концов, ведут к демократии, притом основанной на социалистических идеалах, которые будут, конечно, по-новому реализовываться. Будут реализовываться, думаю, через синтез определенных структурных принципов старого капитализма и старого социализма. Харктер и тенденции событий в Восточной Европе служат тому доказательством.

Все дороги ведут Россию к социальной демократии, если не оборвутся, конечно, на военной катастрофе, но «стоимость» движения по ним различная.

Примечание автора:

Уже после опубликования этой статьи (в западной прессе) состоялось выступление главы грузинской компартии Шеварнадзе на 25-ом съезде КП Грузии. В этом необычно критичном и откровенном докладе Шеварнадзе сказал следующее: «*Необходимы новые качественные сдвиги (в работе ЦК) и новые люди, которые находятся в гуще жизни, и которые в Центральный Комитет принесут новые настроения, новые мысли и идеи.*» («Заря Востока» 23. 1. 76 г.). Вне зависимости от того, насколько был искренен Шеварнадзе, заявление это беспрецедентно для партийной практики и весьма показательно. Шеварнадзе, разумеется, не мог прямо сослаться на завещание Ленина, т. к. это было бы уже прямым вызовом ЦК в Москве. Ну, и, конечно, такое предложение в масштабах республиканского ЦК не может быть по-настоящему реализовано.

ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ КУШЕВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОПОЗИЦИЯ В СССР

Мы не стремимся осветить в этом сжатом очерке деятельность социалистической оппозиции за весь период коммунистического режима в СССР. Деятельность меньшевиков и социал-революционеров (легальная, полулегальная и, наконец, нелегальная) в первые годы господства большевизма — тема слишком обширная и требует самостоятельного всестороннего исследования.

К сожалению, почти невозможно дать и сколько-нибудь подробный отчет о деятельности социалистической оппозиции в период личной диктатуры Сталина. Основные материалы, относящиеся к этой теме, надо полагать, находятся под семью замками в архивах советской тайной полиции.

Однако время от времени появляются разного рода свидетельства о социалистической оппозиции того времени. Социал-революционерка Е. Олицкая, более 20-ти лет просидевшая в сталинских тюрьмах и лагерях, в своих мемуарах подробно описывает подпольную эсеровскую деятельность в двадцатых — начале тридцатых годов. Она упоминает о разгроме нелегального Центрального бюро эсеров в 1925 году, а также рассказывает о своей работе в составе «Группы борьбы за дело народа», которая была ликвидирована в 1931 году. Известный оппозиционный публицист А. Левитин-Краснов свидетельствует о существовании в 1934 году в Ленинграде подпольной социал-демократической организации, членом которой он состоял.

В Самиздате имеется целый ряд других данных о существовавших в то время подпольных со-

Статья опубликована в «Socialist Commentary», май 1976.

циалистических группах и кружках. Еще больше данных (хотя весьма отрывочных) о группах, возникших уже в послевоенные годы (крупнейшая из них ЦОЛ — Центральное объединение ленинцев).

Но в этом очерке мы все же хотим коснуться более близкого нам времени и делаем это по следующим причинам. Во-первых, социалистическая оппозиция в СССР давно уже переросла рамки молодежно-студенческих кружков. Во-вторых, идеи демократического социализма возродились в критически мыслящей среде советского общества и стали одним из идеино-политических направлений. И наконец, в-третьих, о социалистической оппозиции нашего времени мы располагаем не только более или менее достаточными сведениями, но также и личными впечатлениями.

Годы, последовавшие после смерти Сталина, были отмечены возникновением большого числа так называемых «ревизионистских» групп. Следует отметить, что появление подобных групп было весьма характерно для общей идеино-политической ситуации в СССР в период конца 50-х годов.

Большинство «ревизионистов» вдохновлялось примером венгерской революции, другая часть — польской «весной в октябре» или югославским вариантом социализма, частично реабилитированным в СССР. Распространение подобных настроений происходило на фоне общего глухого недовольства коммунистической системой и в условиях начавшегося общественного брожения, продолжающегося по сей день.

Оставим, однако, «ревизионизм» как идеиный поиск и рассмотрим конкретные действия некото-

рых «ревизионистских» групп.

Если большинство «ревизионистов» так и осталось в рамках узких кружков друзей-единомышленников, то некоторые из них попытались наладить планомерную политическую работу, которая, как правило, пресекалась полицейскими органами.

Так, в 1957 году, в Московском университете была раскрыта студенческая организация «Союз патриотов России», руководимая аспирантами Л. Краснопевцем и Л. Ренделем. По делу «Союза» было привлечено более 300 свидетелей, а десяток его активных участников были осуждены на сроки от 3 до 10 лет. Насколько известно, «Союз патриотов России» был первой значительной организацией, возникшей в подполье уже в послесталинский период. Он имел программу марксистско-социалистического направления, которую распространял в виде листовок.

В том же 1957 году аналогичная группа была раскрыта в Ленинграде, где ею руководил известный ныне ученый Р. Пименов. В 1964 году он был освобожден досрочно, но в 1970 году его вновь приговорили к 5-ти годам ссылки за распространение Самиздата, в том числе книги М. Джиласа, и за пропаганду идей чехословацких реформаторов.

Год спустя (в 1958 г.) в Ленинграде была раскрыта и осуждена новая «ревизионистская» группа. В 1961 году в Москве была арестована группа молодежи, организовавшая литературные встречи у памятника Маяковскому. Участники группы обвинялись в распространении «ревизионистских» книг и в создании «антисоветской организации». Бывшие участники указанной группы — Э. Кузнецов, В. Осипов, В. Буковский — в настоящее время находятся в заключении.

Следует отметить, что в этот период органами

КГБ был ликвидирован целый ряд национальных и националистических групп на окраинах СССР. Примером такой национальной, но, вместе с тем, социалистической группы может служить «украинский рабоче-крестьянский союз», организаторы которого были осуждены в 1961 году. Л. Лукьяненко, получивший 15 лет, заявил на суде: «Мы ставили своей задачей борьбу против бюрократизма и незаконного ограничения демократических свобод населения».

На подобной позиции стоял и «Союз борьбы за возрождение ленинизма», созданный генерал-майором П. Григоренко. Этот «Союз» был ликвидирован в 1964 году, после того, как его участники распространяли в ряде городов антиправительственные листовки.

В 1964 году была раскрыта действовавшая в Одессе и Кишиневе организация «Демократический союз социалистов». Она была создана учителем Н. Драгошем и существовала два с лишним года. Участники «Союза» создали свою типографию, в которой отпечатали более двух тысяч номеров газеты «Правда народу». Газета содержала, в основном, программные требования. Предполагалось, что в дальнейшем члены «Союза» начнут создавать автономные группы «Союза» в других городах и тем самым заложат основу для существования в стране «второй социалистической партии». Шестеро организаторов «Союза» были приговорены к заключению сроком от 5-ти до 7-ми лет.

В 1965 году в Ленинграде были осуждены 9 человек, создавших организацию »Союз коммунаров». Сроки: от 2-х до 10-ти лет. Среди них был сын одного из крупных/номенклатурных работников ЦК КПСС В. Гаенко. В разговоре с автором этих строк он охарактеризовал идеологию «союза» как «левую социал-демократическую». Программа

«Союза», написанная химиками-аспирантами В. Ронкиным и С. Хахаевым, называлась «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата». Помимо программы, «Союз» распространял также листовки. Кроме того, «Союз» выпустил два номера машинописного журнала «Колокол». На одном из предприятий Ленинграда при непосредственном участии некоторых членов «Союза» была проведена кратковременная забастовка, которая окончилась частичным успехом бастовавших рабочих. Следует добавить, что в 1968 году, когда в Ленинграде судили Л. Квачевского, его, помимо обвинения в распространении чехословацких документов, обвиняли также и в распространении программы «Союза коммунаров».

В январе 1966 года в Москве была арестована группа молодежи, в числе которой был и автор этих строк. Группа выпускала машинописный журнал «Тетради социалистической демократии» (вышло 8 номеров общим тиражом в 400 экземпляров). Помимо этого, группа распространяла программный документ с призывом к созданию групп «Народно-социалистической партии», а также один из номеров ленинградского «Колокола».

К счастью, следственным органам не удалось формально обвинить участников группы в антисоветской деятельности, и они подверглись только административным репрессиям. Впоследствии члены указанной группы приняли участие в создании «Клуба Рылеева» (по аналогии с «Кружком Петёфи» в Будапеште).

Следует упомянуть и о другой подобной организации, о «Союзе независимой молодежи», возникшей во Владимире в декабре 1968 года. «Союз» распространял свое заявление, в котором указывал, что борется за демократизацию общественной жизни, соблюдение конституции и т. д.

В 1967-ом году в Москве была раскрыта группа «Союз борьбы за свободу», имевшая собственную типографию, а в Алма-Ате были осуждены шесть человек — организаторы группы «Молодой рабочий». Обе группы придерживались социалистической ориентации.

Начиная с 1965 года, а особенно с 1968, в СССР появилось качественно новое движение, именуемое «движением за права человека». Это движение было и остаётся неоднородным. Оно возникло, в первую очередь, на основе протеста против политических судов и репрессий, которые расценивались участниками движения как свидетельства «нарушения законности и реставрации сталинизма».

Одни именовали это движение «либеральным», другие — «демократическим», а третьи — «протестантским». Разумеется, все эти определения до некоторой степени верны. В условиях тоталитарной диктатуры, чья реакционная сущность не вызывает сомнений, всякое, даже незначительное независимое общественное движение приобретает характер фактически оппозиционный.

Но движение за права человека в СССР (по крайней мере, видимая его «вершина») — явление в большей степени нравственное, гражданское, чем политическое. В самом широком смысле к нему следовало бы отнести все без исключения проявления открытого протesta и недовольства. Но было бы неверным считать, что такие составные части движения, как борьба малых народов заозвращение в родные края или религиозное сопротивление, выступают с каких-то определенных политических позиций и выдвигают вполне закон-

ченные суждения как по частным, так и по общим проблемам.

Современная политическая оппозиция в СССР — явление, лежащее в глубине, а не на поверхности. Открытые выступления — лишь ничтожная часть глубинных, внутренних процессов, происходящих в советском обществе. Брожение усиливается во всех слоях советского общества, что, безусловно, вызвано объективными социальными условиями и общей ситуацией в стране. В критически мыслящей среде существует целый ряд идеино-политических направлений, самым значительным из которых можно считать демократическое направление. Оно, однако, не представляет чего-то органически целого и укладывается в широкий диапазон, включающий как часть «ревизионистов», так и большинство «либералов». Но нынешний «ревизионизм» — это уже ревизионизм нового типа. Он порывает с коммунистической традицией и все больше эволюционирует в сторону демократического социализма, хотя зачастую и не именует себя подобным образом. Что же касается «либералов», то, помимо людей с социал-реформистскими настроениями, к ним следует отнести большую категорию так называемых «западников», которым идеал политической демократии кажется важнее всего остального.

Безусловно, что в будущем самые различные идеино-политические направления имеют перспективы развития (хотя и не в равной мере), несмотря на то, что в настоящий момент они так же организационно слабы, как и политически беспомощны.

Очевидно, со временем «ревизионистские» настроения охватят часть привилегированной верхушки, а также значительные круги политически пассивной сейчас массы населения. Но руководя-

щая партийная среда, вероятнее всего, предпочтет маневрировать под завесой «руссизма», который, с соответствующими социально-экономическими поправками, послужит более веским оправданием тоталитаризма, чем «марксистско-ленинское знамя».

Практически этот поворот в сторону чистого национал-империализма и шовинизма начался в сталинский период, хотя и не достиг своего логического завершения.

К 1968 году, то есть к периоду демократических реформ в Чехословакии, относится более или менее значительное распространение социал-реформистских идей в СССР. Конечно, и до 1968 года эти идеи пользовались большой популярностью, но именно в период «пражской весны», когда в Чехословакии они нашли свое конкретное воплощение, социал-реформистские идеи получили доселе невиданное распространение и в СССР.

Самиздат, существовавший ранее как явление по большей части литературно-художественное, пополнился публицистическими социал-реформистскими произведениями анонимных и «псевдонимных» авторов. Последовали также открытые выступления представителей либерально-социалистического крыла демократической общественности.

Такое, казалось бы, странное сочетание («либерально-социалистический») не должно нас смущать, и, думается, оно наиболее полно отражает политическую сущность хотя бы такого знаменитого документа, каким является «Меморандум» академика Сахарова («Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»). Появляются авторы, открыто выступаю-

щие с «либерально-социалистических» позиций. Назовем хотя бы имена П. Григоренко, И. Яхимовича, Г. Алтуняна, А. Левитина-Краснова, покойных В. Павлинчука и А. Костерина и многих других.

Подпольные группы, раскрытые органами КГБ в тот период, были уже не изолированными единицами локального характера, а составными частями общедемократического потока. Группы Л. Квачевского в Ленинграде, В. Павленкова в Горьком, В. Недоборы в Харькове, офицеров Балтийского флота в Таллине хотя и не взаимодействовали друг с другом, но уже опирались на открытую часть движения. То же относится и к другим группам или одиночкам, действующим в различных местах СССР.

Появился и получил широкое распространение ряд программных документов, из которых следует выделить «Письмо руководителям партии и правительства» А. Сахарова, В. Турчина, Р. Медведева, а также псевдонимную брошюру «Время не ждет» (Зорин, Алексеев), получившую наименование «Ленинградской программы». Если первый программный документ предлагал осуществить социально-политические реформы «сверху», то во втором бескомпромиссно выдвигался лозунг организации массового движения за демократизацию «снизу». И если «Письмо» имело социалистическую направленность, то программа «Время не ждет» была ориентирована на «третий путь».

В 1971 году в Самиздате появились два номера социал-демократического агитационного листка «Сеятель», которые выдвигали концепцию демократического социализма и призывали к формированию в СССР широкого социал-демократического движения. Тогда же распространялась программа «Общий фронт», подписанная «Демократиче-

ским движением действия» и призывающая к борьбе за новую модель социализма в духе чехословацкого реформаторства и «третьего пути».

Известен также случай распространения листовок от имени «Комитета борьбы за социалистическую демократию».

Разумеется, на активизацию общественной деятельности власти ответили усилением полицейско-административных репрессий. Большое количество людей было уволено из институтов и научных учреждений, исключено из КПСС и комсомола.

В 1969—1974 годах имели место политические процессы над участниками как подпольных групп, так и открытого движения. Перечислить всех поименно нет возможности. Поэтому ограничимся перечислением некоторых из них.

В июле 1969 года в Ленинграде состоялся суд над членами «Союза коммунистов», организации ориентированной на «третий путь». Шесть человек во главе с Ю. Федоровым получили сроки от 3 до 6 лет заключения. В январе 1970 года в Саратове проходил процесс над руководителями «Партии истинных коммунистов». По делу проходило 50 свидетелей. Руководитель группы Сенин был приговорен к 7 годам лагерей строгого режима, остальные подсудимые были осуждены на сроки от 3 до 6 лет. В феврале того же года в помещении Рязанского облсуда слушалось дело об организации под названием «Марксистская партия нового типа». Руководитель партии Юрий Вудка получил 7 лет лагерей, остальные — от 3 до 5 лет. Эти группы были связаны между собой: работа Ю. Вудки «Закат капитала», написанная под псевдонимом Л. Борин, фигурировала на обоих процессах в качестве программного документа.

Осенью того же года в Москве были осуждены М. Макаренко (срок 8 лет лагерей) и В. Родионов

(срок 3 года лагерей) за распространение листовок, подписанных: «Партия беспартийных трудящихся, борющихся за восстановление социализма». В Горьком проходил процесс над группой в составе преподавателя и трех студентов, на протяжении некоторого времени распространявших материалы чехословацких реформистов.

Еще раньше, в конце 1969 года, в Ленинграде был осужден Э. Лалаянц за листовку от имени «Руководящего центра Российской социалистической партии». В 1970 году в Свердловске была осуждена группа молодых рабочих, создавшая «Российскую рабочую партию», а в Ворошиловграде — ревизионистская группа в составе Чеховского, Толстоусова, Потоцкого и других.

В 1971 году в Керчи были осуждены молодые рабочие Чамовских и Якубенко. Они обвинялись в составлении «программы рабочего класса» и в распространении листовок, в которых, как говорилось в приговоре, «делались призывы к объединению рабочих за свои права». Листовки распространялись во время забастовок и были подписаны «Союзом защиты прав трудящихся».

В 1972 году в Ленинграде была осуждена «ревизионистская» группа из 7 человек во главе с В. Дзибаловым, а в Свердловске — 7 человек, распространявших статью «Рождение новых классов и борьба при социализме». В 1972 году в Москве и в Ленинграде было арестовано несколько человек, процессы над которыми состоялись в следующем году. Ленинградцев Г. Давыдова и В. Петрова обвиняли во взаимодействии с московской группой и в распространении и размножении типографским способом материалов Самиздата. В. Петров обвинялся также в составлении программного документа «Российский социал-демократический трудовой союз».

Московская группа (В. Болонкин и другие) обвинялась в распространении листовок экономического содержания за подписью «Гражданской комитет». Эти листовки были распространены в Москве летом 1972 года. По обоим делам привлекалось более 70 человек свидетелей.

Наконец, в 1974 году состоялся процесс над организаторами «Партии коммунистов-демократов», подробности которого автору этих строк еще не известны.

Как мы могли видеть, социалистическая оппозиция в СССР не является ни достаточно организованной, ни достаточно объединенной вокруг какой-либо «школы». Главная причина этого не только жестокий полицейский режим, но и, в неменьшей степени, отсутствие свободы информации.

Но, тем ни менее, идеалы демократического социализма все шире распространяются в стране, вызывая симпатии многих и многих людей. Следует отметить, что либерально-социалистические группы, как и группы «ревизионистского» толка, расходятся лишь во второстепенных деталях. Идеи и принципы, исповедуемые ими, в общих чертах схожи.

Некоторая часть социалистической оппозиции еще выдвигает лозунги типа «раставрации ленинских идей». Но это относится в первую очередь к подпольным группам молодежи, которая еще не освободилась от некоторых идейных «предрассудков». Но и для этих групп характерна оценка «советского социализма» как антинародного государственно-капиталистического строя, где вся полнота власти принадлежит правящей партийной олигархии. Такие группы зачастую копируют дея-

тельность революционных левых элементов в странах с авторитарными режимами. (В 1969 году в Красноярске одна такая группа применила тактику «тупомарос» — ее члены поджигали здания официальных учреждений).

В целом, критически мыслящая среда в СССР, охватывающая как интеллигенцию, так и инженерно-технический слой (включающий и наиболее передовые элементы рабочего класса) уже освободилась от иллюзий, навеянных кратковременной «либерализацией».

В этой среде сильна тяга к конструктивному решению основных проблем советского общества и зреет решимость найти положительные общественные идеалы. Эти люди сознают прежде всего тот факт, что они не защищены от эксплуатации со стороны партийно-государственного аппарата, который сконцентрировал в своих руках всю мощь политической и экономической власти. Они сознают, что их политическое бесправие и тяжелое материальное положение являются результатом господства партийной бюрократии, бесконтрольно управляющей страной. Поэтому их идеал — широкая политическая и социальная демократия, залог нормального общественного развития и гарантия от произвола и беззакония, от восстановления каких-либо иных тоталитарных и авторитарных режимов.

Кроме того подавляющее большинство населения СССР не хочет возврата к прошлому, не хочет замены государственного капитализма капиталистической системой иного образца. Именно поэтому, они выражают свои симпатии деятельности

Примечание составителя. 1). Фактические данные в статье Е. Кушева были проверены по имеющимся в наших руках справочным материалам. Однако мы все-же не можем

западных социалистических партий и свободным профсоюзам, а также приветствуют любые изменения в Восточной Европе, ведущие к большей свободе и большей социальной справедливости.

жем гарантировать, что статья совершенно свободна от неточностей, так как, естественно, не существует полных и достаточно достоверных справочных материалов о каком-либо оппозиционном движении в СССР.

2). Западным читателям надо иметь в виду по поводу упоминаемого в статье «вызыва свидетелей», что в СССР такой вызов (по политическим делам) также представляет собой репрессивную меру: свидетели часто подвергаются давлению и угрозам, а иногда и арестам, и впоследствии часто подвергаются административным преследованиям, (лишение работы, понижение в должности и т. д.).

3). Автор причисляет к социалистической оппозиции ряд групп, ориентированных к «третьему пути», что представляется сомнительным ввиду кардинальных различий, существующих между двумя этими направлениями. Общим для них является лишь исходное неприятие любых форм эксплуатации и отчуждения человека.

ДОКУМЕНТЫ

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ — II

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло 40 лет с тех пор, как был написан Гуманистический Манифест I (1933 г.). Происшедшие с тех пор в мире события показали, что этот документ был слишком оптимистичным. Нацизм обнажил ту глубину жестокости, на которую способно человечество. Другие тоталитарные режимы успешно подавили человеческие права, не спривившись в то же время с нищетой. Успехи науки приносили иногда столько же зла, сколько и пользы. Последние десятилетия показали, что бесчеловечные войны могут вестись во имя мира. Зачатки полицейского государства даже в демократических обществах, правительственный шпионаж в широком масштабе и другие злоупотребления властью со стороны военной, политической и промышленной элиты, продолжение упрямой расистской политики, все это создает иную и трудную социальную перспективу. В различных странах нашему поколению бросают вызов требования женщин и национальных меньшинств предоставить им равные со всеми права.

По мере того, как мы приближаемся к двадцать первому веку, становится необходимым жизнеутверждающее и вселяющее надежду мировоззрение. Необходима также вера, пребывающая в гармонии с развитием наших познаний.

Поставленные перед выбором между отчаянием и надеждой, гуманисты в наше время неуверенности выступают в этом Гуманистическом Манифесте с позитивной декларацией.

Как и в 1933 году гуманисты продолжают считать, что традиционная религия, в особенности вера в такого Бога, который слышит молитвы, забо-

тится о людях и способен что-то для них сделать, является недоказанной и отжившей свой век. Вера в загробную жизнь, которая зиждется только на голословном утверждении, представляется нам вредной и отвлекающей людей на ложные надежды о потустороннем рае. Трезвые умы ищут иных средств спасения. Подписавшие Гуманистический Манифест II отрицают, что они выдвигают некое обязывающее их кредо, их личные точки зрения могут быть представлены в самом широком диапазоне. Этот документ, однако, отражает их общее воззрение на будущее в тот период истории, когда миру особенно необходимо новое направление. Это социальный анализ, предпринятый с целью достичь единодушия. Другие документы в будущем должны развить и заменить настоящий, но сегодня мы убеждены, что гуманизм предлагает миру ту альтернативу, которая отвечает нуждам сегодняшнего дня и может дать человечеству нужное направление на пути к будущему

Редактор «Гуманиста»

Поль Курц

Бывший редактор «Гуманиста»

Эдвин Х. Вильсон

Следующее столетие может и должно быть гуманистическим. Драматические перемены, наблюдавшиеся в развитии науки и технологии, и все ускоряющиеся социальные и политические перемены заполняют наше сознание. Мы фактически покорили планету, исследуем Луну, преодолели естественные преграды в области путешествий и коммуникаций. Мы стоим на пороге нового века, готовые еще дальше шагнуть в космос и, возможно, заселить другие планеты. Разумно используя технику, мы в состоянии контролировать окружающую среду, победить нищету, заметно уменьшить болезни, увеличить продолжительность жизни, существенно повлиять на психологию нашего поведения, изменить направление эволюции и культурного развития людей, высвободить новые могучие силы и обеспечить человечество необычайными возможностями для достижения уровня жизни, максимально насыщенного изобилием и смыслом.

Однако, будущее чревато опасностями. В процессе обучения тому, как применять научные методы к природе и человеческой жизни, мы открыли путь повреждению окружающей среды, перенаселенности, общественным институтам, преследующим антигуманные цели, тоталитарному угнетению, ядерной и биохимической катастрофе. Подавленные прогнозами апокалипсиса и картинами Страшного суда, многие в отчаянии бегут от разума и обращаются к иррациональным культурам и различным религиям отступления и ухода от реальности.

Традиционные моральные кодексы, как и более поздние иррациональные культуры, не могут ответить на острые нужды сегодняшнего и завтрашнего дня. Ложные «теологии надежды» и мессианские идеологии, лишь заменяющие старые

догмы на новые, не могут ничего предложить существующей в мире реальности. Они скорее разъединяют, чем объединяют людей.

Чтобы выжить, человечество нуждается в смелых и решительных мерах. Нам следует не отвергать научные методы, а расширить сферу их применения, чтобы вдохновить человеческий разум на создание конструктивных социальных и нравственных ценностей. Перед нами — несколько вариантов будущего. Мы должны решить, какой из них выбрать. Конечной целью должно стать осуществление потенциальных возможностей для развития каждой человеческой личности — не избранных немногих, а всех. Подлинный результат может быть достигнут в доступном всем мире при применении мер в глобальном масштабе.

Гуманистическое мировоззрение способно впитать в себя творческую индивидуальность каждого человека и дать каждому из нас цель и мужество для совместной работы. Это мировоззрение отводит человеку огромную роль в его социальной сфере. Будущие десятилетия призывают к действию самоотверженных, здравомыслящих мужчин и женщин, способных направить свою волю, разум и творческие способности на достижение достойного будущего для человечества. Гуманизм способен обеспечить ту цель и то вдохновение, которые так необходимы многим людям. Он может придать смысл и значимость каждой человеческой жизни.

В современном мире существует множество видов гуманизма. Различные разновидности и оттенки натуралистического гуманизма включают в себя гуманизм «научный», «этический», «демократический», «религиозный», и «марксистский». Принцип свободы мысли, атеизм, агностицизм, скептицизм, деизм, рационализм, этическая культура и либеральная религия — все они претендуют на то, что-

бы считаться наследием гуманистической традиции. Гуманизм имеет корни в древнем Китае, классической Греции и Риме, через Ренессанс и эпоху Просвещения он пришел к эре научной революции и современному миру. Но взгляды, просто отрицающие теизм, неэквивалентны гуманизму. Им недостает убежденности в возможности человеческого прогресса и преданности его основополагающим ценностям. Многие люди, принадлежащие к религиозным общинам и верящие в будущее гуманизма, также претендуют называться гуманистами. Гуманизм — это этический процесс, через который мы все можем пройти, становясь выше разделяющих нас частностей, идя дальше индивидуального героизма, догм и ритуальных обычаев религий прошлого, или же их простого отрицания.

Мы утверждаем ряд общих принципов, которым мы все можем служить и которые могут явиться основой для совместных действий. Это позитивные принципы, относящиеся к современному состоянию человечества. Это как бы эксиз светского общества в масштабе всей планеты.

Исходя из всего этого, мы предлагаем новый *Гуманистический Манифест* для будущего человечества. Для нас это символ надежды и ориентир на пути к достойной жизни.

РЕЛИГИЯ

Первое: В лучшем смысле, религия может вдохновить человека на служение высшим этическим идеалам. Воспитание моральной преданности и творческого воображения является выражением искреннего «духовного» опыта и устремлений.

Мы, однако, полагаем, что традиционные догматические или авторитарные религии, которые ста-

вят откровение, Бога, обряд или саму веру выше человеческих нужд и опыта, оказывают плохую услугу людям. Любая оценка или объяснение природы должны пройти испытание на научную достоверность. На наш взгляд, догмы и мифы традиционных религий испытания не выдерживают. Определенные элементарные факты, основанные на беспристрастных научных знаниях, следует утвердить вновь, пусть и с запозданием в человеческой истории. Мы не находим достаточных оснований и свидетельств для веры в сверхестественное. Это либо бессмысленно, либо никакого отношения к вопросу выживания и самовыражения человеческой расы не имеет. Как для людей нерелигиозных, для нас на первом месте стоит человек, а не Бог, природа, а не божество. Природа может, действительно, быть шире и глубже, чем мы о ней в настоящее время знаем, однако, любые новые открытия только увеличивают наши знания о ней.

Некоторые гуманисты полагают, что следует заново интерпретировать традиционные религии и придать им смысл, соответствующий сегодняшним условиям. Однако, такие переоценки часто лишь увековечивают старые путы и эскапизм. Они легко становятся обскурантистскими, сковывающими свободу интеллекта. Вместо этого нам необходимы радикально новые цели и задачи.

Мы одобляем необходимость сохранять лучшие этические учения в религиозных традициях человечества, многие из которых мы разделяем. Но мы отвергаем те стороны традиционной религиозной морали, которые отказывают человеку в праве осуществлять все свои потенциальные возможности и осознавать всю полноту своей ответственности. Традиционные религии часто предлагают людям утешение, но часто и сдерживают людей от

помочи самим себе или полного использования своих возможностей. Их институты, вероучения и обряды часто подавляют в людях и стремление служить ближним. Слишком часто традиционные религии поощряют зависимость, нежели независимость, повиновение, нежели самоутверждение, страх, нежели мужество. В последнее время они стали проявлять интерес к общественной деятельности со многими признаками того подхода, который отразился в теологиях, исходящих из положения, что «Бог умер». Мы не видим каких-либо признаков божественной цели и смысла в жизни человеческих существ. Хотя многое в природе мы еще не знаем, мы убеждены, что именно людей надо считать ответственными за то, что они представляют собой сейчас и будут представлять в будущем. Никакое божество нас не спасает. Мы сами должны себя спасти.

Второе: обещание бессмертия в потусторонней жизни, как и страх вечного проклятия иллюзорны и вредны. Они отвлекают людей от забот и нужд сегодняшнего дня, от самовыражения, от борьбы с социальной несправедливостью. Современная наука отвергает историческую концепцию «духа в машине» и идею об «отделении души». Она утверждает, что человек появился в результате эволюции сил природы. Насколько нам известно, личность в целом — это функция биоорганизма, проявляющего себя в социальном и культурном контексте. Достоверные доказательства того, что жизнь продолжается после смерти тела, отсутствуют. Мы продолжаем существовать в нашем потомстве и в том влиянии, которое мы оказываем на жизнь других людей нашей культурной среды.

Традиционные религии являются, разумеется, не единственным препятствием на пути к человеческому прогрессу. Другие идеологии также сдер-

живают продвижение человечества вперед. Некоторые формы политических доктрин, например, функционируют наподобие религиозных, проявляя худшие черты ортодоксальности и авторитаризма, особенно когда они проповедуют приношение людей в жертву во имя каких-то утопических обещаний. Чисто экономические или политические теории, будь они в пользу капитализма или коммунизма, также часто функционируют, как религиозные или идеологические догмы. Хотя люди без сомнения нуждаются в экономических и политических целях, им необходимы также этические ценности, в соответствии с которыми они хотят жить.

ЭТИКА

Третье: мы утверждаем, что моральные ценности происходят из человеческого опыта. Этика автономна и преходяща, она не нуждается ни в идеологических, ни в теологических санкциях. Этика проистекает из человеческих нужд и интересов. И отрицать это, значит исказить саму основу жизни. В человеческой жизни есть смысл, ибо мы сами творим и развиваем наше будущее. Незменными целями гуманизма являются счастье человека, творческая реализация его нужд и устремлений, как самостоятельно, так и в радости совместных усилий. Мы боремся за хорошую жизнь здесь и сейчас. Наша цель состоит в том, чтобы добиваться полноценной жизни вопреки действующим в мире низменным силам, направленным на привнесение коммерческого духа во все сферы жизни, ее вульгаризацию, бюрократизацию и дегуманизацию.

Четвертое: разум — наиболее эффективное

средство, которым располагает человечество. Ему нет замены: ни вера, ни чувство сами по себе недостаточны. Контролируемое использование научных методов, преобразовавших естественные и социальные науки со времени Ренессанса, должно и далее быть применено к решению человеческих проблем. Но и разум должен знать смижение, ибо никакая группа не владеет монополией на обладание истиной или конечной мудростью. Не существует также никакой гарантии того, что все проблемы можно решить и на все вопросы ответить. Однако, наилучшим методом для решения проблем остается критический ум, вдохновленный чувством ответственности и заботы о человечестве. Человеческая личность полноцenna тогда, когда разум в ней уравновешен чувством сострадания и сопереживания. Таким образом, мы стоим не за отрыв научного мышления от эмоций, или их противопоставление, а за их гармоничное сочетание, ибо верим в эмоциональное воспитание. По мере того, как наука раздвигает границы знаний, постоянно обновляется наше чувство откровения и удивления, поэтому искусство, поэзия и музыка не утрачивают своего места в человеческой жизни, наряду с религией и этикой.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Пятое: ценность и достоинство человеческой личности являются основной ценностью гуманизма. Необходимо поощрять людей к реализации их творческих возможностей и талантов. Мы отвергаем все религиозные, идеологические или моральные кодексы, приникающие и дегуманизирующие человеческую личность, подавляющие свободу и интеллект. Мы верим в право человека на макси-

мальную независимость, совместимую, однако, с его чувством социальной ответственности. Хотя наука и способна объяснить детерминированность человеческого поведения, возможности индивидуальной свободы выбора существуют в жизни и должны быть увеличены.

Шестое: в области секса мы считаем, что нетерпимость, часто насаждаемая религиозным догматизмом и культурами пуританского характера, приводит к неоправданному подавлению сексуального поведения. Право на контроль рождаемости, аборты и разводы должно быть всеми признано. Хотя мы и не одобляем различные формы эксплуатации секса и унижающие человека формы сексуального поведения, мы не желаем запрещать ни в форме закона, ни в виде социальных санкций различные формы поведения между взрослыми партнерами. Разнообразие сексуальных экспериментов само по себе не должно считаться злом. Не одобряя безрассудную пемиссивность или разнузданный промискуитет, цивилизованное общество должно быть в то же время терпимым. Людям следует разрешить выражение их личных сексуальных склонностей и ведение того образа жизни, который их больше устраивает, если при этом никому не причиняется вреда и отсутствует давление с целью принуждения. Мы выступаем за воспитание в людях чувства ответственности в области секса, которое не позволит их эксплуатацию в качестве сексуальных объектов и будет лишь способствовать интимности, чувственности, уважению и честности в человеческих взаимоотношениях. Нравственное воспитание детей и взрослых является также важным моментом развития в них чувства ответственности, сознательности и сексуальной зрелости.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Седьмое: чтобы люди имели больше свободы и достоинства, они должны пользоваться всеми гражданскими свободами во всех странах. Сюда входит свобода слова и прессы, политическая демократия, право на легальную оппозицию правительской политике, справедливый юридический процесс, религиозная свобода, свобода объединений, творческая научная и культурная свобода. Это включает также признание за каждым права умереть с достоинством, право на эвтаназию и право на самоубийство. Мы выступаем против любого вторжения в частную жизнь в каких бы формах оно ни осуществлялось, как в тоталитарных, так и в демократических обществах. Мы намерены охранять и расширять принципы человеческой свободы, провозглашенные в *Великой хартии вольностей* и развиваемые далее в *Биле о правах*, в *Правах человека* и *Всеобщей Декларации прав человека*.

Восьмое: мы за открытое и демократическое общество. Мы должны распространить *выборную демократию* в ее истинном смысле на экономику, образование, семью, место работы и добровольные объединения. Следует децентрализовать принятие решений с целью участия в них огромного числа людей на всех уровнях — социальном, политическом, экономическом. Каждый должен иметь право голоса в выборе ценностей и целей, детерминирующих наши жизни. Институты человеческого общества должны отвечать нуждам и желаниям людей. Условия, при которых человек работает, получает образование, отдается любимому делу, отдыху должны стать максимально гуманными. Силы, приводящие к отчуждению, должны быть либо изменены, либо уничтожены, а бюрократиче-

ские препоны сведены к минимуму. Люди более ценные, чем десять заповедей, чем любые правила и установки.

Девятое: отделение церкви от государства и отделение идеологии от государства являются императивами. Государство должно обеспечивать максимум свободы для различной моральной, политической, религиозной и социальной деятельности в обществе. Оно не должно отдавать предпочтения каким-либо религиозным институтам путем распределения общественных средств или поддерживать какую-либо одну идеологию и таким образом функционировать в качестве инструмента ее пропаганды и подавления других идей, в особенности инакомыслия.

Десятое: человеческое общество должно производить оценку различных экономических систем, исходя не из риторики или идеологии, ее поддерживающей, а из того, увеличивают ли они благосостояние всех слоев общества и всех людей, уменьшают ли бедность, страдания, способствуют ли все большему удовлетворению человеческих потребностей и повышают ли уровень и качество жизни. Таким образом, мы предполагаем возможность различных экономических систем. Нам необходимо демократизировать экономику и судить о ее достоинствах по тому, как она откликается на человеческие нужды, проверяя ее эффективность по шкале всеобщего блага.

Однадцатое: следует и далее отстаивать принцип морального равенства через уничтожение всяческой дискриминации: расовой, религиозной, сексуальной, возрастной или национальной. Это означает равенство возможностей для всех и признание способностей и талантов каждого. Людей следует поощрять к совершенствованию их собственной жизни. В случае неспособности к этому, общество

должно обеспечивать удовлетворение материальных, медицинских и культурных запросов и потребностей каждого, в том числе установление минимального гарантированного годового дохода, где позволяют ресурсы. Нас волнует проблема социального обеспечения престарелых, немощных и обездоленных, а также судьба умственно отсталых людей, брошенных детей, калек, заключенных, наркоманов — всех, кого общество забыло или игнорирует. Гуманисты дела, а не теории, должны считать своим долгом гуманизировать взаимоотношения людей. Мы верим в необходимость всеобщего и универсального образования. Каждый имеет право на развитие и самовыражение своих уникальных способностей. Школы также должны способствовать достижению творческой, удовлетворяющей всех жизни. Они должны быть открыты на всех уровнях, для каждого и для всех, обеспечивая возможности для самосовершенствования. Следует приветствовать новые экспериментальные формы образования. Энергия и идеализм молодого поколения должны получить должную оценку и быть направлены на конструктивные цели.

Мы осуждаем расовый, религиозный или классовый антагонизм. Признавая культурное различие между людьми и приветствуя расовую и национальную гордость, мы в то же время отвергаем всякое разделение человечества, способствующее вражде и восстановливающее людей и группы друг против друга. Мы мечтаем об интегрированном обществе, в котором люди имели бы максимум возможностей для свободных и добровольных объединений.

Мы стоим против культа секса и сексуального шовинизма, мужского или женского. Мы верим в равные права как женщин, так и мужчин в осуществлении их индивидуальных жизненных пла-

нов и творческих возможностей, свободных от какой-либо унизительной дискриминации.

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО

Двенадцатое: мы осуждаем разделение человечества на националистической основе. Мир стоит на поворотной точке истории, когда наилучшим выходом было бы перешагнуть за пределы национального суверенитета и приступить к созданию мирового сообщества с участием всех членов единой семьи человечества. Мы мечтаем о развитии системы единого мирового законодательства и единого миропорядка, основанного на наднациональном федеральном правительстве, признающем и охраняющем право на многообразие культур. Такая система мирового порядка не исключает гордости людей за свое национальное происхождение и национальные достижения, как не исключает и разрешения региональных проблем на региональной основе. Однако, прогресс человечества не может более осуществляться путем концентрации внимания на одной части мира, будь то западной или восточной, развитой или развивающейся. Впервые в человеческой истории ни одна часть человечества не может быть отделена от другой. Будущее каждого человека каким-то образом связано с будущим для всех нас. Поэтому мы подтверждаем свою приверженность к построению мирового сообщества, признавая в то же время, что это ставит нас перед некоторыми тяжелыми проблемами выбора.

Тринадцатое: мировое сообщество должно отказаться от применения силы и насилия, как метода разрешения международных разногласий. Мы верим в мирное урегулирование разногласий

через международные суды и путем развития и совершенствования искусства переговоров и компромиссов. Война, как метод решения проблем, устарела, как и использование ядерного, биологического или химического оружия. Императив планеты — снижение военных расходов и обращение этих средств на мирные цели, на нужды людей.

Четырнадцатое: мировое сообщество должно участвовать в кооперативном планировании в области использования быстро уменьшающихся ресурсов планеты. Земля всей планеты должна считаться единой экологической системой. Экологическое разрушение, растрата природных ресурсов, чрезмерный рост населения земного шара должны быть приостановлены действием соответствующей международной конвенции. Сохранение природы является ценностью нравственного порядка. Мы должны считать себя неотделимой частью природы, источника нашего бытия. Мы должны избавить мир от бессмысленного загрязнения среды, истощения природных богатств, мы должны со всей ответственностью охранять и приумножать природные и человеческие ценности. Должна прекратиться нещадная эксплуатация природных ресурсов, которую в настоящее время не сдерживает никакое чувство социальной ответственности.

Пятнадцатое: проблемы экономического роста и развития не должны более оставаться в компетенции одной нации, они имеют значение для всего мира. Нравственный долг развитых стран — оказание всяческой помощи развивающимся странам, включая техническую помощь, сельскохозяйственную, медицинскую (в том числе средства контроля над рождаемостью) и экономическую. Помощь эта должна осуществляться через международные организации охраны прав человека. Нищета в мире должна исчезнуть. Чрезвы-

чайные диспропорции в благосостоянии, доходах и экономическом росте должны быть сведены к минимуму в мировом масштабе.

Шестнадцатое: Технология жизненно важна для человеческого прогресса и развития. Мы осуждаем любые неоромантические попытки отвергать без разбора всю технологию и науку, как и попытки сдержать их дальнейшее развитие и использование на благо человечества. Мы выступаем против любых намерений установить цензуру над научными исследованиями, проводимыми в основных областях жизни, какими бы соображениями эта цензура ни была обоснована: моральными, политическими или социальными. Однако, технология должна оцениваться с точки зрения последствий ее применения. Вредные и разрушительные перемены, которые она может принести в жизнь, должны быть предотвращены или приостановлены. Нас особенно тревожит, когда бюрократия, в руках которой находится контроль над технологией, манипулирует с ее помощью людьми, производя в их жизни или в них самих нежелательные перемены.

Семнадцатое: мы должны способствовать распространению и развитию средств транспорта и связи по всему миру, невзирая на существующие между странами границы. Должны прекратиться какие-либо ограничения в области путешествий. Мир должен быть открыт для различных политических, идеологических и нравственных идеей и мировоззрений. Необходимо развивать всемирную систему телевидения и радио для всеобщей информации и образования. Мы призываем таким образом к полному международному сотрудничеству в области культуры, науки, искусства и технологии через любые идеологические границы. Либо мы научимся жить вместе в открытом мире, либо вместе погибнем.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ЦЕЛОМ

В завершение: Мир не может ждать, пока соревнующиеся политические или экономические системы уладят его проблемы. Наше время — время для всех мужчин и женщин доброй воли участвовать в созидании мирной и процветающей планеты. Мы призываем переступить порог ограниченных и жестких идеологий, нравственных, религиозных и прочих. Мы призываем к признанию единых гуманистических ценностей для всех людей в мире. Мы призываем направить разум человеческий на построение такого мирового общества, в котором всем были бы обеспечены мир, процветание, свобода и счастье. Не будем бежать от этой мечты в отчаянии или трусости. Мы ответственны за то, чем мы являемся сейчас и чем будем в будущем. Давайте вместе работать во имя гуманного мира, используя для его построения средства, соответствующие гуманным целям. Необходимо преодолеть разрушительное различие между коммунизмом, капитализмом, социализмом, консерватизмом, либерализмом и радикализмом. Мы призываем всех положить конец террору и ненависти. Человечество выживет и добьется процветания только в мире единых человеческих ценностей. Люди в состоянии дать новое направление миру и человечеству. Старая вражда и соперничество должны быть преодолены широкими совместными усилиями. Однако, приверженность терпимости, стремлению к взаимопониманию и мирным переговорам вовсе не означают согласия на статус quo и осуждения динамических революционных сил в обществе. Происходит истинная революция и она может продолжаться путем бесчисленных ненасильственных методов. В настоящий момент истории приверженность все-

му человечеству — высшая приверженность, на которую мы, люди, способны. Узкая приверженность церкви, государству, партии, классу или расе должна уступить место более глубокому пониманию и видению мира и потенциальных возможностей человечества. Что может быть отважнее такой цели для человечества, осуществление которой позволит каждому человеку не только в идеале, но и на практике стать гражданином мирового сообщества? Это классическая мечта, и мы можем вдохнуть в нее новую жизнь. Поэтому мы понимаем гуманизм, как моральную силу, на которую работает время. Мы верим в то, что человечество способно направить свой разум, добрую волю и совместные усилия на достижение этой цели в ближайшие десятилетия.

Мы, нижеподписавшиеся, необязательно разделяя каждую частность вышесказанного, заявляем о своем одобрении Гуманистического Манифеста II для будущего человечества. Положения, выдвинутые в нем, не являются окончательным кредо или догмой, они отражают существующую в мире и все более крепнущую веру. Мы приглашаем людей изо всех стран мира присоединиться к нам для дальнейшего развития провозглашенных целей и работы во имя их осуществления.

Перевод Веры Белоцерковской

■

Манифест подписали 300 человек, в том числе А. Сахаров, А. Есенин-Вольгин, В. Белоцерковский.

На Западе подписали: Исаак Азимов, писатель; Френсис Кирк, лауреат Нобелевской Премии по биологии; Елизабет Ли, писатель; Светазар Стоянович, профессор философии (Югославия); братья Бориген, священники (США), и др.

Некоторые подписали с оговорками. В частности, А. Сахаров сделал следующие оговорки: 1. «Я не считаю правильным с философской и этической точки зрения противопоставление религии и гуманизма, религии и научного знания. Тем более я не считаю такое противопоставление актуальным. 2. Я считаю, что в манифесте не получило должного отражения самое актуальное для нашего времени противопоставление гуманизма и ложных теорий и пагубной практики, основанных на концепциях классовой борьбы, диктатуры, идеологического монизма, нетерпимости и презрения к правам индивидуума».

К СТОРОННИКАМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА

По многим признакам Советский Союз медленно, но неотвратимо приближается к глубокому кризису.

При этом мы разделяем убеждение, что современная Россия, страна с высоким распространением образования, прошедшая к тому же страшный опыт тоталитаризма, созрела или созревает для демократии, и лишь в условиях демократии сможет решить свои важнейшие современные проблемы, в том числе и национальные.

Мы также склонны думать, что в условиях демократического развития нереально утверждение в стране западного социально-экономического уклада, и уж тем более возвращение к дореволюционному укладу. И поэтому мы предполагаем, что демократическое развитие Советского Союза может привести к созданию системы принципиально нового типа, и что, в свою очередь, лишь фор-

мирование такой системы будет обуславливать демократическое развитие страны.

Однако, среди публицистической литературы, издающейся на Западе (на русском языке) слишком мала доля литературы, которая могла бы способствовать созданию и распространению новых идей, — альтернатив существующему в СССР строю. Объясняется это преобладанием в русской эмиграции консервативно настроенных кругов.

Поэтому мы считаем, что назрела необходимость создания журнала, а в перспективе и издательства, которые могли бы способствовать разработке альтернативных идей. Однако, одним нам, заинтересованным в этом эмигрантам из СССР, будет трудно справиться с данной задачей.

Выйти мы видим в создании такого журнала (издательства) в сотрудничестве с демократическими кругами эмигрантов из Восточной Европы и дружественной нам общественностью Запада. В этом случае предполагаемая издательская деятельность может вестись на ряде языков, включая русский.

И мы обращаемся ко всем, кто заинтересован в демократическом и поступательном развитии Советского Союза, и, прежде всего, к эмигрантам из стран Восточной Европы, с призывом к сотрудничеству и объединению для осуществления упомянутой выше цели.

Сам факт подобного объединения мог бы иметь большое психологическое значение для общественности Советского Союза и Восточной Европы.

Кроме создания журнала (и издательства), такое сотрудничество могло бы способствовать лучшему распространению (и переизданию) на Западе Самиздата из СССР и Восточной Европы, а также иметь своей целью всяческую помощь новым эмигрантам и защиту преследуемых в странах советского блока.

Мы убеждены, что такое сотрудничество увеличило бы шансы на благоприятное развитие событий в Советском Союзе, а следовательно и в Восточной Европе и во всем мире.

Члены инициативной группы:

Анатолий Левитин-Краснов, церковный писатель, член «Инициативной группы защиты прав человека в СССР».

Давид Анин, историк.

Евгений Кушев, литератор, участник движения в защиту прав человека в СССР.

Владимир Дремлюга, рабочий, участник движения в защиту прав человека в СССР.

Вадим Белоцерковский, литератор, участник движения в защиту прав человека в СССР.

Яков Шер, литератор и переводчик.

Герман Андреев, литературовед.

РОССИЙСКИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ЗА РУБЕЖОМ

Филиал Социалистического Союза
Восточной Европы

Адрес для связи: RDSA/SUCEE
1 Norfolk Place
London W. 2.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ*

Выпуск I (выходит на русском
и английском языках) Март 1976

1. ССВЕ принял Российских Демократических Социалистов (перевод с английского текста в «Соушист Интернэшонал Ньюс» Изд. 7, Номер 3, 19. 2. 1976).

Социалистический Союз Восточной Европы (ССВЕ), являющийся филиальным отделением Социалистического Интернационала, на заседании в Лондоне 31 января 1976 года увеличил количество своих членских организаций — социалистических партий и групп в изгнании — от 10 до 11, включив в свой состав группу «Российские демократические социалисты за рубежом». Исполнительный Комитет ССВЕ во главе со своим председателем Бруно Калныньшем (Латвия) вынес следующее постановление:

«Социалистический Союз Восточной Европы получил заявление группы «Российские демократические социалисты за рубежом». В этом заявлении говорится, что указанная группа разделяет и одобряет Декларацию ССВЕ «Социалистическая Альтернатива для Восточной Европы», также как

* 1 стр. «Информационного бюллетеня». В редакционную группу бюллетеня входят: Д. Ачин, Е. Кушев, В. Бронин, А. Левитин-Краснов, Д. Мусина.

«Цели и Принципы» Социалистического Интернационала. ССВЕ с удовлетворением принимает это заявление и включает группу в свой состав, в качестве членской организации. ССВЕ приветствует появление в СССР, после десятилетий подавления, людей, которые ясно провозглашают свою поддержку целям социал-демократии и, проявляя свою солидарность с ними, отдает дань тем, кто страдает за свои убеждения».

Другими членскими организациями ССВЕ являются: Болгарская социалистическая партия, Социал-демократическая партия Венгрии, Социал-демократическая партия Латвии, Литовская Социал-демократическая партия, Польская Социалистическая партия, Румынская социалистическая партия, Украинская социалистическая партия, Чехословацкая социал-демократическая партия, Эстонская социалистическая партия, Югославская социалистическая партия.

ОБ АВТОРАХ

Андреев Герман. Литературовед. Работал преподавателем литературы в Москве. Сотрудничал в Самиздатовском журнале «XX век» (редактор Рой Медведев). Эмигрировал в 1975 г. Сейчас живет в ФРГ.

Белоцерковский Вадим. Литератор. Участник движения в защиту прав человека в СССР. Родился в Москве в 1928 г. Работал преподавателем химии и физики в школах рабочей молодежи, потом — журналистом в центральной прессе. В 1963—64 г. г. опубликовал повесть «В почтовом вагоне» (в журн. «Москва» и в изд-ве «Советский писатель»), по поводу которой КГБ было проведено расследование обстоятельств выдачи ГЛАВЛИТом (цензурой) разрешения на ее публикацию, и в 68 г. была запрещена публикация сборника рассказов «Кто я?», подготовленного к печати в изд-ве «Советский писатель». С того времени и до выезда из СССР (в 72 г.) В. Б. не имел работы. Сейчас живет в ФРГ.

Вишневская Юлия. Литератор. Родилась в 1949 г. в Москве. Участница движения в защиту прав человека в СССР. В этом движении с 65 г., с участия в организации демонстрации на Пушкинской площади в Москве в защиту Синявского и Даниеля, за что была заключена в психиатрическую больницу (так же как В. Буковский и ряд активистов движения). Автор сборников стихов, распространявшихся в Самиздате. Эмигрировала в 71 г., живет в ФРГ.

Кушев Евгений. Литератор. Родился в Москве, в 1947 г. Участник движения в защиту прав человека в СССР. В частности, участник демонстрации 22. I. 67 г. на Пушкинской площади в Москве в защиту Ю. Галанского, А. Добровольского, В. Лаш-

ковой и П. Радзиевского. Судим летом того же года вместе с другими организаторами этой демонстрации (В. Буковским, В. Делоне). Участвовал в выпуске «Тетрадей социалистической демократии». Автор ряда поэтических и прозаических произведений, опубликованных на Западе («Огрызком карандаша» и др.). Эмигрировал в 74 г. Сейчас работает преподавателем в Университете Сент-Андрюс (Шотландия).

Левитин-Краснов Анатолий. Церковный писатель. Родился в 1916 г. Работал предподавателем литературы в средних школах. Член «Инициативной группы в защиту прав человека в СССР» и один из зачинателей этого движения. Автор ряда книг, распространявшихся в Самиздате и изданных на Западе («Строматы», «История обновленчества» и др.). Неоднократно подвергался репрессиям, был узником сталинских и послесталинских лагерей и тюрем. Эмигрировал в 74 г., живет в Швейцарии.

Михайло Михайлов. Литератор. Один из основоположников югославского демократического движения. Много раз подвергался судебным репрессиям. В 1975 осужден на 7 лет тюрьмы по обвинению в деятельности, наносящий ущерб югославскому социалистическому строю в государству.

Плющ Леонид. Кибернетик. Родился в 1939 г. Работал научным сотрудником института Кибернетики АН Украинской ССР, член «Инициативной группы защиты прав человека в СССР». Автор ряда публицистических работ, распространявшихся в Самиздате. За свою правозащитную деятельность был помещен в специальную (тюремную) психиатрическую больницу (в г. Днепропетровске), из которой был освобожден в начале 76 г. под давлением мировой общественности, и тогда же вынужден

был эмигрировать. Живет во Франции, где стал одним из инициаторов создания «Комитета против репрессий на Востоке и Западе».

Эткинд Ефим. Литературовед и предподаватель (профессор) литературы, доктор наук, автор ряда работ и книг по русской поэзии XIX века, изданных в СССР и за границей. В 1974 г. за «антисоветские взгляды и деятельность», в частности, за сотрудничество с Солженицыным, был исключен из Союза Писателей СССР и уволен с работы по специальному распоряжению КГБ. После этого вынужден был эмигрировать. Сейчас профессор в университете г. Нантере (Франция), член-корреспондент Баварской Академии Наук и Литературы.

Ян Элберфельд. Преподаватель средней школы. Участник движения «Третий путь» и активист «Интернационального Культурного центра Ахберг» (ФРГ), главного центра движения «Третий путь». В недавнем прошлом — рабочий, столяр. В 1968 году был активным участником левого студенческого движения в ФРГ.

Янов Александр. Историк и социолог. В 1970 г. защитил диссертацию «Славянофилы и Константин Леонтьев». Автор более 60 работ, опубликованных в центральной прессе СССР, в том числе, в «Новом Мире». В конце 1974 года после публикации статьи «Альтернативы» в журнале «Молодой коммунист» вынужден был эмигрировать. (Номер «Молодого коммуниста» со статьей Янова по сообщению «Хроники текущих событий» № 34 был изъят из продажи). Сейчас живет в США, работает преподавателем в Нью-Йоркском Университете.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АХБЕРГ**